

ВЕСНІК

Беларускага дзяржаўнага
універсітэта імя У. І. Леніна

СЕРЫЯ III

ГІСТОРЫЯ

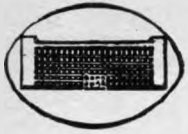
ФІЛАСОФІЯ

НАВУКОВЫ
КАМУНІЗМ

ЭКАНОМІКА

ПРАВА

1
—
1986

ВЕСНІК

*Беларускага дзяржаўнага
універсітэта імя У. І. Леніна*

НАВУКОВА-ТЭАРЭТЫЧНЫ ЧАСОПІС

Выдаецца з 1969 года
адзін раз у чатыры месяцы

СЕРЫЯ III

ГІСТОРЫЯ

ФІЛАСОФІЯ

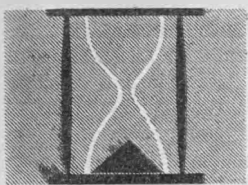
НАВУКОВЫ
КАМУНІЗМ

ЭКАНОМІКА

№ 1
САКАВІК

ПРАВА

БІБЛІЯТЭКА
БЕЛАРУСЬСЬКАГА
УНІВЕРСІТЭТА
ІМЯ У. І. ЛЕНІНА

Гісторыя

В. И. МЕНЬКОВСКИЙ

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КОМСОМОЛЬСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ РЕСПУБЛИКИ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ УДАРНЫХ КОМСОМОЛЬСКИХ СТРОЕК РАБОЧИМИ КАДРАМИ (1971—1980)

Славной традицией Ленинского комсомола является шефство над сооружением важнейших народнохозяйственных объектов. Ударные комсомольские стройки дают возможность комсомольцам и молодежи найти свое призвание, свое место в жизни, стать непосредственными участниками коммунистического строительства. В Постановлении ЦК КПСС «О дальнейшем совершенствовании партийного руководства комсомолом и повышении его роли в коммунистическом воспитании молодежи» подчеркивается, что каждая комсомольско-молодежная стройка должна стать для юношей и девушек «настоящей школой гражданского становления, трудовой и политической закалки, действительно ударного труда»¹.

В рассматриваемый период коллективы ударных строек формировались за счет общественного призыва, направлений по комсомольским путевкам выпускников ПТУ и общеобразовательных школ, молодых рабочих с предприятий и организаций области и республики, военнослужащих, уволенных в запас, направлений на временную работу комсомольско-молодежных отрядов и ССО, а также за счет рабочих, прибывших на стройку самостоятельно.

В семидесятые годы хорошо зарекомендовала себя такая форма общественного призыва, как ударные комсомольско-молодежные строительные отряды, которые создавались из молодежи промышленных предприятий, учреждений и организаций. Ударные отряды позволили хозяйственным органам более эффективно решать вопросы укрепления производственных коллективов. В составе отряда комитет комсомола, как правило, посылал на ударную стройку первичную комсомольскую организацию. Ее сплоченность, ответственность за порученное дело давали гарантию, что в коллектив строителей вольются люди, которые смогут преодолеть трудности, бытовые неурядицы, оправдают доверие рабочего коллектива.

Инициатором создания ударных отрядов в Минской области стал Слуцкий горком комсомола. Инициативу комсомольцев поддержали партийные организации республики. Так, бюро Минского ОК КПБ в ноябре 1973 года поручило обкому ЛКСМБ совместно с местными партийными и советскими органами, предприятиями и организациями сформировать и направить на пусковые объекты комсомольско-молодежные отряды для оказания помощи строительным организациям². В это же время комсомольские организации Гомельской области сформировали и направили на важнейшие пусковые объекты 42 ударных комсомольских отряда³.

В марте 1974 года секретариат ЦК ЛКСМБ принял решение о направлении ударного комсомольского отряда на строительство Мозырского нефтеперерабатывающего завода⁴. Выполняя его, Минская областная комсомольская организация направила в составе отряда 39 человек, в том числе 15 каменщиков, 16 бетонщиков, 8 плотников⁵.

Комсомольские организации не преувеличивали значения помощи, которую оказывали отряды ударным стройкам, но при дефиците рабочей силы в строительстве она была очень нужна. Так, когда в 1978 году на одной из крупнейших строек республики — Четвертом солигорском калийном

комбинате возникла угроза срыва сроков ввода в строй важнейших участков, Минский обком комсомола сформировал ударный комсомольский отряд высотников. На его долю выпала труднейшая производственная задача: на пятидесятиметровой высоте в сжатые сроки произвести химическую защиту металлических конструкций.

Костяк отряда, в который было зачислено 50 человек, составили спортсмены-альпинисты. Они добились 300 % сменной выработки и за полтора месяца освоили более 100 тыс. рублей капиталовложений⁶. Отряд высотников повел за собой всех строителей и помог досрочно сдать важный объект.

Широкое распространение получила практика создания комсомольско-молодежных отрядов на строительстве олимпийских сооружений в Минске. В период с 21 мая по октябрь 1979 года на реконструкции стадиона «Динамо» постоянно работало 8 районных комсомольских отрядов. Между членами отрядов было организовано социалистическое соревнование. Ежедневно подводились итоги и определялся победитель и в соревновании между районными отрядами, в честь которого поднимался флаг. В связи с производственной необходимостью Минский горком комсомола продлил срок работы районных отрядов до 1 декабря 1979 года, а затем организовал работу городского ударного отряда в апреле—мае 1980 года⁷.

Большую работу по созданию временных ударных строительных отрядов проделала Гомельская областная комсомольская организация. Секретариат обкома комсомола в апреле 1978 года рассмотрел вопрос «О формировании ударного отряда молодежи на строительстве завода «Гомсельмаш». Было принято решение поручить Гомельскому горкому ЛКСМБ сформировать отряд из 150 человек⁸. Особое внимание обком и районные комитеты ЛКСМБ уделили качественному подбору членов отряда. В каждом производственном подразделении были проведены комсомольские собрания-летучки, на которых молодежи разъяснили сложности строительства, цели и задачи предстоящей работы. Кандидатуры в ударный отряд обсуждались на собраниях. В первую очередь отбирались добровольцы, имеющие строительные специальности или опыт работы в строительных отрядах.

С первых дней работы бойцы отряда включились в напряженный трудовой ритм. Качественный подбор руководителей и активистов позволил четко организовать выполнение всех операций. Оперативный штаб по руководству отрядом контролировал обеспечение бойцов инструментом, механизмами и материалами. Была налажена связь с поставщиками и смежниками. В результате хорошей организации производительность труда бойцов и отдельных бригад достигла 140—150 %. Первоначально намеченный объем строительных работ был превышен в 1,5 раза⁹.

Центральный комитет комсомола Белоруссии оценил создание ударных отрядов как удачную форму привлечения молодежи к шефству над капитальным строительством, повышения престижа профессии строителя среди молодежи и рекомендовал обкомам комсомола практиковать формирование и направление на важнейшие новостройки ударных строительных отрядов.

Создание ударных комсомольских отрядов получило широкое распространение во всех областных комсомольских организациях республики. Так, секретариатом Гродненского ОК ЛКСМБ в сентябре 1976 года был разработан комплекс мероприятий по шефству над областной ударной комсомольской стройкой—совхозом «50 лет Октября» Свислочского района,—включавший и создание ударного отряда в количестве 30 человек из молодежи Гродно. Отряд был скомплектован из передовиков производства, ударников коммунистического труда, лучших комсомольцев и молодых коммунистов. Комсомольские организации, направившие добровольцев, обеспечили выполнение норм выработки за товарищей, ушедших на стройку¹⁰.

В 1979 году Бобруйский горком комсомола утвердил состав двух комсомольско-молодежных отрядов, направляемых для оказания помощи тресту «Могилевсельстрой» в строительстве тепличного комбината совхоза «Кадино». В 1979 году, в период областного комсомольско-молодежного двухмесячника по шефству над вводными объектами, городскими и районными комитетами комсомола Могилевской области было создано 19 ударных строительных отрядов, численностью более 1200 человек, проведено 140 массовых субботников и воскресников по оказанию помощи строительным организациям¹¹.

Комсомольско-молодежные отряды, создававшиеся для работы на ударных стройках Белоруссии, стали хорошей школой подготовки кадров строителей для всесоюзных ударных комсомольских строек. В связи с отправкой белорусского отряда на БАМ ЦК ЛКСМБ в 1974 году объявил соревнование за право быть членом этого отряда, предоставив возможность энтузиастам пройти в течение года своеобразное испытание в ударных отрядах на важнейших объектах республики. Развивая эту инициативу, Минский ОК ЛКСМБ принял решение о том, чтобы комсомольская путевка на строительство БАМа вручалась прежде всего комсомольцам и молодым коммунистам, хорошо зарекомендовавшим себя на работе в строительных организациях области и принимавшим активное участие в жизни комсомольских организаций.

Отрядный принцип направления добровольцев, как одна из форм общественного призыва, позволил комсомольским организациям Белоруссии укрепить связи со своими посланцами на ударных стройках республики, в кратчайшие сроки создавать на наиболее важных строительных объектах крупные комсомольско-молодежные коллективы, способные обеспечить выполнение самых сложных задач.

¹ Правда.— 1984, 7 июля.

² ПА Минского ОК КПБ.— Ф. 1, оп. 69, д. 40, л. 86.

³ ПА ИИП при ЦК КПБ.— Ф. 63, оп. 47, д. 6, л. 78.

⁴ Там же.— Д. 5, л. 66.

⁵ ПА Минского ОК КПБ.— Ф. 174, оп. 17, д. 2, л. 250.

⁶ Текущий архив ЦК ЛКСМБ.

⁷ ПА Минского ОК КПБ.— Ф. 370, оп. 4, д. 73, л. 33; д. 48, л. 56; д. 61, л. 39.

⁸ ПА Гомельского ОК КПБ.— Ф. 264, оп. 94, д. 79, л. 79—80.

⁹ ПА ИИП при ЦК КПБ.— Ф. 63, оп. 30, д. 308, л. 108.

¹⁰ ПА Гродненского ОК КПБ.— Ф. 20, оп. 26, д. 37, л. 41—42.

¹¹ ПА Могилевского ОК КПБ.— Ф. 24, оп. 27, д. 6, л. 44, 139; Ф. 54, оп. 26, д. 4, л. 144.

В. И. КАРБАЛЕВИЧ

РУКОВОДСТВО КПБ ПРОПАГАНДОЙ ДОСТИЖЕНИЙ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ НАУКИ И ПЕРЕДОВОГО ОПЫТА (1971—1980)

Компартия Белоруссии в 70-ые годы уделяла большое внимание совершенствованию форм и методов пропаганды сельскохозяйственных знаний, повышению роли этой пропаганды и ее эффективности в распространении и внедрении научно-технических достижений, передовой практики в колхозно-совхозное производство. Партийные организации республики использовали в своей работе такие эффективные формы и средства, которые позволяли донести до каждого хозяйства и труженика все лучшее, что было накоплено отечественной и зарубежной сельскохозяйственной наукой и практикой.

Важное место в пропаганде передовых достижений занимали семинары и научно-производственные конференции, проводившиеся по актуальным проблемам развития сельскохозяйственного производства с различными категориями работников сельского хозяйства, с привлечением ученых. Настоящей школой передового опыта были проводившиеся по решению ЦК КПБ и Совета Министров БССР ежегодные республиканские семинары по вопросам сельского хозяйства, в которых участвовали руководящие кадры республики. Они проводились поочередно в каждой области и завершались детальным разбором всех новшеств, прогрессивных методов хозяйствования, выработкой рекомендаций. Республиканские семинары были одной из наиболее действенных форм пропаганды и распространения передовой практики, достижений научно-технического прогресса.

Райкомы партии регулярно проводили районные семинары, научно-практические конференции, знакомившие руководителей, специалистов хозяйств с передовым опытом. Так, Мозырский РК КПБ проводил семинары председателей колхозов, директоров совхозов, секретарей первичных партийных организаций на базе лучших хозяйств. Только в течение 1975—1976 годов на семинарах и научно-практических конференциях было рекомендовано для внедрения в сельскохозяйственное производство

28 научных разработок, достижений передовиков. Райком партии осуществлял контроль за практической реализацией этих рекомендаций¹.

Много внимания партийные комитеты республики уделяли развитию системы экономического образования как важного средства пропаганды достижений науки и передовой практики среди тружеников села. Экономическое обучение проводилось в системе партийной учебы, в формах массовой пропаганды (школах коммунистического труда, народных университетах сельскохозяйственных знаний, лекториях). Большую работу по пропаганде передового опыта вели пропагандисты школ основ экономических знаний. Так, директор совхоза «Оршанский» А. М. Демьянков использовал на занятиях данные о производственной деятельности совхоза, материалы о передовых хозяйствах района, достижениях передовиков, в том числе и слушателей своей школы, часто давал им практические задания. В 1976/1977 учебном году все десять слушателей возглавляемой им школы были активными производственниками, четверо являлись ударниками коммунистического труда, а трое боролись за присвоение этого почетного звания².

В 1976 году экономической учебой в республике были охвачены почти все руководители хозяйств, более половины специалистов, одна треть колхозников и рабочих совхозов. Всего в системе обучалось 480 тыс. тружеников сельского хозяйства³.

Партийные организации активизировали пропаганду передового опыта через школы коммунистического труда. Были подобраны квалифицированные кадры пропагандистов. В 1980 году в колхозах, совхозах и организациях, обслуживающих сельское хозяйство, работало 4 009 школ коммунистического труда, в которых обучалось 943 560 слушателей. За годы десятой пятилетки количество таких школ увеличилось на 1 161, а слушателей в них — на 22 526 человек⁴. Основной итог их деятельности — широкое распространение и внедрение лучших приемов и методов хозяйствования.

Значительную роль в пропаганде достижений науки и передового опыта играли народные университеты сельскохозяйственных знаний. В 1977 году в республике функционировало 143 таких университета. В них повышали знания свыше 39 тыс. человек⁵. Это специалисты колхозов и совхозов, полеводы, животноводы, механизаторы. Программы университетов предусматривали изучение достижений науки, лучшего опыта передовых хозяйств и способствовали активному внедрению в производство новейших научных разработок.

Пропагандой новейших достижений научно-технического прогресса, передовой практики в рассматриваемый период активно занималось общество «Знание» Белорусской ССР. В десятой пятилетке ежегодно на сельскохозяйственную тематику читалось свыше 33 тыс. лекций, в том числе по экономике сельского хозяйства — свыше 15 тыс., об опыте передовиков — около 10 тыс. лекций. В пропаганде сельскохозяйственных знаний принимали участие 700 новаторов и рационализаторов производства⁶.

Действенной формой пропаганды достижений ученых, передовиков производства зарекомендовали себя республиканские, областные и районные школы передового опыта. Созданные на базе передовых хозяйств, они помогали изучать современные методы управления и формы организации труда, новые прогрессивные технологии, наиболее рациональные приемы использования материальных и трудовых ресурсов.

Большое внимание уделял школам передового опыта Гродненский обком партии. В 1979 году здесь работали 52 областные и районные школы передового опыта. В областных школах ежегодно занималось более трех тысяч специалистов управлений сельского хозяйства райисполкомов, колхозов и совхозов, кадров среднего звена⁷.

Весьма эффективной оказалась работа школ передового опыта в Волковыском районе. По решению бюро горкома партии здесь было создано восемь таких школ. В районе развернулось своеобразное соревнование между хозяйствами за право их создания. Действовали школы не постоянно, а лишь до тех пор, пока достижения новаторов, передовые методы труда лучших колхозов и совхозов не были внедрены в хозяйствах района. Поучительный опыт работы Волковыского горкома по организации школ передового опыта был одобрен бюро Гродненского обкома КПБ и рекомендован для широкого распространения.

Активное участие в создании школ передового опыта приняла «Сельхозтехника» БССР. За годы десятой пятилетки она организовала 16 рес-

публиканских и 77 областных школ. Так, в колхозе «Октябрь» Ветковского района действовала республиканская школа передового опыта комбайнеров. Здесь прославленный комбайнер Герой Социалистического Труда Г. М. Котляров делился со своими коллегами опытом рекордной производительности труда. К уборке урожая 1977 года школой было подготовлено 60, а в 1978 году — более 500 механизаторов⁸.

В современных условиях рационально и оперативно использовать достижения ученых, новаторов невозможно без четкой постановки службы научно-технической информации (НТИ), которая занимается поиском, изучением, обобщением, пропагандой и распространением научных достижений, передовой практики.

Функции головного отраслевого центра информации в рассматриваемый период выполнял в республике отдел НТИ Центрального научно-исследовательского института механизации и электрификации сельского хозяйства Нечерноземной зоны СССР. В начале 1977 года этот отдел был передан в подчинение Белорусскому научно-исследовательскому институту экономики и организации сельского хозяйства. Он издавал аннотированный указатель «Новости сельскохозяйственной литературы», информационные листки, тематические подборки. Отдел НТИ БелНИИЭОСХ совместно с Белорусской республиканской сельскохозяйственной библиотекой проводили большую работу по созданию республиканского справочно-информационного фонда по сельскому хозяйству, научной обработке поступающих в фонд материалов, подготовке и выдаче информации потребителям. В Белорусском научно-исследовательском институте научно-технической информации Госплана БССР был организован отдел сельского хозяйства, который также издавал информационные листки и тематические подборки.

Для успешного регулирования и использования в практических целях постоянно растущего потока сведений о новом в области науки и техники были созданы бюро НТИ на местах. Они работали на общественных началах в управлениях сельского хозяйства облисполкомов и райисполкомов, трестах совхозов, во многих колхозах и совхозах. Служба НТИ, охватывающая все сельскохозяйственные учреждения сверху донизу, активно воздействовала на процесс внедрения научных разработок, передового опыта в производство.

Большую роль в пропаганде новинок науки и техники, лучших образцов труда играли газеты и журналы республики. Бюро Могилевского обкома КПБ, рассмотрев вопрос о пропаганде достижений науки и передовой практики районными газетами, одобрило опыт газет и указало на необходимость более активного воздействия районной печати на внедрение в производство передовых методов труда⁹.

Активно участвовали в пропаганде сельскохозяйственных знаний радио и телевидение. Практиковалось проведение радиолекториев, телеуниверситетов. В передачах выступали ученые, специалисты, передовики производства. В 1972 году колхозы и совхозы Добрушского района добились заметных успехов в развитии животноводства за счет применения прогрессивной технологии в кормопроизводстве и племенной работе. Редакция Гомельского областного телевидения по рекомендации обкома КПБ обобщила опыт этого района в четырех передачах, которые вел первый секретарь Добрушского райкома КПБ В. В. Шувалов. Вскоре по примеру добрушан многие хозяйства области резко увеличили производство сенажа, травяной и хвойной витаминной муки, стали активнее заниматься племенной работой¹⁰.

Таким образом, Компартия Белоруссии в 70-ые годы проводила большую организаторскую работу по повышению эффективности пропаганды достижений сельскохозяйственной науки и передового опыта среди тружеников села, совершенствованию ее форм и методов. В результате возросли оперативность, актуальность пропаганды, расширились ее масштабы. Это способствовало широкому распространению и внедрению достижений науки и передовой практики в сельскохозяйственное производство республики. Только за годы девятой пятилетки более 365 научных разработок нашли практическое применение в хозяйствах. Учетная экономическая эффективность от их внедрения составила 198,2 млн. руб.¹¹.

¹ См.: Советская Белоруссия.— 1977, 23 ноября.

² ПА ИИП при ЦК КПБ.— Ф. 4, оп. 119, д. 60, л. 66.

³ См.: Сельское хозяйство Белоруссии.— 1976.— № 9.— С. 37.

⁴ Там же — 1980. — № 6. — С. 36.

⁵ ПА ИИП при ЦК КПБ. — Ф. 4, оп. 119, д. 60, л. 25, 26.

⁶ См.: Вопросы сельского хозяйства Белоруссии. — Минск. — 1978. — С. 110.

⁷ См.: Сельское хозяйство Белоруссии. — 1979. — № 8. — С. 12; Коммунист Белоруссии. — 1981. — № 10. — С. 16.

⁸ См.: Сельское хозяйство Белоруссии. — 1979. — № 5. — С. 23; 1977. — № 11. — С. 34.

⁹ ПА Могилевского ОК КПБ. — Ф. 4, оп. 151, д. 7, л. 32, 33.

¹⁰ ПА ИИП при ЦК КПБ. — Ф. 4, оп. 47, д. 629, л. 151, 152.

¹¹ См.: Коммунист Белоруссии. — 1980. — № 11. — С. 60.

Н. М. ЯКУШ

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПОДГОТОВКИ КАДРОВ МАССОВЫХ ПРОФЕССИЙ В СИСТЕМЕ СЕЛЬСКИХ ПРОФТЕХУЧИЛИЩ БЕЛОРУССКОЙ ССР (1976—1983)

Интенсификация сельскохозяйственного производства, его перевооружение на базе новой техники, развитие химизации и мелиорации предъявляют все новые требования к работникам села, к уровню их общей и профессиональной подготовки.

В связи с этим перед сельскими профтехучилищами была поставлена задача значительно увеличить выпуск и повысить уровень подготовки кадров массовых профессий. Пути ее решения определены XXV съездом партии и конкретизированы затем в постановлениях ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 30 августа 1977 года «О дальнейшем совершенствовании процесса обучения и воспитания учащихся системы профессионально-технического образования» и от 1 сентября 1977 года «О мерах по повышению эффективности использования сельскохозяйственной техники, улучшению ее сохранности, обеспечению колхозов и совхозов кадрами механизаторов и закреплению их в сельском хозяйстве»¹.

Значительную работу по совершенствованию подготовки кадров массовых профессий для села проделала в 1976—1983 годах белорусская партийная организация. Главным направлением ее деятельности было укрепление материально-технической базы сельских профтехучилищ. Много внимания парторганизации республики уделяли также оснащению сельских ПТУ современной сельскохозяйственной техникой и оборудованием. Обсудив в ноябре 1976 года вопрос «О совершенствовании работы сельских профессионально-технических училищ области в свете требований XXV съезда КПСС», бюро Могилевского ОК КПБ приняло решение провести в течение 1977—1980 годов полную замену в училищах физически изношенного и морально устаревшего оборудования, машин и механизмов². Вопросы технического переоснащения производственной базы СПТУ решались и другими областными комитетами партии. В итоге за 10-ю пятилетку машинно-тракторный парк сельских профтехучилищ пополнился 1454 тракторами, 45 бульдозерами, 45 экскаваторами, 176 зерноуборочными комбайнами. Причем многие училища получили мощные, энергонасыщенные тракторы К-700, Т-150, современные комбайны «Колос», «Нива». В большинстве СПТУ были оборудованы полигоны для тренировки будущих механизаторов, пункты технического обслуживания машин³.

Белорусская партийная организация обращала особое внимание на развитие средних СПТУ, выпускники которых наиболее полно отвечают современным требованиям сельскохозяйственного производства. Одновременно со строительством новых активно шел процесс перевода в средние действующих сельских профтехучилищ. Вопросы создания в них новых кабинетов по общественным дисциплинам, налаживания учебного процесса, пополнения кадрами преподавателей регулярно обсуждались не только в парторганизациях СПТУ, но и в районных, областных комитетах партии. Укрепление учебно-материальной базы всей системы СПТУ, широкое развитие средних училищ создали реальную основу для получения выпускниками высокой квалификации, ускорили процесс перевода училищ на обучение молодежи профессиям широкого профиля, совмещенным и сложным.

Наряду с упрочением материальной базы первичные партийные организации СПТУ решали задачи совершенствования учебного процесса. Повышение его эффективности достигалось путем проведения специализации

училищ за счет сокращения подготовки кадров по специальностям узкого профиля, комплексного применения на уроках наглядных пособий и технических средств обучения, улучшения преподавания общеобразовательных дисциплин и обеспечения необходимого соотношения общеобразовательной и профессиональной подготовки, перехода на преподавание по новым учебным программам, совершенствования форм производственного обучения.

Первичные партийные организации сельских профтехучилищ оказывали помощь дирекции, преподавателям и мастерам в организации методической работы, в развитии технического творчества, проведении различных конкурсов среди учащихся. Так, парторганизация Могилевского СПТУ № 1 на собраниях и заседаниях бюро рассматривала и такие вопросы, как «Об участии СПТУ № 1 во Всесоюзном социалистическом соревновании за повышение эффективности и качества работы, за успешное выполнение народнохозяйственного плана на 1976 год», «Работа партийной организации СПТУ № 1 по выполнению постановления бюро Могилевского РК КПБ от 11.03.77 г.», «О работе СПТУ № 1 по улучшению учебно-воспитательной работы», «Мероприятия парторганизации по выполнению Постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О дальнейшем совершенствовании процесса обучения и воспитания учащихся системы профессионально-технического образования», состояние преподавания общественных дисциплин, движение изобретателей и рационализаторов среди учащихся и инженерно-педагогических работников, техническое творчество⁴.

В исследуемый период все СПТУ республики перешли на кабинетную систему подготовки и изучения предметов по профессиям в классах-цехах. Широкое распространение получило проблемное и программное обучение. Активно внедрялось перспективно-тематическое планирование учебных занятий. Начиная с 1977 года, училища стали переходить на обучение по новым учебным планам и программам, более полно решающим проблемы подготовки кадров высокой квалификации. Началась подготовка специалистов по таким профессиям, как слесарь по монтажу, эксплуатации, ремонту оборудования животноводческих ферм, мастер-цветовод-декоратор, лаборант химико-бактериологического анализа.

За 1976—1983 годы в сельских ПТУ заметно улучшилось производственное обучение. В учебных хозяйствах будущие хлеборобы получали первоначальные навыки выращивания сельскохозяйственных культур, обслуживания животноводческих ферм, вели опытную селекционную работу. Производственная практика учащихся в базовых хозяйствах проводилась под руководством опытных наставников.

Улучшению профессионального мастерства учащихся СПТУ способствовало широкое развитие технического творчества, конкурсы за звание «Лучший по профессии». Это видно на примере Витебской области, где в 1979 году в 12 первичных организациях Всесоюзного товарищества изобретателей и рационализаторов СПТУ насчитывалось свыше 5 тысяч учащихся и более 500 инженерно-педагогических работников. В сельских профтехучилищах действовало 140 предметных кружков и кружков технического творчества; 8 СПТУ из 13, имеющих в области, были участниками выставки технического творчества учащихся профтехобразования⁵.

Работа партийных организаций, администрации СПТУ и базовых хозяйств по совершенствованию учебного процесса способствовала значительному повышению успеваемости и квалификационного мастерства выпускников. Так, успеваемость по производственному обучению в 1980/81 учебном году составила 99,9 % в 1981/82—100 %. Повышенные разряды получили соответственно 4,5 и 5,6 % выпускников⁶.

Партийные и государственные органы, общественные организации республики заботились об укреплении сельских профтехучилищ высококвалифицированными кадрами преподавателей и мастеров производственного обучения. Благодаря этому за годы 10-й пятилетки в профтехучилища республики, в том числе и сельские, было направлено 756 молодых специалистов с высшим и 231 со средним специальным образованием. В 1983 году в сельских ПТУ работало 1863 преподавателя, 94,6 % из которых имели высшее образование, тогда как в 1976 году эти цифры составляли соответственно 1120 и 79,5. Больше стало среди них членов и кандидатов в члены КПСС. Так, если на 1 января 1981 года члены партии составляли 22,1 % от общего количества преподавателей, то на 1 января 1984 года—24⁷.

Важное место в работе с кадрами в системе СПТУ занимали вопросы

повышения их квалификации и подготовки. Была введена государственная аттестация кадров, открыт республиканский институт повышения квалификации работников профтехобразования. Согласно планам областных управлений и училищ, инженерно-педагогические работники и руководящие кадры СПТУ повышали свое мастерство в институтах усовершенствования учителей, на курсах по изучению новой техники, на факультетах повышения квалификации, во Всесоюзном и республиканском ИПЖ работников профтехобразования и в высших и средних специальных учебных заведениях.

Компартия Белоруссии много внимания уделяла и вопросам профессиональной ориентации молодежи, приобщения ее к сельскохозяйственному труду. Задачи профориентационной работы, пути координации в этом направлении действий сельских профтехучилищ, общеобразовательных школ, семьи и общественности были всесторонне рассмотрены на совещании республиканского партийно-хозяйственного актива в феврале 1978 года, а также на проходившем в Минской области в 1979 году республиканском семинаре по сельскому хозяйству⁸. В соответствии с их рекомендациями партийные комитеты областей и районов заметно улучшили руководство службой профориентации. Вошло в практику ежегодное обсуждение на бюро обкомов и райкомов планов и итогов комплектования СПТУ. При этом обсуждались и вопросы работы районных методических кабинетов и центров по профессиональной ориентации и профконсультации молодежи, комиссий по профориентации учащихся при исполкомах Советов народных депутатов, управлений профтехобразования, партийных организаций и парткомитетов СПТУ и базовых хозяйств. Важную роль в популяризации массовых сельскохозяйственных профессий среди молодежи сыграли проводимые по решению партийных органов районные и областные слеты выпускников общеобразовательных школ, изъявивших желание работать в сельском хозяйстве, и учащихся СПТУ.

В сложившейся системе профориентационной работы заметно выделялась деятельность самих сельских профтехучилищ. Определенный опыт в этом отношении накоплен в СПТУ Минской области. Партийные организации сельских ПТУ №№ 9, 16, 23 и других регулярно обсуждали на собраниях вопросы набора молодежи в училища и профориентационной работы в районах. Здесь всегда конкретно определялись формы профессиональной информации, профконсультации и помощи сельской школе в трудовом обучении. Это позволяло областному управлению профтехобразования ежегодно выполнять план набора молодежи в сельские ПТУ по всем показателям. Так, в 1981—1982 годах план приема молодежи в СПТУ здесь составлял 109,9 %, в средние СПТУ—108, в технические училища—106,2⁹.

О результатах профориентационной работы в республике можно судить по усилению интереса школьников к сельскохозяйственному профессиям. За два года 11-й пятилетки план набора молодежи в СПТУ выполнен на 103,5 %. Среди принятых более 70 % имеют возраст 15—17 лет. Увеличивается количество поступающих девушек. В 1982 году их было принято 4,45 тысячи, или 13,4 % от общего количества поступивших, против 11,3 в 1981 году и 7,2 % за годы 10-й пятилетки¹⁰.

Централизованная работа республиканской партийной организации по укреплению материально-технической базы сельских профтехучилищ, улучшению учебно-методического процесса, совершенствованию квалификационной структуры инженерно-педагогических кадров и улучшению профориентационной работы среди сельской молодежи в 1976—1983 годах способствовала достижению определенных успехов в подготовке кадров для села. За годы 10-й пятилетки в системе СПТУ республики было подготовлено 138,5 тыс. квалифицированных рабочих, тогда как в 9-й—115,18 тыс. За два года 11-й пятилетки подготовлено 61,84 тыс. механизаторов, что составляет 111,1 % по отношению к плану. Из них подготовлено полеводов 46,67, мелиораторов 7,04, животноводов—1,59 тысячи¹¹.

¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК—М., 1978.—Т. 12.—С. 522—529, 541—545.

² ПА Могилевского ОК КПБ.—Ф. 9, оп. 158, д. 4. л. 6—11; оп. 159, д. 46, л. 273—275.

³ Текущий архив Госкомитета по профтехобразованию при Совете Министров БССР. Справка о развитии профессионально-технического образования в Белорусской ССР (1976—1980).—С. 14.

⁴ ПА Могилевского ОК КПБ.— Ф. 372, оп. 1, д. 21, л. 30, 45, 90, 91—94; д. 20, л. 25, 90.

⁵ См.: Віцебскі рабочы.— 1979, 29 сакавіка.

⁶ Текущий архив Госкомитета по профтехобразованию при Совете Министров БССР.— С. 68.

⁷ Текущий архив Госкомитета по профтехобразованию при Совете Министров БССР: Статистический отчет о численности, составе и движении работников.

⁸ См.: Советская Белоруссия.— 1978, 11 февраля; 1979, 17 февраля.

⁹ Текущий архив Госкомитета по профтехобразованию при Совете Министров БССР: Справка о развитии профессионально-технического образования в Белорусской ССР в 1982 году.— С. 16.

¹⁰ Там же.— С. 11.

¹¹ Там же.— С. 48.

Н. Е. ОРЛОВА

ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СИСТЕМЫ НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ В АНГЛИИ В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX ВЕКА

Государственная система народного образования в Англии сложилась довольно поздно, лишь в последней трети XIX века. Низкий уровень развития производительных сил средневековья не вызывал острой необходимости в распространении грамотности среди народа. В дальнейшем потребность в грамотных рабочих значительно возросла. Определенным рубежом в этом отношении является середина XVIII века, когда в Англии началась промышленная революция, коренным образом изменившая социально-экономический облик страны. Переход к машинному производству предполагал наличие хотя бы элементарно грамотных рабочих. Между тем, по данным 1802 года, в Англии на 1712 жителей приходился лишь один ребенок, посещающий школу¹.

Подобное положение актуализировало проблему народного образования. В конце XVIII века начал педагогическую деятельность Джозеф Ланкастер. Он ввел систему мониторов (способные старшие ученики под наблюдением учителя участвовали в обучении младших), которая способствовала в некоторой степени увеличению численности детей, охваченных школой. В 1808 году его сторонниками была основана первая крупная организация в области просвещения «Королевский институт Ланкастера», с 1814 года именованная «Обществом британских и иностранных школ»². Она в своей деятельности исключала чисто конфессиональные моменты и пользовалась активной поддержкой диссидентов (представители религиозных сект, отступавшие от догматов господствовавшей англиканской церкви). Высшее духовенство, обеспокоенное успехами Ланкастера, пригласило другого сторонника мониторинговой системы, англиканского священника Андрю Белла, чтобы он ввел данный метод в англиканских школах для бедных³. В 1811 году его приверженцами было основано влиятельное и богатое «Национальное общество», которое базировалось на строго конфессиональной основе и имело сильную поддержку со стороны церкви⁴.

С начала XIX века косвенным образом через фабрично-заводское законодательство государство начало оказывать известное влияние на распространение грамотности среди трудящихся. Появление машин позволило использовать на фабриках труд женщин и детей. Беспощадная эксплуатация детей на производстве вызвала возмущение английской общественности, что вынуждало государство принимать некоторые меры по пресечению наиболее вопиющих злоупотреблений. Как правило, фабричные законы обязывали предпринимателей организовывать элементарное обучение детей, работающих на предприятиях. Первый такой закон под давлением общественности и при активном участии Р. Пиля, владельца хлопчатобумажной фабрики, был принят в 1802 году. Он ограничивал продолжительность рабочего дня учеников на фабриках, предписывая, чтобы юноши в первые четыре года обучения ежедневно в определенные часы занимались чтением, письмом, арифметикой под руководством опытного учителя, находящегося на жаловании у предпринимателя фабрики⁵. Но этот закон распространялся только на хлопчатобумажную и шерстяную промышленность. Он не предусматривал контроля со стороны фабричной инспекции и фактически не соблюдался фабрикантами.

В дальнейшем Р. Пилю и другим филантропам удалось добиться из-

дания новых фабричных законов 1819, 1825 и 1831 годов, которые ограничивали рабочее время и запрещали ночную работу детей и подростков. Эти законы, как и закон 1802 года, были малоэффективны, ибо не предусматривали какого-либо контроля их выполнения. Для обследования условий труда детей и подростков в 1833 году парламентом была учреждена так называемая центральная комиссия. Она представила отчет, который «вполне достаточно показывает возмутительное, бессердечное отношение промышленной буржуазии к рабочим». Следствием этого отчета явился фабричный закон 1833 года. Он запретил применять труд детей моложе 9 лет, ограничил рабочий день: для детей от 9 до 13 лет — не более 9 часов, а рабочее время для подростков от 14 до 18 лет не более 12 часов в день. Вводилось обязательное посещение школы в течение 2 часов в день для всех детей моложе 14 лет; фабрикаду под угрозой штрафа запрещалось принимать на работу детей без справки фабричного врача о возрасте и без справки учителя о посещении им школы. Но самым главным положением данного акта было введение определенных гарантий его выполнения: назначались фабричные врачи и инспектора, которым предоставлялось право в любое время являться на фабрику, брать у рабочих показания под присягой. Они были также обязаны в случае нарушения закона возбуждать дело против фабриканта перед мировым судьей.

Осуществление закона, и в частности назначение инспекторов, привело к сокращению рабочего дня в среднем до 12—13 часов и к замене, где возможно, детей взрослыми. Но распоряжение правительства об обязательном посещении школы не выполнялось, поскольку оно не было подкреплено практическими действиями: правительство не позаботилось о создании новых школ.

В начале 40-х годов деятельность в сфере фабричного законодательства продолжалась. Министр внутренних дел кабинета Тори Джеймс Грехем в 1843 году внес билль, который предлагал ограничить рабочее время детей 6,5 часами и усилить контроль за посещением школы, предусматривая при этом улучшение деятельности школ⁶. Но этот билль был отклонен из-за религиозных разногласий, которые постоянно тормозили развитие системы просвещения в стране.

В Англии наряду с государственной англиканской церковью существовало большое количество религиозных сект протестантского толка, а также католическая церковь. Они требовали уважения их вероисповеданий, выступали против господства англиканской церкви в столь важной сфере, как просвещение. Билль ставил школы под надзор официальной церкви, что, естественно, не могло быть одобрено диссидентами. Фабриканты и либералы также выступили против этого проекта, поскольку не в их интересах было ограничение рабочего дня и отвлечение рабочих на посещение занятий. Однако в 1844 году закон был принят, но в значительно урезанном виде. Он предписывал организацию мер предосторожности от несчастных случаев, а также обязательное посещение школ детьми в течение 3 дней в неделю⁷.

Таким образом, через систему фабричного законодательства было положено начало государственному вмешательству в сферу народного просвещения. Хотя выполнение этих законов оставляло желать лучшего, тем не менее важен сам факт официального признания значимости вопроса об образовании народа. Фабричное законодательство по охране детского труда в какой-то мере расчищало почву для дальнейшего развития системы английского просвещения.

В период издания первых фабричных законов правительство начинает создавать и первые парламентские комиссии для исследования дела просвещения масс. Первая такая комиссия была организована в 1816 году под председательством лорда Брукгама. Ее задачей было изучение вопроса о положении образования беднейших классов. Работа комиссии практически оказалась безрезультатной, но доклад ее отразил неудовлетворительное состояние народного образования, показал существенную нехватку элементарных школ. Важен и вывод, к которому пришла комиссия: наибольший эффект в развитии народного просвещения может быть только от «действенных мер парламента по обеспечению недостающих средств для обучения бедных»⁸. Таким образом, признавалась необходимость вмешательства государства в данную сферу. Подобные выводы были сделаны и парламентской комиссией 1818 года⁹. Доклады комиссий подготовили почву для разработки первого билля по образованию 1820 года. Однако

этот билль не стал законом, поскольку опять же не учитывал интересов диссидентских сект, отдавая приоритет в деле образования англиканской церкви.

Заметным рубежом в становлении государственной системы просвещения в Англии стали 30-е годы. В эти годы в стране происходят важные социально-экономические изменения. Промышленная революция завершилась, что означало окончательный переход английской промышленности на стадию машинного производства и значительное усложнение его процесса. Появилась острая потребность в грамотных рабочих, умеющих управлять сложными механизмами. В то же время возможность использования детского труда сократилась и создались лучшие условия для организации системы образования в стране. Происходят также важные политические события — принята первая парламентская реформа, которая увеличила в некоторой степени число избирателей. Это вынуждало правящие классы принимать меры по усилению своего идеологического воздействия на массы, чему и способствовала школа. Одной из важнейших причин, толкавших буржуазию на проведение некоторых социальных реформ, был рост рабочего движения. Усиление капиталистической эксплуатации на завершающей стадии промышленного переворота активизировало борьбу английских трудящихся за улучшение своего положения. В конце 30-х годов она выливается в чартизм, представлявший собой «...первое широкое, действительно массовое, политически оформленное, пролетарски-революционное движение...»¹⁰.

В 1833 году правительство выделило первую субсидию на нужды просвещения в размере 20 тыс. ф. ст. Она была разделена между благотворительными обществами и предназначалась для строительства новых школ¹¹. Система мониторов, в свое время сыгравшая положительную роль, уже не могла удовлетворить растущие потребности страны в расширении школьной сети. В 1834 году был опубликован доклад парламентского комитета о положении в области народного образования. В нем впервые ставился вопрос об улучшении подготовки учителей, предлагалось учреждать для этой цели педагогические училища, руководить которыми должно государство¹². Следствием доклада было выделение 10 тыс. ф. ст. на создание учебных заведений по обучению учительской профессии¹³. Обсуждение вопроса сопровождалось бурной дискуссией. Государственная церковь, многие века занимавшая монопольное положение в сфере образования, идеологического воздействия на народные массы, очень неохотно сдавала свои позиции. Так, «Национальное общество», отражавшее интересы англиканской церкви, настаивало на том, чтобы учителя отбирались из духовных лиц, чтобы катехизис преподавался в школах всем ученикам и чтобы школы находились под надзором приходского священника¹⁴. Подобное требование не могло, конечно, удовлетворить приверженцев других вероисповеданий.

В конце 30-х годов правительство учреждает первый специальный орган по делам просвещения — Комитет тайного совета по образованию, задачей которого был контроль за распределением государственных субсидий и их использованием, поскольку до сих пор они расходовались бесконтрольно. Вводился также институт школьных инспекторов, в обязанности которых входило помогать (но не контролировать) школам. В том же году государственные субсидии для нужд просвещения были увеличены до 30 тыс. ф. ст.¹⁵. В конце 30-х годов начали действовать первые педагогические колледжи, количество их постепенно росло. К 1834 году в Англии уже каждый из 16 детей получал элементарное образование (во Франции — каждый из 17)¹⁶.

Итак, 30-е годы положили начало государственной деятельности в области народного образования: приняты реальные законы по охране детского труда, выделены первые субсидии на нужды просвещения народа, сделаны первые шаги в деле подготовки профессиональных учительских кадров, наконец, учреждено специальное ведомство по народному образованию.

¹ Журнал Министерства народного просвещения. — Ч. СXXXIV. — Отд.: Современная летопись. — СПб. — 1867. — С. 234.

² Флейшнер Л. История народного образования в Англии. — Одесса. — 1895. — С. 7—8.

³ Энциклопедический словарь Брокгауза Ф. А., Ефрона И. А. — СПб. — 1891. — С. 376.

- ⁴ Флейшнер Л. Указ. соч.— С. 8.
⁵ Таундсен Р. Обязательное начальное обучение и подготовка народных учителей в Англии и Валлисе.— Лондон.— 1920.— С. 52.
⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч.— 2-е изд.— Т. 2.— С. 397—401.
⁷ Таундсен Р. Указ. соч.— С. 57.
⁸ G. Stuart Maclure. Educational Documents England and Wales. 1816 to the present day.— L.— 1974.— P. 19.
⁹ Ibid.— P. 19—20.
¹⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 38.— С. 305.
¹¹ Education in Britain.— L.— 1967.— P. 4.
¹² G. Stuart Maclure. Educational Documents England and Wales.— P. 28.
¹³ Флейшнер Л. Указ. соч.— С. 10.
¹⁴ G. Stuart Maclure. Educational Documents England and Wales.— P. 44.
¹⁵ Proceeding of the international congress of education of the World's Columbian exposition Chicago. July 25—28. 1893.— New York.— 1895.— P. 870.
¹⁶ Журнал Министерства народного просвещения.— Ч. IV.— Отд. VI.— СПб.— 1834.— С. 167.

Е. Д. СМЕРНОВА

К ИСТОРИИ ЧЕШСКО-РУССКИХ КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ ПОЗДНЕГО ФЕОДАЛИЗМА (XVI—XVIII ВЕКА)

Развитию чешско-русских культурных контактов средневековья во многом способствовали два основополагающих момента: создание славянской письменности Кириллом и Мефодием (в Великоморавской империи и Киевской Руси она сходная, старославянская), результатом чего явились «Летопись» Нестора, «Хроника» Козьмы Пражского, «Киевские листки...», «Пражские отрывки» и появление книгопечатания (в Чехии — в 1468, Московской Руси — в 1564 году).

Из комплекса культурных связей позднего средневековья (XVI—XVII века) прежде всего необходимо выделить связи книжные, литературные как наиболее существенные для того времени. Общеизвестна деятельность Ф. Скорины в Праге в первой четверти XVI века, издание им Псалтыри (1517) и Библии (1520). Качественно новые изменения в связях двух стран можно отметить в конце этого века. Наряду с произведениями по всеобщей истории и географии, такими как «Kosmografia česka» немецкого ученого С. Мюнстера (переведена на чешский язык, переработана Зикмундом из Пухова и издана в Чехии в 1554 году)¹, где «первая наиболее подробная информация»² о Московском государстве давалась в главах «О земле Московской» и «Русская земля», существовала литературная продукция, специально посвященная Руси. Это «Московская хроника» — извлечение из латинского сочинения «Описание европейской Сарматии» (1578) итальянца Александра Гваньини, находившегося на службе у Стефана Батория. «Хроника» была переведена и переработана пражским бакалавром Матвеем Гозием из Высокого Мыта (1555—1589) и издана в 1590 году в Праге печатником-просветителем, гуманистом Даниэлем Адамом из Велеславина. Повествование Гваньини М. Гозий соединил с не менее известным сочинением того времени «Записками о Московских делах» посла Сигизмунда Герберштейна (1486—1566), дважды посетившего Московскую Русь в 1517 и 1526—27 годах. Книга Гваньини — Гозия была издана вторично в 1602 году, что может быть расценено как свидетельство того, что у чешских читателей она вызвала живой интерес. Несмотря на некоторую антирусскую направленность (автор сочинения служил польским феодалам и в какой-то степени тенденциозно рассматривал Московскую Русь Ивана IV, в состоянии военно-политического конфликта с которой находилось в то время государство Стефана Батория), «Хроника» давала разнообразные сведения о крупном славянском государстве на востоке: его природных богатствах, географическом положении, торговых отношениях, обычаях, вероисповедании; подробно описаны Новгородское, Тверское, Суздальское, Ярославское, Ростовское княжества. Несомненно, большой интерес представляет предисловие

к «Московской хронике» Даниэля Адама из Велеславина, обратившего внимание на необходимость расширения и укрепления русско-чешских культурных связей, увидевшего языковую общность и культурно-историческую близость чехов и русских: «А потому как Москване и русские произошли от того же народа сарматского, как и мы, чехи, и говорят на том же языке, на котором говорим мы и остальные народы славянские, хотя между нами есть и немалые различия, живут так же, как поляки, хорваты, словаки, сербы и т. д., то полезно будет чехам нашим знать и ведать, как далеко расселился народ этот»³. Значение «Хроники» как источника, вероятно, хорошо сознавали деятели национального чешского возрождения: в 1786 году историк Ф. Ф. Прохазка издал «Vejtař z Kroniky Mozkevskê».

К XVI веку относится появление в Чехии первых периодических изданий — листков («*počin*») и брошюр. Посвященные политическим событиям своего времени, эти издания по праву могут считаться предшественниками современной периодической печати. Ранним чешским изданием такого рода являются «*Noviny hroznê...*» пражского печатника Себастьяна Окса из Коловси, изданные на 6 листах в 1563 году⁴. В сочинении Окса нашла отражение история Московской Руси Ивана Грозного. Немалый интерес в чешской среде вызвали события Смутного времени. В 1606 году в Праге Каспар Каргезий напечатал брошюру Антонио Поссевино «Историческое и правдивое повествование о том, как... Дмитрий Иванович достиг отцовского престола»⁵.

Прогресс книжного дела был насильственно прерван поражением Чехии в битве у Белой Горы 8 ноября 1620 года. Попавшая еще в 1526 году в зависимость от Габсбургов, после битвы у Белой Горы Чехия окончательно утратила политическую самостоятельность, лишилась былых прав и привилегий и вошла в состав австрийских «наследственных» земель. Наступило мрачное время господства католической реакции, получившее наименование «эпохи тьмы». Утрата страной независимости и полное подчинение Габсбургам пагубно сказались на культурной жизни: Пражский университет был передан иезуитам; книги, изданные на чешском языке с 1414 по 1620 год, объявлены еретическими и беспощадно уничтожались; чешский язык, как некогда в XI—XIV веках, был вытеснен латынью и немецким. Последний стал государственным языком Чешских земель. Для Московской Руси XVII века Чешские земли не являлись чем-то конкретно-осязаемым. Являясь составной частью империи Габсбургов, Чехия (или Богемия) воспринималась чаще как австрийская провинция, как славянский штат объединенной империи. Вместе с тем, именно в XVII веке в «Московии» получает известное распространение ряд литературных памятников Чешского королевства: «История вкратце о Бохеме, еже есть о земле Чешской», «Сказания о девичьей войне», «Повесть о Брунцвике», «Повесть о Василии Златовласом, Королевиче чешския земли»⁶. Диапазон русской осведомленности о Чехии расширяется за счет появления русских хронографов и космографий. Русский «Хронограф» (вторая редакция 1617 года) представлял собой попытку создать всемирную историю. В отличие от первой редакции (1512) здесь появляются справки по истории Чехии: «О начале государства Польского и Чешского», «О Крое, короле их, иже от племени Чехове»⁷. Космографии же (наиболее известна «Космография 1670 года» — Спб., 1878—1881, — появившаяся в царствование Алексея Михайловича) представляли собой «переводы и компиляции иностранных источников с включением сведений по истории, экономике и политике описываемых стран»⁸. Состав сведений о Чехии (впрочем, как и о других славянских государствах) русские хронографы и космографии чаще всего заимствовали из западно-европейских источников: из «Хроники всего света» Мартина Бельского (1584), «Космографии» Герарда Меркатора и т. д., что, думается, не снижало их значения как своеобразного пособия по истории чешского народа для русского читателя XVII—XVIII веков. Необходимо подчеркнуть, что переводы и переработки в то время играли большую роль,

нежели в период новой истории, и нередко приобретали самостоятельное значение. Русский читатель тогда, за редчайшими исключениями, «не знал ни одного чужого языка и мог читать книги только на литературном языке древней Руси — церковнославянском. Лишь с Петровской эпохи, когда стало развиваться общение России с западом, появились у нас люди, читающие книги на западно-европейских языках»⁹.

Связи двух стран значительно расширяются в эпоху Просвещения. Период от Петра Великого до Екатерины II был для Чешских земель стадией внутренней подготовки, «подспудного созревания» эпохи национального возрождения. Контакты этого периода пока еще фрагментарны, односторонни. Известно, что в 1716—1720 годах в Прагу Петром I были откомандированы префект Славяно-греко-латинской академии Феофил Кролик, студент той же академии И. Воейков и, ставший впоследствии переводчиком Петербургской типографии, Максим Суворов для отбора и перевода на русский язык книг, которые затем предполагалось печатать в России. К началу XVIII века можно отнести зарождение чешско-русских театральных контактов: в 1723—1724 годах в Петербурге гастролировала «богемская» труппа из 12 «комедиантов», дававшая спектакли в театре царевны Натальи Алексеевны. К этому же периоду относится серия портретов Петра I, выполненных известным чешским художником Яном Купецким, и появление отдельных сведений об успехах русской культуры и науки, развитии экономики на страницах первого периодического издания на чешском языке, газеты К. Розенмюллера «Чешский почтальон».

Активное оживление чешско-русских культурных связей начинается в последние десятилетия XVIII века, когда в условиях нарастающего кризиса феодализма и прогрессирующих буржуазных тенденций начинают развиваться национально-просветительская идеология («национально-просветительское или собственно чешское просвещение»)¹⁰ и национально-культурное, антифеодалное по своей сути движение — национальное чешское возрождение. «Деятели возрождения ясно осознавали национальную и языковую чешско-русскую близость»¹¹. Как старшее поколение чешских просветительских историографов и филологов (Г. Добнер, М. А. Фойгт, Ф. М. Пельцль, В. Ф. Дурих), так и младшее (И. Злобицкий, Й. Добровский, К. Р. Унгар, Ф. Ф. Прохазка, Я. А. Ганке) при изучении чешской истории и литературы ориентировались на славянский характер и межславянские взаимосвязи. С 1769—1770 годов появляются первые ссылки на исторические сочинения М. В. Ломоносова в печатных трудах по истории Чехии Г. Добнера и Ф. Пубички. Чешским историкам более позднего периода были известны исторические труды Нестора, Мюллера, М. В. Ломоносова, М. М. Щербатова, В. Н. Татищева, отчасти издания Н. Новикова («Древняя Российская Вивлиофика»). В работах чешских исследователей Ф. Ф. Прохазки, Ф. М. Пельцла, Я. А. Ганке, В. Ф. Дуриха появляется разного рода информация о России, зачастую окрашенная восприятием от гуманистической традиции XVII века представлением о славянской этно-языковой общности. Для возрождения угнетенной «отечественной национальной культуры... языка и народности» необходима была «сильная внешняя моральная опора»¹², поэтому объяснимо возникновение ряда работ, направленных на обоснование чистоты и древности славянского языка, ссылки на величие и силу славянских народов, подчеркивание принадлежности чешского «наречия» к славянским языкам, приобретавшее форму публицистических трактатов-«защит». Ссылки на Россию, русский язык как родственный, славянский — характерная черта большинства «защит» чешского языка 80—90-х годов XVIII века: «Защиты чешского языка от злобных его хулителей» К. Г. Тама (1783); «Славы и превосходства языка чешского» Я. Рулика (1792) и др.

Чешско-русские научные связи периода возрождения не замыкались литературно-исторической областью, отмечены контакты и в области естественных и точных наук. На рубеже 40—50 годов XVIII века в Чеш-

ских землях были известны публикации на немецком и латинском языках (календари, сборники трудов) русской Академии наук — «Комментарии» и «Новые комментарии». В 60-е годы чешские ученые знали и использовали первый русский научный журнал на русском языке «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие» (1755—1764). Контакты обеих стран усиливаются в 70-х годах, когда вокруг просветительского чешского научного журнала «Пражские ученые известия», издававшегося талантливым литератором и естествоиспытателем И. Борном (1742—1791), возникает сначала «Общество ученых мужей», а затем на его основе «Частное общество наук» (1774), установившее связи с Петербургской Академией наук. В «Труды» Частного общества (1775—1784) были включены и материалы русского физика П. Палласа (1741—1811). Связи Праги и Петербурга поддерживались и в 80—90-е годы, после преобразования «Частного общества наук» в «Чешское общество наук», а затем — Королевское. Большое значение для истории русско-чешских научных и литературно-исторических контактов конца XVIII века имели известия о Чехии, печатавшиеся в русских журналах («Академические известия, содержащие в себе историю наук и новейшие открытия о них». — СПб., 1779—1781; «Библиотека Российская историческая». — СПб., 1767; «Беседующий гражданин». — СПб., 1789; «Зритель света». — СПб., 1775; «Санктпетербургский вестник». — СПб., 1778—1781; «Политический журнал». — М., 1790—1801). Чешско-русские научные связи, наладившиеся в 70—80-х годах, достигли кульминации в 90-е годы, когда члены общества наук И. Добровский и И. Штернберг совершили путешествие в Россию. И. Добровский цель своего путешествия в Россию видел в объяснении истории и литературы всего славянского народа. Именно он первый осознал значение русской культуры для всех славян, распознал в русском народе ведущий элемент славянства. Результатом его путешествия явились сочинения «Литературные известия о путешествии в Швецию и Россию»¹³ и др.

Последние десятилетия XVIII века — период интенсивных театральных и музыкальных контактов двух стран. В конце века на петербургской сцене выступала труппа пражских актеров общества Бруниана, гастролировали известные драматические актрисы Эдмунда Тиллова-Шольцова и Жофия Шродерова. Выдающийся вклад в развитие русского театрального искусства внес чешский драматург и актер Франтишек Штайнсберг (1757—1806). В 1797—1799 годах Ф. Штайнсберг был директором пражского патриотического театра «У Гиберну». Первой пьесой, написанной им для чешского театра, стала трагедия в 2-х частях «Емельян Пугачев» (1777). В 1803 году Ф. Штайнсберг основал в Москве театр для немецкой колонии. Театр Ф. Штайнсберга познакомил Россию с произведениями Шекспира, Мольера, Шиллера, операми Моцарта, для постановки которых в Москву были выписаны из Праги лучшие исполнители моцартовских произведений Гальтенгоф и Гунниус. Как и в разгар «эпохи тьмы», сильной оставалась эмиграция деятелей музыкальной культуры из Чешских земель. Среди исполнителей, музыкантов, покинувших империю Габсбургов и поселившихся в России, были дирижер придворного царского оркестра, реформатор русской охотничьей и создатель роговой музыки Ян Антонин Мареш (1719—1794), гобоист И. Фиала, капельмейстер Петровского театра в Москве, скрипач Ф. Блима, собиратель русских народных песен Ян Прач.

Итак чешско-русские культурные связи позднего феодализма, постепенно расширяясь и обогащаясь, приобрели во второй половине XVIII века в условиях чешского национального возрождения устойчивый и регулярный характер.

¹ См.: z Púchova Zikmund. Kosmografia česka.— Praga, 1554.

² Pfaff I., Závodský V. Tradice česko-ruských vztahů v dějinách.— Praga, 1957.— S. 29.

³ z Velešlavina Daniel Adam. Předmluva. // Hosius — Guagnini. Kronika Mozkevská.— Praga, 1590.

⁴ См.: Pfař I, Závodský V. Tradice česko-ruských vztahů v dějinách.— S. 32.
⁵ Historické a pravdivě vypsání, kterak... velikomocně a vysoceurozeně velkokníže v Moskevských zemích jménem Demetrius... otcovského království svého dosáhl.— Praga, 1606.

⁶ См.: Флоровский А. В. Чехи и восточные славяне: Очерки по истории чешско-русских отношений (X—XVIII вв.).— Прага, 1947.— Т. 2.— С. 45, 76; Панченко А. М. Чешско-русские литературные связи XVII в.— Л., 1969.

⁷ Попов А. Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции.— М., 1869.— С. 131.

⁸ Мыльников А. С. Об истоках становления славяноведения в России: К вопросу об изучении «предыстории» славистики. // Историкографические исследования по славяноведению и балканистике.— М., 1984.— С. 16.

⁹ Соболевский А. И. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вв.: Библиографические материалы. // Сборник ОРЯС.— 1903.— Т. XXIV.— № 1.— С. 6.

¹⁰ Myl'nikov A. S. Vznik národně osvícenské ideologie v Českých zemích 18. století: Prameny národního obrození.— Praga, 1974.— S. 247.

¹¹ Vávra J. Česko-ruské vztahy 1770—1791. // Dějiny česko-ruských vztahů. 1770—1917.— Praga, 1967.— S. 19.

¹² Pfař I, Závodský V. Tradice česko-ruských vztahů v dějinách.— S. 46.

¹³ См.: Literarische Nachrichten von einer auf Veranlassung der Böhmischen Gesellschaft der Wissenschaften im Jahre 1792 unternommenen Reise nach Schweden und Russland.— Praga, 1793—1796.

Е. А. СОКОЛОВА

ГРАБИТЕЛЬСКИЙ ХАРАКТЕР ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ В БЕЛОРУССИИ

Экономическая борьба белорусского народа против немецко-фашистских захватчиков на временно оккупированной территории Белоруссии в годы Великой Отечественной войны относится в советской исторической науке к числу малоисследованных проблем. В частности, до сих пор не получили научного анализа такие вопросы, как сущность экономической политики нацистов на временно оккупированной территории Белоруссии, структуры их хозяйственных органов, призванных обеспечить реализацию гитлеровских планов по ограблению и использованию имевшихся на территории республики материальных и трудовых ресурсов, а также основные методы и формы борьбы белорусского народа за срыв экономических расчетов врага. В настоящей статье анализируются эти аспекты.

Главная экономическая задача немецко-фашистской агрессии заключалась в том, чтобы наряду с уничтожением советского общественного строя уничтожить и социалистическую экономическую систему, превратить уцелевшее население в рабов.

При верховном командовании вермахта был создан «Штаб по руководству экономикой «ОСТ» с исполнительным органом — «Хозяйственным штабом Ольденбург» (или как его именовали иначе — «экономический штаб «Восток»). Штаб и его исполнительный орган действовали в тесном контакте с промышленниками, государственными органами, управлением военного хозяйства и вооружения, представляя собой государственно-монополистическую систему ограбления. Откуда гитлеровцы намеревались брать кадры для функционирования столь громоздкой хозяйственной машины? В докладной о создании штаба «Ольденбург» подчеркивалось, что для этого «целесообразно привлечь с самого начала надежных лиц из немецких концернов, так как только с помощью их опыта с самого начала может проводиться успешная работа»¹.

Штаб «Восток» подчинялся непосредственно Герингу и был независим от всех других властей рейха. Его функции лучше всего определяло распоряжение Геринга от 6 сентября 1941 года: «...хозяйственный штаб «Восток» несет ответственность передо мною за конфискацию и вывоз запасов сырья из областей, находящихся под управлением военных органов власти... Конфискация и вывоз запасов сырья являются впредь до дальнейшей распоряжения задачей хозяйственного штаба «Восток»².

Таким образом, главной задачей штаба «Восток» было экономическое использование захваченных территорий; в его компетенцию входили «все вопросы продовольственного снабжения и сельского хозяйства, промышленная экономика, включая сырье и продовольственное снабжение, а также вопросы лесного хозяйства, финансовые, банковские, трофейные, торговля, товарооборота и рабочей силы»³.

Какое место в экономических расчетах врага занимала Белоруссия?

Анализ архивных материалов и научных публикаций показывает, что с первых дней оккупации Белоруссии гитлеровцы намеревались полностью приспособить хозяйство республики к нуждам своей военизированной машины. С этой целью они, захватив землю и материальные ресурсы, с одной стороны, усиленно вывозили награбленное в Германию, а с другой, — насаждали капиталистические формы производства, устанавливали крепостнические условия труда для рабочих и крестьян, принудительно угоняли в рейх мирное население, насильственно изымали производимую продукцию и сырье. Хозяйственный интерес нацистов к Белоруссии как экономическому региону определялся прежде всего ее реальной возможностью производить разнообразную сельскохозяйственную продукцию. А продовольствие в экономических расчетах врага играло очень важную роль: его значение приравнивалось к значению нефти. Германский генералитет оценивал Белоруссию как один из основных источников продовольственного снабжения группы армий «Центр».

Кроме того, фашисты учитывали, что богатейшие запасы белорусских ценных пород древесины и торфа привлекали аппетиты многих германских промышленников, особенно тех, кто выполнял военные заказы вермахта. Гитлеровский гауляйтер Вильгельм фон Кубе так определял интересы рейха в Белоруссии: «Мы прибыли в страну с общей директивой управлять этой страной и поставить экономику этой страны на службу войне... Извлечь из страны все, что можно извлечь из ее экономической мощи...»⁴

Реализация этих грабительских замыслов должна была подготовить превращение Белоруссии в аграрно-сырьевой придаток, источник дешевой рабочей силы, во внутреннюю колонию германской империи.

Этим обширным задачам соответствовала весьма громоздкая система хозяйственных органов, призванных обеспечить реализацию немецко-фашистской экономической программы на временно-оккупированных советских территориях вообще и Белоруссии в частности. В самых общих чертах эта система представляла собой совокупность различного рода отделов, инспекций, групп и подразделений, тесно связанных между собой сложными отношениями подчинения и соподчинения. Так, хозяйственному отделу при главном командовании армии наряду с другими подчинялись и разведывательные подразделения по промышленной экономике, состоявшие из разведывательных отрядов и отрядов руководителей. В их распоряжении находились подразделения по охране и выявлению сельскохозяйственных продуктов и машин. Хозяйственные инспекции, команды, отделы и группы, разведывательные экономические подразделения обязаны были брать на учет все имеющиеся ресурсы. Грабеж должен был носить тотальный характер. Планируемым органам, с одной стороны, вменялось в обязанность грабить, а с другой, — заботиться о том, чтобы не иссяк источник ограбления, что указывает на озабоченность гитлеровцев по поводу экономического снабжения своей военной машины. С этой целью уже с лета 1941 года предполагалось взять под контроль весь процесс производства зерновых и масличных культур, а также «заботу» о снижении потребления сельскохозяйственной продукции местным населением⁵.

Экономические планы, разработанные с участием германских монополий, отличались такой же жестокостью, как и непосредственные приказы об уничтожении людей. В них детально были конкретизированы положения: войну можно будет вести в том случае, если снабжение вермахта будет идти из советских областей. При этом отмечалось, что если выкачать все необходимое для Германии — должны погибнуть с голоду десятки миллионов.

Захваченная территория должна принадлежать только немцам или так называемым «собратям по расе», но не коренному населению. «Меня ни в малейшей степени не интересует судьба русского или чеха, — заявил в октябре 1943 года Гиммлер. — Мы возьмем от других наций ту здоровую кровь, которую они смогут нам дать. Если в этом явится необходимость, мы будем отбирать у них детей и воспитывать их в нашей среде. Вопрос о том, процветает данная нация или умирает с голоду, интересует меня лишь постольку, поскольку представители данной нации нужны нам в качестве рабов для немецкой культуры»⁶. Экономическая программа нацистов была не программой введения какого-то режима военной оккупации как такового, а программой геноцида, т. е. массового истребления населения и целых народов.

Предполагалось, что германские вооруженные силы уже в 1942 году

будут полностью обеспечены за счет ресурсов СССР. С этой целью руководство нацистской Германии требовало от военного командования «особенно следить за тем, чтобы население не увозило и не уничтожало важные с хозяйственной точки зрения товары, запасы, машины и т. д., а также лошадей, скот, и за тем, чтобы воинские части не забирали с собой тракторов, отдельных агрегатов, сельскохозяйственных телег, племенного скота, а также оборудование и инструменты с промышленных предприятий»⁷.

Фашистским заправилам казалось, что они предусмотрели буквально все. Однако фашисты не учли главного — силу патриотизма народов СССР, рожденного Великой Октябрьской социалистической революцией, преимуществ социалистической системы хозяйства. Советские люди сказали свое слово о планах Гитлера и его подручных и «скорректировали» их так, что эти планы не только не были выполнены, но и сами их авторы исчезли с лица земли. Спротивление советских людей не позволило фашистам использовать производительные силы оккупированных районов нашей Родины так, как они хотели это сделать. Активная борьба белорусского народа, которая развернулась под руководством Компартии Белоруссии на временно оккупированной территории республики, полностью сорвала выполнение фашистами их экономической программы. Не вдаваясь в подробный анализ этого вопроса, поскольку он является самостоятельной темой исследования, отметим лишь наиболее распространенные формы героической борьбы белорусского народа за срыв экономических расчетов врага по использованию и эксплуатации народнохозяйственных ресурсов на территории республики.

Борьба против разграбления республики и уничтожения социалистической собственности гитлеровскими захватчиками приобрела в Белоруссии поистине всенародный характер. Рабочие, крестьяне и интеллигенция широко саботировали экономические мероприятия оккупантов. Этот саботаж выражался прежде всего в срыве производства материальных ценностей для фашистской Германии. С самого начала оккупации рабочие укрывали заводское оборудование, ценные инструменты, разукрупляли станки; сельские механизаторы прятали машины, тракторные детали; колхозники укрывали и угоняли к партизанам скот; служащие прятали имущество музеев, библиотек, театров, лабораторий. На промышленных предприятиях и в сельской местности население использовало такое средство борьбы против врага, как хищение готовой продукции, произведенной под контролем оккупантов. Интеллигенты-патриоты в городах и сельской местности скрывали от оккупантов свою специальность, квалификацию и, вынужденные работать, выполняли функции простых рабочих. Крестьяне повсеместно саботировали уплату налогов, срывали поставки сельскохозяйственных продуктов, тормозя тем самым развитие торговли и товарообмена с оккупационными учреждениями. Только в Клецком районе в первой половине февраля 1942 года сельские труженики укрыли от налогового обложения 703 головы крупного рогатого скота, 437 лошадей, 650 свиней и 693 овцы⁸. Широко развернулась по всей Белоруссии борьба против обеспечения фашистской Германии рабочей силой, против угона населения на фашистскую каторгу.

Самые разнообразные формы приобретала такая массовая форма народного сопротивления, как помощь местного населения партизанам. Представляет интерес, например, справка, выданная жителям деревни Теплень Узденского района Петрович А. М. комиссаром 3-ей Минской партизанской бригады им. Буденного т. Крайко и начальником штаба т. Гиро: «...Гражданка деревни Теплень Узденского района Петрович Анастасия Мартыновна, — говорится в этом документе, — осенью 1943 года добровольно отдала весь свой урожай в необмолоченном виде в количестве 18 копен (в обмолоченном виде — одна тонна зерна) на питание партизанам отряда имени Ворошилова 3-ей Минской красно-партизанской бригады имени Буденного»⁹.

Поражение фашистской Германии, в том числе и провал ее экономической политики, является важным и поучительным уроком всем тем, кто сегодня возрождает германский милитаризм и реваншизм. Реваншистам следует понять, что Великая Отечественная война была войной между двумя социально-экономическими системами. Ставка в этой войне была на прочность социализма и его преимуществ перед капиталистической системой во всех областях: политической, экономической, идеологической и во-

енной. Война, — считал В. И. Ленин, — «есть испытание всех экономических и организационных сил каждой нации»¹⁰. Социалистический строй нашей Родины с честью выдержал такое испытание и на оккупированной врагом территории.

¹ Преступные цели и преступные средства.— М., 1968.— С. 22.

² Там же.— С. 290.

³ Нюрнбергский процесс.— М., 1958.— Т. 3.— С. 401.

⁴ ЦГАОР БССР.— Ф. 370, оп. 1, д. 1263, л. 7.

⁵ ЦГАОР СССР.— Ф. 7445, оп. 1, д. 1711, л. 6.

⁶ СС в действии: Документы о преступлениях СС.— М., 1960.— С. 608.

⁷ ЦГАОР СССР.— Ф. 7445, оп. 1, 1711, л. 8, 9.

⁸ См.: Факторович А. А. Крах аграрной политики немецко-фашистских оккупантов в Белоруссии.— Минск, 1979.— С. 47.

⁹ Архив Белорусского государственного музея истории Великой Отечественной войны.— ИНВ. № 2661.

¹⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 40.— С. 76.

В. В. СЕРГЕЕНКОВА

МИНИСТЕРСТВО НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ ПОСЛЕ ПОКУШЕНИЯ Д. В. КАРАКОЗОВА

Революционная ситуация конца 50 — начала 60-х годов не переросла в революцию. Царизм отбил первый революционно-демократический натиск и удержал свои главные позиции. Учитывая сложившуюся расстановку классовых сил в стране, он вынужден был пойти на осуществление буржуазных реформ 60—70-х годов, которые, в известной мере, создавали условия для «превращения феодальной монархии в буржуазную монархию»¹. Вместе с тем они, сохранив значительные феодально-крепостнические пережитки, нисколько не изменили сущности самодержавия. Это предопределило противоречивость внутренней политики правительства, колебания его внутривластного курса. По мере спада революционного и национально-освободительного движения в стране во внутренней политике царизма все четче проявлялись реакционные тенденции.

Деятельность правительства в области образования находилась в прямой, непосредственной связи с общей политикой самодержавия и зависела от внутривластного положения. Так, в период широкого общественного подъема начала 60-х годов Министерство народного просвещения возглавлял А. В. Головнин. В тех условиях он как человек умеренно-либеральных взглядов, сторонник буржуазных реформ был именно тем, кто требовался на посту министра просвещения.

По инициативе А. В. Головнина впервые в России проблемы образования подвергались всестороннему гласному обсуждению. Печатавшиеся в периодических журналах и газетах, издававшиеся отдельными брошюрами и книгами записки, мнения, проекты, планы о преобразованиях в области просвещения поступали в министерство и ложились в основу предполагаемых реформ. Следует отметить, что А. В. Головнин был представителем своего класса, и его деятельность в качестве министра не расходилась с общей правительственной политикой тех лет.

Однако по мере спада в стране общественно-политического движения наметился сдвиг правительственной политики вправо, в сторону усиления охранительных начал, незыблемости самодержавия с целью обкорнать и урезать и без того куцые буржуазные реформы 60-х годов. Со стороны наиболее консервативных кругов, выразителями взглядов которых были редактор «Московских ведомостей» М. Н. Катков, его сотрудник П. М. Леонтьев, все более возрастала оппозиция А. В. Головнину. Уже в 1865 году начали поговаривать о его скорой отставке и замене Д. А. Толстым. Об этом неоднократно писал В. М. Маркевич, чиновник особых поручений Министерства народного просвещения, М. Н. Каткову².

Для смещения А. В. Головнина необходим был только повод. Ждать долго не пришлось. 4 апреля 1866 года Д. В. Каракозов совершил покушение на императора. Расследование показало, что учащая молодежь заражена «нигилизмом». Молодые люди, арестованные в Москве по делу Каракозова (ишутинцы), на допросах в следственной комиссии под председательством М. Н. Муравьева показывали, что они «предназначали себя в учителя народных школ, чтоб развивать народ и освободить его от того,

что они называли религиозными предрассудками»³. В результате утвердилось мнение о необходимости усиления роли духовенства в светских училищах. Самодержавие воспользовалось событиями 1866 года для решительной борьбы с революционным движением. Новый курс правительства был связан с усилением реакционно-охранительных начал.

А. В. Головинн был уволен. Реакция торжествовала. На пост министра народного просвещения был назначен ярый реакционер Д. А. Толстой. Оценывая назначение Д. А. Толстого, «Колокол» отмечал, что «такое назначение шаг дальше в правительственное изуверство и катковщину»⁴.

Выбор Александра II был не случаен. Д. А. Толстой с июня 1865 года возглавлял Синод. Вручение ему портфеля министра как бы определяло основной оттенок будущей деятельности в области просвещения. Еще не являясь министром, Д. А. Толстой 5 апреля 1866 года на заседании Комитета министров официально заявил, что в деле народного образования необходимо стремиться к достижению единства направления духовного ведомства и ведомства просвещения⁵. С назначением Д. А. Толстого на пост министра народного просвещения Александр II связывал надежды на усиление религиозного воспитания подрастающего поколения.

После выстрела Д. Каракозова для разработки путей борьбы против революционной пропаганды была создана особая комиссия под председательством П. П. Гагарина, куда вошли: П. А. Валуев, В. А. Долгоруков, А. А. Зеленой, М. Н. Муравьев, В. Н. Панин, Д. А. Толстой и П. А. Шувалов. Эта комиссия на основе собранных сведений заключила, что многие из арестованных по делу о покушении на императора состояли учителями и воспитателями юношества, они «нравственно растлевали народ, распространяя в молодом поколении вредные противоправительственные учения, враждебные всем условиям нравственного и материального благосостояния народа». Комиссия, обсуждая меры относительно дальнейшего направления деятельности Министерства народного просвещения, считала необходимым предпринять энергичные действия, чтобы правительство было уверено в благонадежности лиц, которым вверено воспитание молодого поколения⁶.

Александр II членом комиссии П. А. Шуваловым была представлена докладная записка, в которой определялись основные меры по укреплению общественного порядка. Они сводились к следующему: «...восстановить власть, преобразовать полицию, изменить направление Министерства народного просвещения и поддержать органы землевладения, а следовательно, и дворянство». Под изменением направления Министерства народного просвещения автор докладной записки понимал такое обновление личного состава начальства и преподавателей учебных заведений, которое позволит «энергичными мерами восстановить извращенное народное образование». Для достижения этого, по мнению П. А. Шувалова, необходимо полное содействие со «стороны начальников губерний и политической полиции»⁷. Таким образом, изменение направления Министерства народного просвещения сводилось к усилению бюрократически-полицейского контроля за образованием.

Основные положения этой записки легли в основу рескрипта на имя председателя Комитета министров князя П. П. Гагарина от 13 мая 1866 года. Воспитание юношества, указывалось в рескрипте, должно быть «направляемо в духе истин религии, уважения к правам собственности и соблюдения коренных начал общественного порядка», и поэтому необходимо следить за тем, чтобы в учебных заведениях «не было допуссаемого ни явного, ни тайного проповедование тех разрушительных понятий, которые одинаково враждебны всем условиям нравственного и материального благосостояния народа». Рескрипт нацеливал правительство «охранять русский народ от зародышей вредных лжеучений», т. е. душировать демократические идеи. В нем намечена реакционно-охранительная программа деятельности правительства на многие годы⁸.

Вслед за рескриптом последовал циркуляр министра народного просвещения попечителям учебных округов, который предписывал им руководствоваться основными положениями рескрипта, принять все необходимые меры для «воспитания молодого поколения в духе религиозных и верноподданнических обязанностей», не ослабляя следить за характером, направлением и объемом преподавания⁹.

Герценовский «Колокол» так оценил новое направление деятельности Министерства народного просвещения: «...если Головинн ввел что хоро-

шее в народное образование, все это исчезнет при новом министре и да здравствуют попы и III-е отделение»¹⁰.

Новый министр, Д. А. Толстой, был крупным помещиком-крепостником, решительным противником отмены крепостного права. Он был довольно умным и хорошо образованным человеком. Однако это не мешало ему быть реакционером. Историк А. Корнилов совершенно справедливо отмечал, что «Толстой был всегда убежденным реакционером; ...и, в сущности, был призван на пост министра народного просвещения как п р и з н а н н ы й реакционер именно тогда, когда такой реакционер, по мнению императора Александра, потребовался на этом посту»¹¹.

Д. А. Толстой был выразителем интересов своего класса, сторонником реакционно-охранительных начал. Став министром, он постарался избавиться от негодных ему лиц, занимавших административные должности в министерстве А. В. Головнина, заменив их людьми, близкими себе по духу. Так, 3 мая 1866 года была восстановлена должность товарища министра народного просвещения, на которую назначен реакционер И. Д. Делянов. Реорганизация коснулась совета министра, ученого комитета, а также местной администрации и, в первую очередь, состава попечителей учебных округов.

Таким образом, во второй половине 60-х годов произошло изменение направления деятельности Министерства народного просвещения в сторону усиления реакционно-охранительных начал. Основы политики в области просвещения были определены запиской П. А. Шувалова, рескриптом от 13 мая 1866 года на имя председателя комитета министров П. П. Гагарина и циркуляром самого Д. А. Толстого по разъяснению этого рескрипта. Основная задача Министерства народного просвещения состояла в привлечении к делу образования духовного ведомства с целью «религиозно-нравственного» воспитания подрастающего поколения и одновременно — в усилении административно-полицейского контроля за социальной направленностью, характером, объемом обучения и «благонадежностью» учителей. Соединение постов обер-прокурора Синода и министра просвещения в одном лице многие годы определяло политику самодержавия по отношению к народному образованию.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 20. — С. 165.

² Отдел Рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина. — Ф. 120, п. 7, д. 29, л. 61, 113—114; п. 8, д. 4, л. 65; п. 33, л. 58.

³ Рукописный отдел Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (далее: РО ГПБ). — Ф. 208, д. 3, л. 422—423.

⁴ Колокол. — 1866. — 1 мая. — С. 1796.

⁵ См.: Татищев С. С. Император Александр II. Его жизнь и царствование. — СПб., 1903. — Т. 2. — С. 261—262.

⁶ РО ГПБ. — Ф. 379, д. 380, л. 11—12.

⁷ Гуревич П. Незабвенные мысли незабвенных людей: Из истории реакции 60-х годов // — Былое. — 1907. — № 1/13. — С. 237, 239.

⁸ См.: Полное собрание законов Российской империи. — 2-е собрание. — Т. XLI. — № 43298.

⁹ См.: Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения. — СПб., 1874. — Т. 4. — № 84. — Стб. 333—335.

¹⁰ Колокол. — 1867. — 1 апреля. — С. 1946.

¹¹ Корнилов А. Курс истории России XIX века. — М., 1914. — Ч. III. — С. 74—75.

Н. Н. ГОНЧАРОВ

АНТИКЛЕРИКАЛЬНЫЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ В ЗАПАДНОЙ БЕЛОРУССИИ (1921 — 1939)

Летом 1920 года Красная Армия освободила от белопольских оккупантов Белоруссию. Однако из-за агрессивной политики международного империализма часть исконно белорусских земель (Брестская, Гродненская, Пинская, Барановичская и Молодечненская области) отошла к панской Польше. Жестоким национальным и социальным гнетом — вот что было характерным для государственной политики Польши на территории Западной Белоруссии.

Важной опорой господствующих классов были религия и церковь. Клер, в лице католической, православной, иудейской и других конфессий, призван был употребить весь арсенал форм и методов, накопленных много-

вековым опытом, для духовного порабощения народа. Однако трудящиеся Западной Белоруссии искали выход из своего тяжелого положения не в религиозной идеологии. Великая Октябрьская социалистическая революция, произведения В. И. Ленина оказали определенное влияние на формирование их мировоззрения. Созданная в 1923 году Коммунистическая партия Западной Белоруссии распространяла в массах идеи марксизма-ленинизма, рассказывала правду об успехах социалистического строительства в БССР, убеждая трудящихся, что избавление от гнета капиталистов и помещиков, от духовного порабощения со стороны клира надо искать не в религии, а в классовой борьбе, в борьбе за Советскую власть и воссоединение с БССР.

Массовому отходу западнобелорусского населения от церкви способствовала деятельность прогрессивных демократических организаций. В первую очередь это были «Белорусская крестьянско-рабочая громада» (БКРГ) и «Товарищество белорусской школы» (ТБШ). БКРГ возникла в 1925 году. Ее программные требования в области религии сводились к признанию свободы совести, к отделению церкви от государства. Она выступала против использования религии и церкви в политических целях.

В Западной Белоруссии этого периода господствующая католическая церковь по своему имущественному положению тесно соприкасалась с классом помещиков и являлась частью государственной машины. Так, например, только в Полеском воеводстве католическая церковь владела 1525, 178 га земли. Впрочем, православная церковь здесь тоже имела значительный земельный надел — 16068,77 га. Поэтому антиклерикальное движение в Западной Белоруссии переплеталось с революционно-демократической борьбой народных масс.

Определенную роль в отходе трудящихся Западной Белоруссии от церкви сыграли и аморальный облик духовенства, высокая плата за религиозные обряды. Так, прихожане Дольской церкви Камень-Каширского повета жаловались на священника Симановича, который дорого брал за оказание религиозных услуг. За выполнение похоронного обряда, например, он брал 15 злотых, за крещение ребенка — 5 злотых, за бракосочетание — 40—50 злотых¹. Непомерно высокая плата за выполнение религиозных обрядов разоряла многие крестьянские семьи. Известен факт присвоения ксендзом Боровским 10-ти миллионов марок в связи с раздачей заключенным святого причастия. Такой поступок оттолкнул от него даже духовенство².

Происходило дальнейшее падение авторитета церкви среди рабочего класса, особенно молодых рабочих. По этому поводу миссионер Поляков в отчете за 1931 год отмечал: «...особенно же окрепла пропаганда безбожия среди молодежи, есть случаи, когда отдельные лица сознательно и дерзко отказываются от принятия св. таинства, предпочитают гражданский брак церковному...»³

Церковная проповедь против революционного переустройства общества, доносы священнослужителей на революционно настроенных рабочих и крестьян встречали отпор со стороны самых широких слоев населения. По примеру коммунистов и комсомольцев многие рабочие и крестьяне отказывались от соблюдения церковных таинств, организовывали похороны своих товарищей без участия духовенства, отказывались от обрядов крещения и конфирмации, заключали гражданские браки и агитировали против богослужений.

Газета «Барацьба» в январе 1933 года сообщала: «В одной из деревень Пинщины умер наш товарищ, который просидел 4 года в тюрьме. Молодежь постановила похоронить его без попа. На похороны собралось более чем 100 односельчан. Впереди похоронной процессии шли молодые девушки и раскидывали красную, нарезанную кусочками бумагу. Узнав об этом, поп послешил на похороны. Собравшиеся крестьяне осмеяли и прогнали его... После этих похорон поп не захотел ехать на кладбище, чтобы участвовать в похоронах других умерших, которых тоже похоронили без попа»⁴.

На политических процессах коммунисты и комсомольцы обычно про являли себя стойкими атеистами, публично отказывались от религии. Вспоминая об одном из самых больших политических процессов в истории революционного движения Западной Белоруссии — процессе «133-х», ветеран партии Николай Семенович Орехов пишет: «...на вопрос председателя суда каждому подсудимому, какого он вероисповедования, абсолютное

большинство объявили себя неверующими. Вот подходит к барьеру подсудимый В. Зябло. На вопрос председателя суда о вероисповедании отвечает: — Верил, но когда попал в дефензиву, потерял веру в бога и справедливость суда»⁵.

Подобные мысли высказывало и трудовое крестьянство. На процессе, состоявшемся в 1937 году в Гродненском окружном суде, крестьянин Степан Чеботарь заявил: «Я не верующий... мне без бога совсем хорошо. Если был бы бог, то людей так не мучили бы в тюрьмах»⁶.

В отчетах благочинных о состоянии церкви сообщалось: «...надвигается не менее опасная волна неверия, равнодушия к вере и церкви среди прихожан, в особенности молодежи, ...отбывающих долг великопостной исповеди и св. причастия не достигает 1/3 части общего числа прихожан, посещаемость храмов в воскресные дни весьма незначительна, призыв паствы к благоустройению своих храмов не встречает сочувствия...»⁷ В постановлении съезда районных миссионеров Полесской епархии записано: «В нынешний век материализма, когда внимание людей сосредоточено преимущественно на благах земных, борьба с безбожием представляет несомненные трудности. Безбожие, особенно после революции, ширит свою агитацию... Причины индифферентизма лежат в глубокой практически-жизненной заинтересованности народа грубым материализмом, главным образом, экономического свойства...»⁸

Важную роль в распространении антиклерикальной пропаганды сыграли представители передовой интеллигенции. Весомый вклад в борьбу против экспансии католицизма внесли Стефан Руднянский, В. Спасовский, В. Тавлай, М. Танк, Р. Ширма, В. Тарашкевич и др. Для передовой интеллигенции Польши и Западной Белоруссии в целом был характерен воинствующий антиклерикализм. В художественных произведениях, публицистических работах и научных трудах писатели и ученые с классовых позиций развенчивали эксплуататорскую сущность религии, выступали против обскурантизма и фанатизма, насаждаемого церквями всех направлений, религиозными сектами, отстаивали идеи свободомыслия и атеизма от повседневных нападок духовенства всех мастей.

Антирелигиозная пропаганда велась и крестьянами. Так, из сообщения комендатуры полиции Вилейского повета следует, что в деревнях Шиезусе и Колодки крестьяне Сипко Михаил, Исаевич Антон, Исаевич Бронислав, Климович Жан, Шило Петр проводили антирелигиозную пропаганду. Они высмеивали духовенство, исповедь и иные обряды костела. Говорили, что бог и религия являются вымыслами буржуазии, чтобы держать в страхе бедных людей⁹.

Определенную роль в распространении идей свободомыслия и атеизма сыграла прогрессивная печать. Журнал «Свободная мысль», который издавался с 1922 года легальной атеистической организацией «Объединение польских свободомыслящих», наряду с либерально-буржуазными статьями, посвященными вопросам религии и церкви, публиковал статьи авторов, отстаивающих марксистский атеизм. С 1928 года стал выходить двухнедельный журнал «Польский вольнодумец» — орган организации «Польский союз вольной мысли». На страницах этого журнала выступили Здислав Межинский, придерживающийся марксистской точки зрения на религию, коммунист А. Свентожецкий.

Существенную помощь трудящимся Западной Белоруссии в их борьбе против клерикализма и поповщины оказали труды В. И. Ленина «Социализм и религия», «О значении воинствующего материализма», «Об отношении рабочей партии к религии», которые издавались в Польше и Западной Белоруссии. На территорию Западной Белоруссии нелегально доставлялись и атеистические журналы, издававшиеся в СССР: «Безбожник», «Молот», «Воинствующий атеист».

Коммунисты и комсомольцы распространяли листовки, в которых осуждались религиозные предрассудки, раскрывалась связь классовых интересов государства и церкви. Так, в листовке за май 1932 года говорилось, что «...попы всегда были и есть прислужники буржуазных правительств»¹⁰. Одной из форм борьбы с религией было вывешивание на культовых зданиях флагов и транспарантов с антирелигиозными лозунгами, проведение вечеров отдыха во время постов.

Идеи марксизма-ленинизма, которые несли в массы коммунисты, стали огромной притягательной силой для трудящихся Западной Белоруссии. Это вынуждены были признать даже польские буржуазно-помещичьи вла-

сти. «В настоящее время, — указывал Новогрудский воевода, — дает себя чувствовать и можно наблюдать усиление враждебного отношения к административным властям, установка же на решение белорусской проблемы при помощи компартии и в опоре на Советскую Белоруссию приобретает все большее признание и сторонников»¹¹.

Таким образом, несмотря на политику насаждения правящими кругами панской Польши клерикальной, враждебной интересам народа идеологии, идеи свободомыслия и атеизма находили широкий отклик среди трудящихся масс Западной Белоруссии, вселяли в них веру в избавление от социального и национального гнета, звали на воссоединение Западной Белоруссии с БССР в составе могучего социалистического государства.

¹ Государственный архив Брестской области (ГАБО).— Ф. 2059, оп. 1, л. 1305, л. 1.

² Там же.— Ф. 1, оп. 2, д. 2045, л. 29.

³ Там же.— Ф. 59, оп. 1, д. 2973, л. 41.

⁴ Барацьба.— 1932.— № 1.

⁵ Орехово Н. С. Дела и люди КПЗБ (воспоминания).— Минск, 1983.— С. 116.

⁶ Государственный архив Гродненской области (ГАГО).— Ф. 52, оп. 1, д. 139, л. 23.

⁷ ГАБО.— Ф. 2059, оп. 1, д. 2904, л. 82.

⁸ Там же.— Д. 7, л. 50—55.

⁹ ЦГА Литовской ССР.— Ф. 131, оп. 1, д. 557, л. 32.

¹⁰ ГАБО.— Ф. р-42, оп. 1, д. 9712, л. 5—6.

¹¹ ГАГО.— Ф. 93, оп. 1, д. 2, л. 40.

А. П. ИГНАТЕНКО, В. А. СОСНО

ПРИЧИНЫ И ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ДВИЖЕНИЯ ПОМЕЩИЧЬИХ КРЕСТЬЯН БЕЛОРУССИИ ЗА ПЕРЕХОД В СОСТАВ ГОСУДАРСТВЕННЫХ (конец XVIII — первая половина XIX века)

Борьба помещичьих крестьян за переход в состав государственных была одним из важнейших направлений крестьянского движения в дореформенной деревне. Социально-политическое содержание этой борьбы составляло стремление крепостных к улучшению своего правового и имущественного положения. При этом важную роль играл «наивный монархизм» белорусских крестьян. С переходом под власть русского православного царя (в государевы, казенные, царские) белорусские крепостные (православные и униаты) связывали надежды на освобождение из-под гнета польских и ополяченных помещиков-католиков. Частновладельческие крестьяне чутко реагировали на социально-экономические и правовые изменения в государственной деревне, что и определяло основные этапы их борьбы.

С конца XVIII века помещичье крестьянство недавнего закрепощения (часть государственных и конфискованных крестьян, пожалованных частным владельцам, «незаконно» закрепощенные) вело борьбу за возвращение в прежний юридический статус. Крупнейшим в этом плане было выступление крестьян Полоцкого наместничества в 1797 году, в котором на фоне общего протеста против «пожалований» и усиления повинностного гнета ясно вырисовывалась конкретная цель — добиться перевода в казенное ведомство. Непосредственным поводом для волнения явился факт принесения присяги новому императору Павлу I. Крестьяне впервые приводились к присяге, и в связи с этим среди них легко распространилась молва, «чтобы впредь быть не за помещики»¹. «Дабы яснее в том увериться», крестьяне многих имений послали к царю ходоков. Большинство из них было арестовано по дороге, но некоторые все-же смогли добраться до Гатчины, Павловска и Петербурга, где «дерзнули подать жалобы на высочайшее имя»². Движение началось 13 января 1797 года в д. Прибытки Суражского уезда, пожалованной Екатериной II генералу-аншефу Петру Текелли, после смерти которого владельцем имения стал его брат Лазарь. Но «крестьяне того имения приступили к нему, сказывая, что они повиноваться ему не будут, а хотя записаться в казенные»³. Они пошли в церковь и в присутствии священника дали присягу держаться твердо вплоть до возвращения ходоков. Испуганный помещик убежал в соседнюю вотчину и оттуда попросил помощи у уездных властей. Прибывшим из Суража чиновникам усмирить крестьян не удалось. Последние выгнали их и предупредили, что «хотя бы три полка с ружьями и пушками было, то всех в смерть побьют»⁴. Вслед за ними поднялись крестьяне имения Загораны

Езеричкого староста. Вооружившись кольями, дубинами и вилами, толпа более чем в 50 человек ворвалась в дом помещика Древича и отстранила его и управляющего от ведения хозяйственных дел.

События в имениях Прибыtkово и Загораны послужили сигналом для массового возмущения «пожалованных» крестьян. «Расстройка управления крестьян Езеричкого староста, — рапортовал в Петербург губернский прокурор А. Любоцинский, — к несчастью разлилась и по другим местам в Городецком, Невельском, Себежском и Суражском уездах. Крестьяне многим помещикам сделались ослушными...»⁵ Только в одном Городецком уезде вышли из повиновения помещиков до 14 000 душ⁶.

На подавление крестьянских волнений в бывшем Полоцком наместничестве Павел I двинул армию. Крестьяне, вооруженные кольями, палками, вилами и косами, оказывали сопротивление военной силе, но, ослепленные царистскими иллюзиями, страдали разобщенностью и отсутствием общей организации. Поэтому уже к началу марта их сопротивление было сломлено и начались жестокие расправы.

Первая треть XIX века — время расцвета арендной системы эксплуатации казенной деревни. Крепостные бывших королевских старост передавались во власть арендаторов из местной шляхты и отбывали в их пользу барщину и другие повинности. Их положение было едва ли не хуже частновладельческих. Отсюда — затухание борьбы помещичьих крестьян за переход в казенное ведомство, которая свелась лишь к отстаиванию прежних «прав и привилегий». Власти последовательно и решительно игнорировали попытки крестьян добиться улучшения своего социального и правового статуса. Царизм, вынужденный ограничивать вопиющие своеволия отдельных помещиков, неизменно отстаивал интересы всего класса.

В 1831 году правительство пыталось изолировать шляхетских повстанцев от народных масс. «Не верьте им, — говорилось в воззвании к крестьянам от 19 мая, читаемом в церквях по распоряжению генерала Остен-Сакена, — и тех, которые будут уговаривать и принуждать вас к бунту, старайтесь захватить и представить начальству. Вы никогда уже не будете принадлежать тем помещикам, которые восстанут против законной власти»⁷. Для крестьянских масс характерно пассивное отношение к шляхетскому восстанию 1830—1831 годов. Некоторые крестьяне воспользовались временным ослаблением административной власти на местах, чтобы перестать работать на помещиков. Однако выступления частновладельческих крепостных не приняли характера движения за переход в казну, поскольку перспектива оказаться под властью местных арендаторов их тоже не устраивала.

Новый мощный импульс движению помещичьих крепостных дала реформа государственной деревни 40—50-х годов XIX века, сопровождавшаяся уменьшением повинностей и расширением прав крестьян. Помещичьи крестьяне требовали полного освобождения от крепостного права путем передачи их в казенное ведомство.

Современники отмечали большое влияние на социально-политическую обстановку в деревне самого факта учреждения Министерства государственных имуществ. В этом «владельческие крестьяне видели... желание правительства избавить их от власти помещиков»⁸. Отличия в статусе государственных крестьян ставили их в выгодное положение по сравнению с помещичьей деревней. «...Крепостные крестьяне, — сообщал министр госимуществ П. Д. Киселев Николаю I, — имея перед глазами удовлетворительное положение старостинских крестьян и питая чувства недоброжелательства к помещикам, не перестают мыслить и надеяться на присоединение их к массе государственных крестьян...»⁹

Утвердившийся в 40-х годах правительственный курс на сохранение и увеличение государственных имуществ усилил надежды крестьян на освобождение от «незаконного» завладения помещиками. Ходатайства о перечислении их в казенные, особенно после перевода государственных имений на оброк и ликвидации арендаторства, стали частым явлением. Выступления с требованиями перевода в казенное ведомство произошли в имении Вышедки Суражского уезда (1832—1835 годы), селе Войткевичи Волковыского (1841—1845), д. Стайки Быховского (1845), м. Дрибино Чаусского (1845—1847), имении Мохово Быховского (1852), д. Котельня Брестского уездов (1851—1854). Наиболее значительными были волнения крепостных графов Потоцких в имении Бытень Слонимского уезда (1856—1858).

В преддверии отмены крепостного состояния крестьяне переходили от всеподданейших просьб к прямым и решительным требованиям. Как доносил 14 января 1857 года министру внутренних дел минский губернатор, крестьяне имения Копцевичи Мозырского уезда заявили земскому исправнику и дворянскому предводителю, «что не хотят быть помещичьими..., а желают быть царскими», на том основании, «что власть помещичья в настоящее время ничтожная и что они имеют право отказаться от таковой и искать себе другого владельца»¹⁰. Для «усмирения» крестьян потребовалось вмешательство инвалидной команды в составе 30 солдат и двух офицеров. Полгода спустя, подобную команду из 5 офицеров и 50 солдат пришлось отрядить борисовским уездным властям в имение Гливино помещиков Свидов, крестьяне которых заявили, «что помещичьими не будут, а надеются быть казенными»¹¹. В 1860 году объявили, что желают быть казенными и отказались выполнять барщину крепостные графа Мостовского в Вилейском уезде. Дважды доказывали Александру II свое старостинское происхождение крестьяне д. Кульбаки Лидского уезда, поскольку жить во власти помещика Подгурского считали невозможным. «Не хотим больше пана, хотим казенщины!» — требовали восставшие крепостные Войниловича в Копысском уезде¹². Однако в конце 50-х — начале 60-х годов выступления помещичьих крестьян за перевод в государственные в основном прекращаются. Само состояние последних, подорванное новыми преобразованиями министра М. Н. Муравьева, уже не соответствовало тем идеалам свободы, которые выработало крестьянское и общественное движение времен отмены крепостного права. Реформа 1861 года в помещичьей деревне — с одной стороны, и контрреформа 1857 — 1862 годов в государственной — с другой, ликвидировали движение помещичьих крестьян в Белоруссии за переход в казну.

Движение частновладельческих крестьян за переход в разряд государственных не было направлено против феодального строя, а лишь ставило задачу улучшить их положение в существующих рамках. Вместе с тем, в системе «государственного феодализма» после реформы Киселева были созданы лучшие условия для развития товарно-денежных отношений и развертывания хозяйственной инициативы крестьянства. Следовательно, переход под власть казны, за который боролись крепостные помещичьих и духовных вотчин, отражал прогрессивную тенденцию в развитии белорусской деревни. Сливаясь с протестом государственных крестьян против попыток поглощения их помещичьим феодализмом, это движение не только содействовало увеличению казенного сословия, но и во многом обуславливало его сохранение.

¹ Шильдер Н. К. Император Павел Первый. — СПб., 1901. — С. 327.

² ЦГАДА. — Ф. 7, д. 2985, ч. 1, л. 121—150, 342.

³ ЦГИА СССР. — Ф. 1341, оп. 1, д. 130, л. 88.

⁴ ЦГИА БССР в Минске. — Ф. 2567, оп. 1, д. 220, л. 261.

⁵ ЦГАДА. — Ф. 7, д. 2918, ч. 2, л. 1.

⁶ ЦГИА БССР в Минске. — Ф. 2567, оп. 1, д. 220, л. 237.

⁷ Василенко Н. П. Крестьянский вопрос в юго-западном и северо-западном крае при Николае I и введение инвентарей // Великая реформа. — М., 1911. — Т. IV. — С. 95.

⁸ Эпоха Николая I. — М., 1911. — С. 161.

⁹ Заблоцкий - Десятовский А. П. Граф П. Д. Киселев и его время. — СПб., 1882. — Т. IV. — С. 158.

¹⁰ Белоруссия в эпоху феодализма. — Минск, 1979. — Т. IV. — С. 257.

¹¹ ЦГВИА. — Ф. 395, оп. 293, 1857, д. 170, л. 37, 219; Крестьянское движение в России в 1857 — мае 1861 гг. — М., 1963. — С. 61—63, 105—106.

¹² ЦГАОР СССР. — Ф. 109, оп. 3, д. 1923, л. 8, 12; 4 эксп., 1860, д. 230, л. 2; Крестьянское движение в России... — С. 259—261, 538.

Г. В. ДРАГОВЕЦ

О СПЕЦИФИКЕ НАУЧНОГО И ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПОЗНАНИЯ

Исследование общих закономерностей научного и художественного познания выражает стремление смежных областей знания представить целостную картину эвристической деятельности человека. Сопряженность процессов познания и творчества в науке и в искусстве обусловлена известной общностью этих форм общественного сознания. Их объединяет объект отражения — действительность. Развитие науки и искусства (прямо или опосредованно) определяется постоянно меняющимися потребностями общественно-исторической практики, социально-культурным потенциалом общества. Выступая как единство логического и творческого начал, и наука, и искусство отражают многогранный процесс освоения действительности. Однако наличие известной общности не дает оснований предполагать некий синтез науки и искусства. Они реализуют свои цели различными способами и средствами, в различных формах.

Художественное познание характеризуется прежде всего целостностью, синтетичностью — художник познает действительность в ее многогранных связях и отношениях посредством художественно-образного отражения мира. Художественное мышление использует в качестве единиц образы и представления. Здесь имеется в виду как образ в широком гносеологическом значении, так и чувственный образ-представление, выступающий в качестве основания для формирования художественного образа¹.

Гносеологический образ является наиболее абстрактным и общезначимым и представляет собой такую стадию мыслительного процесса ученого, на котором эмоционально окрашенное отношение (на уровне поиска идеи), включающее воображение, интуицию, фантазию, превратилось в фиксированный вариант — научную теорию. Сверх значения, заключенного в обоих образах, художественный образ включает в себя субъективно-личностный момент. Наука, определяя сущность явления, освобождает его от субъективной оценки, в искусстве же определяется значение отображаемых сторон, явлений действительности для человека.

Результатом научного познания выступает объективная истина, познание в искусстве заключает в себе знание о мире и момент самопознания художника, поэтому объективная действительность отражается в формах самосознания художника.

В науке обобщение фактов, явлений происходит на уровне научной теории, получаемого объективного знания о мире (здесь мы не касаемся вопроса об истинности или ложности научных теорий, относительной истинности научного знания на каждом конкретном этапе развития науки и т. п.). В искусстве знание объективируется в чувственно-конкретных формах изображения, приобретая индивидуальную и конкретно выраженную форму бытия.

Начальный уровень научного и художественного познания характеризуется использованием образов, построенных на интуитивно-эмоциональной основе. Однако в продукте научного творчества происходит «снятие» всего субъективно-личностного. В отличие от науки, в художественном познании воображение, ассоциации, эмоции играют более активную роль в формиро-

вании чувственного и художественного образов. С точки зрения психологического анализа действие этих факторов, наряду с кодированием и декодированием информации в мозге, и составляет специфику конкретно-чувственного познания. В настоящее время признается отражательно-ценностный характер эмоции, которая, будучи включенной в общий механизм формирования художественного образа, не дает информации об окружающей действительности прямо, но дает ее опосредованно².

Специфика гносеологических аспектов искусства выражается в том, что одновременно они являются и психологическими. Суждение, мысль в искусстве выступают в эмоционально окрашенной форме. В научном познании психологические факторы (эмоция, «вынашивание» замысла и т. п.) сопровождают процесс исследования, поиска научной истины. Точкой прикосновения психологических аспектов познания в науке и искусстве представляется сходство художественного и научного творчества. Эта идея, согласно которой определенные стадии процесса изобретения — подготовка, вызревание, озарение (инсайт), завершение процесса создания художественного произведения — имеют определенную общность, находит поддержку у ряда авторов³.

Однако здесь же обнаруживается и различие — субъективное содержание познавательного процесса не входит в конечный результат деятельности ученого, содержание же произведения искусства с необходимостью включает субъективный момент. Очевидно, истинность научного знания не зависит от субъекта, различные ученые могут получить одни и те же результаты. Определяя истинность, верность знания, заключенного в художественном образе как важнейшей «клеточке» искусства, мы имеем в виду художественную правду.

Художественная правда в искусстве, наряду с требованием верного отражения действительности как важнейшего принципа, закономерности реалистического искусства, выступает как соединение, диалектическая связь реального и условного. Истинность научного знания фиксируется при помощи логико-понятийного аппарата, художественная правда есть выражение общезначимого в условной форме: «Условность в художественном познании выполняет те же функции, что и логическая ее форма в науке»⁴. Поскольку искусство не является прямым, «зеркальным», пассивным отражением реальности, а творческим изменением действительности на основе ее верного отражения, постольку в понятии художественной правды слиты такие компоненты, как отражаемая сфера действительности, личностные качества художника. Таким образом, если критерием адекватности научно-теоретической формы знания является истинность, точная передача процессов человеческой практики, то в искусстве таким критерием можно определить художественную правду.

Логика художественного мышления также имеет отличие от научной. Последняя строится на антиномиях: истинно данное положение или ложно. Антиномии устраняются в ходе познания, научная теория, являющаяся его результатом, должна быть непротиворечивой⁵. В искусстве противоречия не устраняются, а сосуществуют. «Именно для того, чтобы смысловая направленность вещи ощущалась однозначно и с максимальным эффектом, семантическая доминанта произведения должна строиться не по линейно-формально-логическому прозаизму, но по диалектической кривой «играющего», то есть фиксирующего диалектические противоречия, вымысла»⁶. По-видимому, можно заключить, что и художественное, и научное мышление базируются на законах диалектической логики, их отличие состоит в форме разрешения противоречий, возникающих в ходе познания. В искусстве этой формой является вымысел, основным способом реализации которого выступает условность, в науке — логико-понятийный аппарат.

Очевидно, что в научном и художественном методах познания проявляется диалектика общего и единичного. Наука вскрывает общие закономерности объективного мира, выражаемые в форме понятий, умозаключений, теорий. В ходе логического (научного) познания вскрываются общие закономерности, ищется существенное. В этом проявляется сходство с художественным познанием — в нем применяется типизация как форма реалистического художественного обобщения.

Познание реальной действительности и в науке, и в искусстве совершается от явления к сущности. Наука, изучающая при посредстве явлений сущность, вскрывает закон, формулирует его в общих положениях, понятиях, гипотезах. Процесс познания совершается от единичного, особенного

к общему. В искусстве этот процесс имеет своеобразие. Явление и сущность раскрываются в непосредственной взаимосвязи, что и находит свое выражение в художественном образе. В нем наиболее важное, существенное выражается в индивидуальной, конкретно-чувственной форме, объединяются общее и особенное, явление и сущность.

Процесс познания в науке и искусстве включает в себя также интерпретацию. В научном знании последняя представляет собой установление познавательного значения той или иной теории, наполнение ее содержательным смыслом⁷. Интерпретация в художественном познании выступает выражением субъективно-объективных отношений, возникающих в художественной деятельности и заключающихся в истолковании, объяснении на каждом конкретном историческом этапе развития мира и человека эстетической картины мира в соответствии с законами искусства. Научная интерпретация представляет собой необходимое условие связи между формой, в которой зафиксировано человеческое знание об объектах, и самими объектами. Здесь научная интерпретация обнаруживает известное сходство с интерпретацией художественной. Последняя также является элементом, условием художественного познания и творчества и направлена на объяснение, истолкование художником действительности в процессе ее отображения. Научная интерпретация осуществляется в соответствии с правилами, законами научных теорий. Интерпретация в искусстве определяется не только правилами искусства, но и субъективно-личностными факторами — личностным смыслом, мировоззрением, мироощущением художника.

Как известно, процесс возникновения художественного образа произведения искусства — это процесс обновления содержания. Новизна этого содержания относительна. Художественный образ обусловлен своим объективным прообразом, но вместе с тем является новым творческим созданием, рожденным воображением художника.

Произведение искусства для нас тем интересно, что оно не просто дает знание о мире, объективной реальности, а и отчасти раскрывает уникальный личностный мир художника. Интерпретация действительности в искусстве осуществляется в соответствии с духовно-психологическими особенностями автора произведения, его эмоциональным, мировоззренческим, нравственным и интеллектуальным богатством и своеобразием. Мысленно художник может подвергать объект рассмотрения таким преобразованиям, которые в принципе не могут быть реализованы в действительности, например, изменение течения времени. При этом мысленно преобразованный объект (затем вновь объективированный в произведении искусства) оказывается зачастую много богаче его реального прототипа. Таким образом, художник, отражая в своем творчестве реальную действительность, вместе с тем выражает и собственное эстетическое отношение к миру.

Итак, научное познание стремится к объективному отражению закономерностей действительности, а художественное вместе с отражением закономерностей с необходимостью включает и субъективно-личностные моменты, так как раскрывает значение мира для человека. Но если наука теоретически осваивает реальность, то искусство осваивает ее эстетически, выявляет и развивает эстетические отношения общества к действительности.

¹ См.: Мигунов А. С. Образное мышление в науке и искусстве: Вопросы истории и теории эстетики.— М., 1974.

² См.: Раппопорт С. Х. Искусство и эмоции.— М., 1972.

³ См., напр.: Гулыга А. В. Искусство в век науки.— М., 1978.— С. 142—155; Адамар Ж. Исследование психологии процесса изобретения в области математики.— М., 1970.— С. 72—73; сб. Художественное и научное творчество.— Л., 1972.

⁴ Ждан В. Н. Кино и условность.— М., 1971.— С. 225.

⁵ См.: Нарский И. С. Диалектическое взаимодействие и логика познания.— М., 1969.

⁶ Асмус В. Ф. Вопросы теории и истории эстетики.— М., 1968.— С. 36.

⁷ См.: Крымский С. Б. Научное знание и принципы его трансформации.— Киев, 1974.

О ВЗАИМОСВЯЗЯХ В МОДАЛЬНЫХ ЛОГИКАХ

Критика классической логики, исходящая из неадекватности в интерпретации формальных построений человеческой интуиции¹, породила целую совокупность направлений в логических исследованиях, которая получила название неклассической или философской логики. Развиваясь вначале как ветвь логики, она, совершенствуя аппарат и методы, вскоре выступила не только как объект, но и как инструмент исследования во многих областях человеческого знания. Модальные логики, к числу исходных понятий которых относятся такие, как: «необходимо», «возможно» — в алетической логике, «обязательно», «запрещено» — в деонтической логике, «хорошо», «плохо» — в логике оценок, развиваются в рамках неклассической логики.

Число модальных логик растет. И их рост обусловлен, во-первых, расширением тех отраслей знаний, для выявления логической структуры которых применяется та или иная модальная логика, во-вторых, углублением исследований в рамках одной отрасли знаний, приводящих к трансформации или полной замене одних понятий другими и к созданию логик, формализующих одну и ту же отрасль знаний, но построенных на различном категориальном аппарате, в-третьих, углублением исследований в рамках одной отрасли знаний и одного категориального аппарата, приводящих к выработке различных, порой противоречивых гипотез, что обуславливает образование логик, различающихся аксиоматикой. Поскольку невозможно четко разграничить формализуемые отрасли знаний, при изучении модальных систем большое внимание уделяется установлению связей между различными логиками. И здесь основная трудность заключается, по-видимому, в том, что большинство модальных логик задается не через интерпретацию выражений на множестве из n истинностных значений, не путем выделения «отмеченных» значений и задания логических операций как функций на множестве истинностных значений, а посредством аксиоматического метода, который позволяет избежать сложных вопросов интерпретации, связанных с тем, что выражения многих модальных логик (логик оценок, деонтических, эпистемических) лишены истинностного значения, а попытки их расширения путем введения дополнительных семантических понятий к понятиям истины и лжи многочисленны и весьма разнородны. Поэтому не может быть и речи об отношении включения и о переводе одной логики в другую на таком основании.

Существует иной подход, который заключается в определении одних модусов через другие. На нынешнем этапе развития модальных логик недостаток этих определений заключается в том, что они имеют место в парадигме абсолютных или относительных модальных логик, символичный аппарат которых очень беден. Но основная трудность состоит в том, что уже на имеющемся достаточно абстрактном уровне логических теорий наблюдается большая вариативность в определениях, что, конечно же, создает дополнительные трудности их использования. Многообразие форм связей модусов объясняется различиями в истолковании смыслов модальных понятий ввиду неэксплицитности самих смыслов². Другими словами, вариативность в определениях порождается смысловой омонимией модальных понятий.

Исследователи, работающие в области модальных логик, видят свою задачу в обогащении их символического аппарата и разработке теорий, пригодных для формализации реальных рассуждений с модальностью. Можно предполагать, что увеличение количества параметров, определяющих структуру модального суждения, частично снимет смысловую омонимию. Но при распространении этого явления на достаточно большое количество логик, когда потребуются установление связей каждой логики с остальными, увеличение количества параметров при-

ведет к труднопреодолимому языковому барьеру. Символьный аппарат даже небольшой совокупности модальных логик станет настолько громоздким и неудобным, что из уже установленных связей между конкретными логиками невозможно будет извлечь каких-либо закономерностей установления связей в других модальных логиках.

Выйти из этого положения позволило бы создание языка представления всех модальных понятий с помощью конечного алфавита. В этом случае разные смыслы модусов представлялись бы по-разному, т. е. эксплицитно. Такой язык оказался бы посредником между логикой как исследованием правильного умозаключения и смыслами трансформируемых понятий. Его создание, конечно, не сократит разнообразия форм перехода одних модусов в другие. Но оно позволит эксплицитно представлять различные смыслы модусов, порождающих это разнообразие. Конечность алфавита позволит устанавливать закономерности в переходах в виде формальных преобразований выражений данного языка.

Такой подход неизбежно ведет к рассмотрению отношений вообще, и модальных отношений в частности, в виде сложных образований, структур. Работы по представлению отношений, как правило, сводятся к их примитивизации, т. е. представлению в виде комбинаций некоторых элементарных или примитивных отношений³. Выделение этих примитивных отношений осуществляется эмпирически. Их список открыт. Они пополняются. При этом пополнение нередко приводит к избыточности в списке примитивных отношений, к их семантическому пересечению, что явно противоречит самому понятию элементарного отношения. По всей видимости, если и существуют некоторые реалии, являющиеся примитивными в том смысле, что определенная их комбинация порождает определенное отношение, то они сами по себе не будут являться отношениями, так же как примитивные элементы атома не являются атомами.

Попытаемся описать метод выделения этих элементов на основе анализа предикативной формы представления отношения.

Замечено, что при записи уже двухместного предиката возможна двухзначность его интерпретации. Например, интерпретация предиката $P(x_1, x_2)$, если он несимметричен, является неоднозначной в том смысле, что неизвестно, какой из аргументов выполняет активную роль. Запись трехместного предиката дает еще большую свободу для интерпретации. Можно рассматривать последовательность аргументов после предиката как упорядоченную, располагая впереди активных участников предикации. В n -местных предикатах возникающие трудности, связанные со степенью активности, в большой степени, хотя и не всегда полностью, разрешаются семантикой самого предиката. Например, в предикате *рубить* (человек, топор, дерево) нет сомнений в степени активности каждого из аргументов, потому что мы отчетливо представляем, что значит «рубить». Очевидно, что человек выступает как субъект, топор как инструмент, а дерево как объект рубки.

Существует и обратный путь рассуждения, суть которого сводится к следующему. Не семантика предиката определяет степень активности аргументов, а априорное выделение степеней участия аргументов задает семантику предиката, т. е. заранее определяется для каждой из k незаполненных ячеек n -местного предиката (k больше или равно n) степень ее участия. В зависимости от того, какие n ячеек из k возможных заполняются, т. е. какие степени имеют участники, предикат приобретает тот или иной смысл. Степень участия назовем ролью. Таким образом, определенная комбинация ролей порождает определенный предикат. Выделение типов в самих ролях (подролей) способствует еще большей конкретизации в представлении предикатов. Это позволяет представлять различные модусы. Сами роли, очевидно, отношениями не являются в обычном смысле понимания отношений.

Создание модальной логики определенного вида на основе метода формализации отношения через роли сводится к перебору ролей и выде-

лению тех из них, которые участвуют в задании данного модального отношения; перебору и выделению типов ролей и определенному их сочетанию; установлению соответствия объектов, участвующих в модальном высказывании, своим ролям.

При установлении связей выражений одной модальной логики с выражениями другой общие содержательные закономерности будут выявляться через формальную трансформацию ролей, число которых конечно. А закрепление такой закономерности, в свою очередь, позволит распространить формальную трансформацию на большее число ролей. Многошаговое взаимовлияние содержательной теории и формальных трансформаций создает возможность структурной разработки общей теории взаимосвязей модальных логик на базе представления отношений через комбинацию ролей.

¹ См.: Маккарти Дж., Хейес Р. Дж. Некоторые философские проблемы в задаче построения искусственного интеллекта // Кибернетические проблемы бионики.— М., 1972.— Вып. 2.— С. 47; Минский М. Фреймы для представления знаний.— М., 1979.— С. 114—121.

² См., например, 16 расширений системы ОГ в кн.: Ивин А. А. Основания логики оценок.— М., 1970.— С. 202.

³ См.: Schank R. Conceptual Information Processing.— Amsterdam, 1975; Wierzbicka A. Lingua mentalis.— Sydney, 1980; Perry J. W., Kent A., Melton J. L. Tools for machine literature searching.— New York, 1958.

С. В. ЛЕМЕХОВА

СПЕЦИФИКА ЭСТЕТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Понятия «эстетическое», «эстетическая деятельность» не тождественны понятиям «чувственное», «чувственность», «чувственная деятельность». Эстетическая деятельность вырастает из материально-чувственной предметно-практической деятельности человека, характеризуя ее как процесс всестороннего развития чувств и способностей людей, углубления восприятия, осмысления, оценивания ими действительности, совершенствования способов целостного удовлетворения их потребностей. Эстетическая деятельность не сводится к чувственной деятельности, но представляет собой форму ее развития, форму универсально-чувственного утверждения человека. Как таковая, эстетическая деятельность противостоит, с одной стороны, односторонне-практической, узко-утилитарной чувственной деятельности людей, а с другой — деятельности теоретико-познавательной, абстрактно-идеальной. Таким образом, эстетическая деятельность — это универсальная, всесторонне-чувственная деятельность человека, которая может выступать и духовным освоением существующих ценностей, и духовным их преобразованием, переосмыслением, и практическим изменением, практическим творчеством нового. Особенностью эстетической деятельности является то, что она не ограничена рамками какой-либо одной сферы общественной деятельности, хотя и находит свое наиболее концентрированное выражение в сфере искусства. Эстетическая деятельность проявляется во всех сферах общественного производства. Эстетической может выступать любая конкретная человеческая деятельность, вместе с тем понятие эстетической деятельности характеризует вполне определенный и относительно самостоятельный, специфически-содержательный вид деятельности, который существует наряду с деятельностью неэстетической.

Как же можно выделить специфику и сущность эстетической деятельности? Сравнивая различные ее формы, обнаруживаем, что все они представляют собой процесс гармонизации материала и функции, формы и содержания в продукте деятельности, процесс достижения совершенства, меры предмета, «превышающих» чисто природные совершенство и меру, а также требования узко утилитарной целесообразности. Далее, в эстетической деятельности большую роль играют непосредственный чувственный контакт субъекта с объектом, эмоциональное переживание, духовное чувственно-интеллектуальное наслаждение, конкретно-образное мышление, интуитивность оценки, ориентированность на обобщенно-чувственный образ — эстетический идеал и т. д. В целом эта деятельность характеризуется как свободная от грубой утилитарной потребности, как бескорыстная,

«незаинтересованная», т. е. не связанная с конкретной, узко понимаемой пользой, целью, имеющая для человека ценность в самом ее процессе, а не только в результате, «втягивающая» субъект в деятельность наиболее глубоко, интимно-индивидуально, лично.

Эстетическая деятельность, а также утилитарная, теоретическая, этическая, идеологическая, религиозная характеризуют ценностный аспект человеческой жизнедеятельности. Ключевым понятием, раскрывающим особенности аксиологического плана деятельности, выступает понятие ценности. Ценность — это любое явление материальной или духовной реальности, связанное с объективными требованиями природного и общественного процессов и субъективными потребностями человека¹. Ценности и ценностный аспект деятельности представляют человеческую жизнедеятельность, ее предметные и субъектные компоненты синтетически, т. е. как единство природных свойств и процессов, общественных значений (знаний, норм, идеалов, отношений) и личностных, индивидуально-неповторимых смыслов². Многообразие форм ценностной деятельности связано с многообразием человеческих потребностей, с их относительной независимостью друг от друга. С другой стороны, потребности глубоко взаимосвязаны, образуют целостные системы, иерархии. Различные потребности объединяются по общим признакам в определенные группы, соответственно которым выделяются типы ценностных ориентаций в деятельности: утилитарная, нравственная, эстетическая, идеологическая, логическая.

Особенностью эстетической ценности, потребности, ценностной ориентации, деятельности выступает их универсально-синтетический характер. Это значит, что, например, эстетическая ценность по своему содержанию есть комплекс, единство всех остальных ценностей — утилитарных, нравственных, идеологических и т. д. Как и всякая ценность, эстетическая ценность — это явление материального и духовного мира, связанное с общественными и индивидуальными потребностями, а именно, с эстетическими потребностями. Эстетическая потребность, эстетическая деятельность — универсальные потребность и деятельность, которые содержат все ценностные характеристики человеческой жизнедеятельности. Эстетическая деятельность в ее положительном значении, т. е. как созидание прекрасного, есть высшее, совершенное деятельное проявление универсальности и целостности человека и его жизни, наиболее полно соответствующее идеалу должного, лучшего, совершенного, идеалу блага³. Таким образом, по своему содержанию эстетическая деятельность есть процесс созидания совершенного (т. е. соответствующего идеалу должного) блага, как комплексной, синтетической человеческой ценности. В то же время по форме эстетическая деятельность представляет собой преобразование действительности «по законам красоты». Точнее, ориентация на выразительную форму предметов и явлений действительности, потребность в восприятии такой формы, деятельность «формирования» действительности, «придания» формам выразительности и составляют другую специфическую сторону эстетического освоения мира человеком. «Ориентация на форму»⁴ не является привилегией эстетической деятельности. Информационная связь субъекта с объектом в деятельности посредством органов чувств субъекта придает сигнальный характер внешней форме явления, так что чувственный образ этой внешней формы становится регулятором деятельности, своеобразным центром, вокруг которого концентрируются эмоции, переживания, мышление, воля. Эстетическая ориентация на форму имеет свою специфику. Она заключается в том, что эстетически значимая форма должна обладать способностью выразить синтетическую ценность совершенного блага (либо иные модификации эстетического содержания). С другой стороны, такая форма должна иметь относительно независимое от содержания самостоятельное ценностное значение для человека. Указанная способность заключена в объективных свойствах формальной стороны явления и характере психического отражения их в чувственном образе. Такими свойствами выступают целостность внешней формы явления, многообразие и единство, сложность и организованность элементов чувственно-воспринимаемой системы (симметрия, ритм, пропорции), динамика противоречивых сторон явления (гармония и контрасты, «переливы» противоположностей, колебания, движение элементов формы, переходы от покоя к движению, развитию и обратно). Субъективным условием превращения объективных свойств явления в эстетическую ценность выступает чувственное восприятие, прежде всего зрительное и слуховое, поскольку они представ-

ляют собой канал информационной связи большой «разрешающей способности», что обеспечивает целостность и организованную сложность чувственного образа.

В сложной диалектической связи выражающего (эстетически значимой формы) и выражаемого (синтетически-универсальной ценности), в их относительной независимости и глубокой взаимосвязи и заключается сущность эстетического⁵. Различные модификации эстетического такие, как прекрасное, безобразное, комическое и трагическое, возвышенное и низменное отражают различные уровни, фазы в движении противоречивой сущности эстетического. Сущностью же эстетической деятельности выступает универсальное, синтетически-целостное, высшее творчество ценностей блага и красоты, понимаемых как конкретно-историческая мера совершенства содержания и формы человеческой общественной жизнедеятельности.

Итак, эстетическая деятельность представляет собой относительно самостоятельный и специфический вид деятельности. Однако она сопоставима не со сферами, областями общественно-разделенной человеческой деятельности, а с видами ценностной ориентации жизнедеятельности человека: утилитарной, этической, идеологической, логической. Эстетической выступает всякая конкретная человеческая деятельность, если в ней удовлетворяется эстетическая потребность, осуществляется эстетическая цель, эстетический идеал, осваиваются или преобразуются, создаются эстетические ценности. Эстетическая потребность возникла в эпоху становления человеческого общества как обобщенная духовная потребность человека в целостной, совершенной и свободной жизнедеятельности и как функциональная потребность⁶ в оптимальном и полном самоосуществлении индивида как природного и общественного существа. Специфика эстетической деятельности заключается в том, что она носит синтетический по отношению к другим видам деятельности характер; представляет собой универсальную чувственно-непосредственную форму осуществления любых видов деятельности; выражает целостность ценностно-ориентированной деятельности людей. В то же время эстетическая деятельность относительно независима и даже противоположна другим видам ценностной деятельности, поскольку выражает совершенство формы всякого явления, процесса, деятельности и самоценность оптимального деятельного функционирования человеческой личности безотносительно к конкретному содержанию деятельности.

¹ См.: Большая советская энциклопедия.— М., 1978.— Т. 28.— С. 491; Философская энциклопедия.— М., 1970.— Т. 5.— С. 462—463.

² См.: Леонтьев А. Н. Деятельность и сознание // Вопросы философии.— 1972.— № 12.— С. 134—140.

³ См.: Малышев И. В. Эстетическое в системе ценностей.— Ростов-н/Д, 1983.— С. 122.

⁴ См.: Каган М. С. Лекции по марксистско-ленинской эстетике.— Л., 1971.— С. 93.

⁵ См.: Малышев И. В. Эстетическое в системе ценностей.— С. 122.

⁶ См.: Афанасьев М. Н. Эстетика Канта.— М., 1975.— С. 65—72; Его же. Эстетические потребности человека.— М., 1979.— С. 21—27.

Л. Г. НОВИКОВА

О СПЕЦИФИЧЕСКОЙ ФУНКЦИИ СОВРЕМЕННОЙ НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

Многолетний и неуклонный—в общемировом масштабе—рост числа изданий научно-фантастической литературы, степень ее популярности среди молодежи и научно-технической интеллигенции свидетельствуют о ее возможностях оказывать существенное влияние на общественное сознание. Уже в силу этого фантастика как феномен современной культуры выходит за рамки рассмотрения только филологической науки и становится объектом пристального внимания со стороны философов и социологов. Тем более, что, несмотря на более чем полуторазековую историю развития этого вида литературы, фантаствоведение до сих пор затрудняется дать определение своему предмету, выявить его специфику и сущность взаимоотношений с наукой (пресловутая проблема «научности» научной фантастики).

На наш взгляд, причиной этого является принципиальная недостаточность литературоведческого анализа феномена научной фантастики: справедливо признавая, что эта специфика детерминирована, в первую очередь,

«пограничным» происхождением НФ — на стыке литературы и науки — литературоведение на деле ограничивается анализом лишь ее литературной составляющей. Поэтому ряд существующих определений научной фантастики — как жанра, приема, литературы мечты, литературы предвидения — не могут быть признаны удовлетворительными, поскольку не охватывают всех сторон предмета. В качестве рабочего определения можно приять трактовку НФ как «нового художественного метода, органически сочетающего принципы научного и художественного мышления»¹.

Тесная связь между научно-фантастической литературой и наукой действительно существует, однако интерпретация этой связи различными авторами достаточно разноречива. Традиционно сущность ее сводится к отражению и осмыслению современной фантастикой социальных следствий ускоренного развития науки и техники. Нетрудно, однако, видеть, что при таком объяснении неизбежно утрачивается специфика научной фантастики. Ведь искусство — и в особенности художественная литература как сфера концентрированного, обобщенного социального опыта — всегда было одной из важнейших форм осмысления общественных перемен. Поэтому переломные моменты истории всегда порождали (в той или иной форме) многочисленные попытки дать целостную характеристику тенденций социального развития не только в виде теоретического знания, но и в образных, художественных моделях искусства, ибо, по мысли В. И. Ленина, «перед тем, кто хочет изобразить какое-либо живое явление в его развитии, неизбежно и необходимо становится дилемма: либо забегать вперед, либо отстать. Середины тут нет»². Поэтому было бы неверно утверждать, что новые социальные проблемы, порожденные научно-техническим прогрессом, отразила только научная фантастика — на них так или иначе откликнулась вся современная литература, они не составляют специфики ее научно-фантастической ветви.

Как и вся литература, научная фантастика «выступает от имени обыденного сознания и к нему апеллирует»³. Однако ее пограничное положение в системе современной культуры обуславливает и ее литературную специфику: сделав науку, научное исследование частью своего художественного объекта, НФ тем самым воссоздает — в совокупности своих произведений — некий обобщенный образ современной ей науки и «транслирует» его на уровень обыденного сознания. Причем образ этот (по крайней мере по отношению к современности) в целом неадекватен реальной науке, он фантастичен, «ненаучен». Закономерно возникает вопрос о социальном смысле подобной «трансляции», о той функциональной нагрузке, которую современная фантастика объективно выполняет по отношению к обыденному сознанию. Подчеркнем, что речь идет об отыскании такой функции НФ, которая была бы, во-первых, объективной, т. е. независимой от субъективных намерений, социальной позиции и индивидуального мастерства писателя-фантаста, и во-вторых, функции специфической, свойственной только ей одной.

К сожалению, небольшой объем статьи не позволяет проследить становление функциональной специфики НФ в историческом генезисе. Отметим лишь, что, хотя первые литературные образцы, отнесенные современными исследователями к научно-фантастическим, закономерно появились в период становления естествознания Нового времени, как литературная система научная фантастика сформировалась гораздо позднее: ее «отсчет» традиционно начинают с середины XIX века, периода наивысшего развития классического естествознания. Такое совпадение, разумеется, не случайно.

Бурное развитие эмпирических наук в этот период дополнилось и усилилось внезапно ускорившимся техническим прогрессом. Начался процесс соединения науки с производством, что, в свою очередь, потребовало построения научного труда по промышленному образцу. Бурное развитие этого процесса привело к формированию новой социально-профессиональной группы — научно-технической интеллигенции, численность и влияние которой быстро росли. Именно эта группа, ощущая себя носителем научно-технического прогресса, сформировала тот «сциентизированный» тип общественного сознания, который видел в развитии науки и техники решающий фактор будущих позитивных перемен. Обособившись как социально-профессиональная группа, она нуждалась в адекватном самовыражении во всех формах, в том числе и в литературной. Такой формой ее литературного самовыражения оказалась научная фантастика, специфическая система образности и основные тематические направления которой оформи-

лись в этот период в романах Э. По, М. Шелли, Ж. Верна. Здесь — впервые в искусстве — наука становится и предметом художественного исследования, и составной частью поэтики новой литературы. Это прозорливо заметили еще братья Гонкур. «После чтения По, — писали они, — нам открылось нечто такое, чего публика, кажется, не подозревает. По — это новая литература, литература XX века, научная фантастика, вымысел, который можно доказать, как А+В, литература одновременно маниакальная и математическая... словом, это роман будущего, призванный больше описывать то, что происходит в мозгу человечества, чем то, что происходит в его сердце»⁴.

Однако целостный образ науки, представленный в романах фантастов XIX века, — это образ «малой», университетской науки: ей свойственны универсальность и недифференцированность (достаточно вспомнить жюльверновских инженеров-универсалов), ее творят ученые-одиночки в изолированных от мира лабораториях, на личные средства, и открытия, сделанные ими, остаются длительное время тайной для общества. Эта наука переживает период бурного экстенсивного развития, кумулятивного приращения знания — причем в самой динамике этого процесса авторам видится залог будущего прогресса. В целом фантастика жюльверновского типа фантастична лишь постольку, поскольку ее идеи требуют более высокой энергетик и более сложных инженерных решений. В силу этого фантастика XIX — начала XX века могла выполнять по отношению к обыденному сознанию по большей части лишь функции чисто просветительские (в совокупности научно-технических и общественных идей).

Начало XX века ознаменовалось революционными изменениями устоев классического естествознания. Не повторяя уже известных характеристик, отметим, что крушение ньютоновской и становление эйнштейновской физической картины мира, парадоксально несовпадающей с обыденным опытом, привело к тому, что в науку (и вообще в культуру) вошла идея относительности. Революция в науке принесла изменения и в формы ее организации — начался процесс созидания «большой» науки, которая, став ведущим фактором материального производства, превратилась в непосредственную производительную силу общества. Этот процесс сопровождается увеличением всех показателей научного прогресса.

Но во всем многообразии сдвигов, происшедших в науке, можно выделить общий знаменатель, определяющий в целом их направленность. Это — все более полная и непосредственная вовлеченность научного познания в жизнь современного общества. «Тотальной экспансией науки во все поры социального организма» назвал этот процесс Г. Н. Волков⁵. Соединившись не с какой-то одной стороной культуры, а со всей культурой в целом, с системой деятельности современного человека, наука приобрела универсальное значение и потому оказывает тотальное влияние на все сферы жизнедеятельности общества.

Процесс этого влияния внутренне противоречив; одно из существенных противоречий, порожденных им в обыденном сознании, можно сформулировать следующим образом. С одной стороны, научная революция начала XX века, формирование разветвленной системы «большой» науки, углубляющийся процесс дифференциации научного знания сделали науку психологически «необъятной» для обыденного сознания, способствовали тому, что у индивидуального носителя этого сознания целостный образ науки распадается на отдельные фрагменты, интерпретация которых лишена общей мировоззренческой базы и клиширована расхожими штампами фетишистского характера (во всем диапазоне эмоционального отношения — от «наука может все» до «все зло от науки»). С другой стороны, возрастание социальной функции науки, ее новая роль в обществе настоятельно требуют адекватного осмысления уже не только на уровне научно-теоретического, но и обыденного сознания, переориентации его и адаптации к новым реалиям, порожденным научно-техническим прогрессом.

Разумеется, эти два уровня общественного сознания не разделены «китайской стеной», они связаны отношениями диалектического единства, и под воздействием культуры, образования, обучения, как пишет Т. И. Ойзерман, «в него проникают научные представления, оно в известной мере интеллектуализируется»⁶. Однако как совокупность восприятий и представлений, возникающих «главным образом в результате непосредственного опыта, повседневной житейской практики»⁷, обыденное сознание отличается консервативностью, отрицанием противоречивости, метафизическим спосо-

бом мышления. А это — характеристики, противоположные тем, которые отличают современный неклассический стиль научного мышления и все научно-теоретическое сознание в целом. С этой точки зрения, современная ситуация диктует необходимость преодоления или, вернее, определенного сокращения разрыва между научно-теоретическим и обыденным уровнями сознания. Таким образом, в системе современной культуры объективно необходим механизм интеграции образа научного знания в обыденном сознании.

Вообще, интегрирующую функцию по отношению к научному знанию выполняет, как известно, философия. Однако она функционирует на уровне научно-теоретического сознания, сама являясь высшим продуктом его деятельности, — и в силу этого не может быть «приспособлена» для целей интеграции образа науки в обыденном сознании. Подобную функцию в системе современной культуры может выполнять, скорее всего, искусство (а именно — художественная литература как его наиболее массовый и демократический вид), так как только в нем диалектика общего, особенного и единичного выступает в форме образа, сохраняющего непосредственную наглядность единичного и, значит, наиболее доступного обыденному сознанию.

Рассмотрим под этим углом зрения научно-фантастическую литературу. Дух современной науки, в той или иной степени усвоенный всей современной фантастикой, соединенный со специфическим способом моделирования реальности в особом, типологизированном виде — отличительная черта НФ. На современном этапе усвоение «релятивистского», неклассического стиля научного мышления позволило ей объективно, т. е. независимо от своих литературных достоинств, социальных позиций и субъективных намерений отдельных авторов, выполнять принципиально новую функцию по отношению к обыденному сознанию: функцию интеграции, воссоздания в нем целостного образа современной науки. Выполняя этот социальный заказ, научная фантастика объективно препятствует психологическому отчуждению науки от сознания современного человека, она «очеловечивает» науку, делает ее внутренним делом каждого читателя — в этом и состоит социальный смысл интегрирующей функции современной фантастики.

Научные данные, получаемые на уровне теоретического исследования, в своем «первозданном» виде мало пригодны как для воплощения в технике, так и для человека. «В свое время, — пишет в этой связи Г. Н. Волков, — наука оказалась вынужденной «достроить» специальные звенья — прикладные исследования и разработки, чтобы доводить свою продукцию до промышленного потребления. Ныне наука нуждается в соответствующей обработке знаний для личного потребления»⁸. Одним из механизмов такого рода «обработки» на уровне обыденного сознания и выступает объективно современная фантастика — в этом заключается причина ее массового распространения и огромной популярности. Литературоведы давно отметили «парадокс читателя НФ»: с одной стороны, «ненаучность» образа науки в НФ и в среднем невысокий общий художественный уровень, с другой — основной контингент читателей НФ составляют студенты и научно-техническая интеллигенция — группа весьма подготовленная профессионально и в отношении литературы достаточно требовательная.

Однако любой специалист одновременно выступает носителем и научно-теоретического сознания (в своей профессиональной области), и обыденного сознания (за ее пределами). Поэтому, выполняя интегрирующую функцию, современная фантастика выступает важным интеллектуальным и психологическим рычагом формирования целостного образа современного научного знания. Так, отражая проблемы новейшего естествознания, НФ оперирует, например, целым набором реальных и гипотетических следствий из теории относительности. При этом обращение к наукоподобным фантастическим понятиям типа «параллельных пространств», «петли времени», «гиперпространства» с его возможностями нуль-транспортировки, «машины времени» и т. д. помогают воссоздать новую физическую картину мира в голове читателя, даже не знакомого с теорией Эйнштейна. И это не популяризация знания: о самой теории в произведениях может не говориться ни слова. Это по необходимости ненаучная реконструкция картины мира, основанная на релятивистском толковании самих понятий пространства и времени.

Итак, в процессе развития научная фантастика эволюционировала от

жюльверновской традиции просветительства к функции интеграции образа современного научного знания в обыденном сознании. При этом, рожденная на «стыке» литературы и науки, она всегда выступала своего рода «транслятором» образа науки, т. е. объективно выполняла функцию адаптации обыденного сознания к современной науке.

¹ Большая Советская Энциклопедия.— М., 1974.— С. 997.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 3.— С. 322.

³ Бритиков А. Ф. Пафос космизации в научной фантастике. // Современный советский роман (философские аспекты).— М., 1979.— С. 240.

⁴ Гонкуры Э. и Ж. Жармини Ласерте; Актриса; Отрывки из дневника.— Л., 1961.— С. 391—392.

⁵ Волков Г. Н. Истоки и горизонты прогресса.— М., 1976.— С. 171.

⁶ Ойзерман Т. И. Философия и обыденное сознание // Вопросы философии.— 1967.— № 4.— С. 123.

⁷ Чагин Б. А. Структура и закономерности общественного сознания.— Л., 1982.— С. 36.

⁸ Волков Г. Н. Истоки и горизонты прогресса.— С. 170.

Е. О. ПОПЕЛЬСКАЯ

ПРИНЦИП СКЕПТИЦИЗМА В ГНОСЕОЛОГИИ ДЖОРДЖА САНТАЯНЫ

Первой зрелой работой Джорджа Сантаяны по эпистемологии является книга «Скептицизм и животная вера»¹. Философ начинает изложение своей теории познания с замечания о том, что поиск истинной точки зрения на различные вопросы бытия несовместим со столкновением многочисленных мнений, Необходимо найти метод исследования, который поможет выяснить, почему люди некоторые утверждения принимают за истинные или верят в них. Сантаяна убежден, что прежде, чем поверить, человек должен иметь потребность в этой вере, а также узнать, на чем она основана, что ее постоянно поддерживает и на что она будет опираться. По его мнению, в «путанице» человеческих вер можно выделить обязательный фактор, называемый фактом, на фоне менее обязательного, именуемого предположением или интуицией. Следовательно, задача философа — «освобождение нашего интеллекта от произвольных и нежелательных заблуждений и сведение условных вер к признанию фактов»².

Сантаяна отвергает возможность необоснованного возникновения веры человека в существование очевидных фактов, считая необходимым проследить, как, посредством чего ее можно обрести. Поскольку «скептицизм есть подозрение в ошибочности фактов»³, все они должны подвергаться сомнению и проверяться.

Философ отличает сомнение в достоверности исторических фактов от сомнения в достоверности физических явлений. Поскольку люди в различные времена и в разных обстоятельствах по-разному понимают результаты «созерцания истории», а также ее «опыт», то предполагается, что сомнение в существовании достоверных фактов приобретает тотальные размеры и приводит к сомнению в существовании достоверных физических явлений. Однако Сантаяне представляется более благоразумной противоположная процедура. Она состоит в следующем: «Знание фактов, сообщаемых историей, опосредовано документами, которые являются физическими фактами, и эти документы должны быть вначале открыты и взяты на веру...»⁴. Так философ приходит к мысли о существовании материального мира и физических явлений. Однако признание этого существования не подтверждается, поскольку, по его мнению, в человеческом опыте нет ничего, что могло бы гарантировать такое существование. Даже если какой-нибудь человек будет верить в достоверность таких оснований, то это не будет верой как таковой, а всего лишь ощущением тождественности этого человека порядку накопления опыта. Акцент на субъективной непрерывности опыта перерастает в итоге в идентификацию субъективной непрерывности с ее физической основой.

В этом проявилась несостоятельность попыток философа провести идеи материализма. Позиция Сантаяны есть не что иное как солипсизм: нет доказательств существования материального мира; субъективная непрерывность опыта отождествляется с порядком его накопления. Введение понятия «опыт» уже свидетельствует о том, что философ не в состоянии решить вопрос об отношении сознания и материи. По замечанию В. И. Ленина, «слово «опыт» ... давным-давно служило для прикрытия идеалисти-

ческих систем и служит сейчас у Авенариуса и К^о для эклектического перехода от идеалистической позиции к материализму и обратно»⁵. Применительно к философии Сантаяны введение понятия «опыт» можно понимать как попытку занять «нейтральную», а по существу, противоречивую позицию, когда на словах признается существование реального мира, а на деле оно объясняется с точки зрения солипсизма.

Однако американский философ отличает свою точку зрения от традиционного солипсизма и называет себя «солипсистом настоящего момента». «Любой солипсизм, — пишет Сантаяна, — который не является солипсизмом настоящего момента, является логически невыполнимым»⁶. Стремясь отмежеваться от других типов солипсизма, философ анализирует «романтический» солипсизм. Суть последнего, по его мысли, состоит в том, что человек верит в реальность своего прошлого опыта и все ожидания будущего основывает на нем; не отказываясь от этой веры как сомнительной, включает ее в систему видения мира. Однако прошлое, по концепции «романтического» солипсизма, есть постоянно изменяющиеся воспоминания с неопределенным числом компонентов. В зависимости от обстоятельств в картину прошлого могут включаться дополнительные идеи, которые вовсе не являются достоверными фактами. В этом случае, считает философ, солипсист перестает быть настоящим скептиком (по его мнению, солипсист настоящего момента есть истинный скептик).

Сантаяна настаивает на более радикальной позиции. Скептик, разделяющий точку зрения «солипсиста настоящего момента», отвергает все догмы (включая и прошлый опыт), отрицает зафиксированные в прошлом научные постулаты, опровергает мысли о том, что будущее похоже на прошлое и поэтому может подчиниться его законам. Сантаяна идет еще дальше и вслед за идеей прошлого отвергает все догмы и так называемые «первые принципы», полагая, что существует водораздел между догматизмом и тотальным скептицизмом. Философ убежден, что, даже если мы используем какие-либо догмы, они всегда произвольны и инстинктивны.

В утверждении Сантаяны о том, что первые принципы, принимаемые как самоочевидные истины, не могут существовать и используются лишь инстинктивно, заключена явная ошибка. Первые принципы имплицитно содержатся или используются фактически в любом рассуждении, которое начинается с посылок и должно придти к заключению. Однако это не значит, что первые принципы даны априорно или их применение обусловлено стихийными побуждениями. В. И. Ленин в «Философских тетрадах» убедительно показал, что «...практическая деятельность человека миллиарды раз должна была приводить сознание человека к повторению разных логических фигур, дабы эти фигуры могли получить значение а к с и о м»⁷.

Однако претензии Сантаяны на всеобщий скептицизм — лишь красивая поза. Он признает в результате, что от догмы нужно не отказываться, а пересмотреть ее с точки зрения более элементарной, т. е. такой, к которой еще не применено сомнение. Сантаяна использует первые принципы постоянно: он рассуждает о внутреннем противоречии («Царство истины», с. 23, с. 466), о причине и следствии, части и целом (там же, с. 528; «Царство материи», с. 99—100), тождестве и противоречии («Царство сущности», с. 18—19)⁸.

Принцип скептицизма у американского философа предполагает сомнение во всем, кроме настоящего момента. Однако содержание этого понятия им до конца не разъясняется. Во-первых, он настаивает на сомнительности веры во всё, кроме мимолетной «картины», и называет ее данным; во-вторых, подчеркивает ценность положительной веры в то, что ничего, кроме данного, не существует; в-третьих, обращает внимание на чувство недоверия ко всему, что остается после данного — «запредельному».

Солипсист настоящего момента, используя принцип скептицизма, не должен допускать веры в существование каких-либо реальных изменений. При этом он различает непосредственный опыт изменений и изменение непосредственного опыта. Первое является обманчивым изменением, поскольку в созерцании смены различных звуковых или цветовых оттенков мы не наблюдаем полной смены существующего положения вещей, а только переходы определенных аспектов этого общего положения. В изменении непосредственного опыта Сантаяна также сомневается. На основании того, что констатация изменения должна базироваться на одновременном «пере-

живании» двух типов опыта, философ заявляет о невозможности, нереальности такого изменения. Заключив, что в «данном нам опыте» нельзя найти ничего, что могло бы обосновать веру в реальные изменения, Сантаяна ставит под сомнение реальность изменений в самих познавательных актах, поскольку множественное число — «акты» — подразумевает последовательные временные серии. В применении принципа скептицизма Сантаяна идет дальше декартовского «мыслю, следовательно, существую», так как американский философ сомневается и в «мыслю», которое предполагает процесс изменения.

Отрицание изменений ведет к отрицанию реального движения в материальном мире, к непониманию диалектической взаимосвязи материи и движения. Попытки Сантаяны отказаться от диалектического изменения и построить своеобразную картину мира с точки зрения настоящего момента не увенчались успехом. И в самом опыте изменения, и в изменении опыта мы наблюдаем, ощущаем и осознаем объективные, независимые от нас изменения. Ничто не находится в статичном, изолированном от переходов и изменений состоянии; процесс развития охватывает все сферы бытия и неразрывно связан с материей. Метафизический подход философа есть не что иное, как признание существования материи без движения. Диалектический материализм исходит из того, что «движение есть способ существования материи... Материя без движения так же немыслима, как и движение без материи»⁹.

Попытки Сантаяны отстоять свою позицию (существование материального мира без движения) посредством веры в то, что «дано» в настоящий момент, приведут его в конечном счете к отказу от возможности приблизиться к объективной истине. Механическая смена «настоящих моментов», которую только теоретически, а не реально допускает Сантаяна, приводит к набору утверждений, каждое из которых будет истинным только в определенном контексте. Истина никогда не приобретает статуса объективности, независимости от нашего сознания и субъективных факторов, вплетенных в структуру настоящего момента. Для того чтобы получить знание подлинно научное, достоверное, объективное, необходимо учитывать прошлый опыт достижения истины и предполагать относительность нашего настоящего уровня знаний.

Итак, Сантаяна пришел к выводу, что не существует ничего, что может считаться несомненным за исключением «данного» в настоящий момент. Любой скептик, даже отстаивающий самую радикальную позицию, должен подразумевать существование чего-то несомненного, т. е. непосредственно данного. «Мой скептицизм, — пишет Сантаяна, — достиг наконец сути, и мое сомнение обрело заслуженный покой в абсолютно несомненном»¹⁰. Хотя скептик не может признать существование как факт, он допускает такую возможность, как реализацию особой формы бытия. Это не значит, что такая форма бытия была кем-то воспринята и что ее существование никогда не должно вызывать сомнений. Просто эта форма есть то, что она есть. Так Сантаяна приходит к определению сущности.

Сущность не является ни вещью, ни ее образом, ни ее идеей. Несмотря на то, что Сантаяна использует иногда эту терминологию, его определения не представляют собой точных дефиниций. Говоря о сущности, философ подчеркивал, что «ничто не является данным как физическое или мысленное в смысле бытия ... вещи или мысли; это есть определенное качество бытия»¹¹. Сущность как бы «предстает» перед нашим сознанием. Чаще всего мы не фиксируем на ней внимания, предаваясь больше различным чувствам, — страха, радости и т. д. Несмотря на это, сущность более очевидна, чем чувства, поскольку последние вызываются предметами, а сущность ничем не вызывается. Мы можем менять свое отношение к сущности, но сама она никогда не меняется. Познать сущность, по мысли Сантаяны, невозможно. Только посредством интуиции мы можем приблизиться к ее постижению, которое и есть конечная, но недостижимая цель.

Исходя из того факта, что сущность является непосредственно данной, Сантаяна фактически связал начало и конец процесса познания воедино, т. е. вместо материи, непосредственно данной нам в ощущениях, он поставил сущность, объединяющую все качества многообразного мира. Так, признавая возможность иррационального постижения существования материального мира посредством так называемой «животной веры», Сантаяна не кладет его в основу первичных чувственных данных. «Ни один идеалист не будет отрицать в таком случае первичности природы, ибо на деле

это не первичность, на деле природа не берется за непосредственно данное, за исходный пункт гносеологии», — писал В. И. Ленин¹². Результатом такой подстановки является объективно-идеалистическая интерпретация результатов познания: идеальные сущности содержат в себе истинное знание о мире, которого человек не может достичь.

Сантаяна приходит к выводу, что вера в существование окружающего мира, включая и собственное «я», бездоказательна и основывается на иррациональном подтверждении. Переход философа от доказательства к иррационалистической теории «животной веры» есть проявление внутренних противоречий его системы, основанной на принципе скептицизма. Схема его рассуждений укладывается в структуру такого умозаключения: «если что-то существует, но я не могу этого доказать, то я в это верю».

Последовательное применение принципа скептицизма и постоянная апелляция к вере уводят Сантаяну все дальше от рациональной схемы построения знания к иррационализму, релятивистскому отрицанию диалектического пути достижения истины. Сам характер постановки вопроса: можно ли доказать существование объективного мира — подтолкнул философа сначала к сомнению, а затем к отрицанию такой возможности. Позиция «солипсиста настоящего момента» проложила дорогу субъективно-идеалистической интерпретации основных теоретико-познавательных проблем. В решении проблемы соотношения «царств» материи и сущности он стоял на позициях объективного идеализма. Противоречивые взгляды философа были обусловлены общим кризисом буржуазной философии и стремлением создать новый тип «нейтральной» философии. В. И. Ленин назвал буржуазный скептицизм «мертвой и мертвящей схоластикой» и указал, что его сущность заключается в «отчаянии в возможности научно разбирать настоящее, спрятаться от всяких «законов» исторического развития...»¹³ Сантаяне в этом случае был открыт один путь — обращение к иррационализму, обоснование своих гносеологических выводов посредством так называемой «животной веры».

¹ См.: Santayana G. Scepticism and Animal Faith.— London, 1923.

² Ibid.— P. 3.

³ Ibid.— P. 8.

⁴ Ibid.— P. 13.

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 18.— С. 154.

⁶ Santayana G. Scepticism and Animal Faith.— P. 14.

⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 29.— С. 172.

⁸ См.: Santayana G. Realms of Being. One — volume edition.— London, 1942.

⁹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч.— Т. 20.— С. 20.

¹⁰ Santayana G. Scepticism and Animal Faith.— P. 74.

¹¹ Ibid.— P. 92.

¹² Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 18.— С. 238.

¹³ Там же.— Т. 25.— С. 44.

Н. Н. БОНДАРЬ

ДИАЛЕКТИКА СТРУКТУРЫ ПОТРЕБЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ РАЗВИТОГО СОЦИАЛИЗМА

Курс на подъем благосостояния народа является высшей целью стратегии КПСС. «Конкретная забота о конкретном человеке, его нуждах и потребностях — начало и конечный пункт экономической политики партии», — подчеркивалось на XXVI съезде КПСС¹. Опираясь на теорию и практику развитого социализма, партия разработала и последовательно осуществляет научно обоснованную программу обеспечения полного благосостояния и всестороннего развития всех членов социалистического общества. Личное потребление тесно связано с решением этой задачи. В процессе потребления удовлетворяется ряд материальных и духовных потребностей индивидов. Увеличение объема потребления ведет к росту народного благосостояния, высокий уровень которого является неотъемлемым условием всестороннего развития личности. Общественная собственность на средства производства, ликвидация эксплуатации человека человеком обеспечивают непосредственную связь производства и потребления при социализме. Производство подчинено и служит потреблению. «Только социализм даст возможность широко распространить и настоящим образом

подчинить общественное производство и распределение продуктов по научным соображениям, относительно того, как сделать жизнь всех трудящихся наиболее легкой, доставляющей им возможность благосостояния»², — писал В. И. Ленин. Границы потребления, которое растет быстрыми темпами, определяются достигнутым уровнем развития производительных сил и степенью развития человеческой личности. При капитализме индивидуальное потребление рабочих ограничено узкими рамками воспроизводства рабочей силы как необходимого условия извлечения прибавочной стоимости. Оно не устраняет отчуждения непосредственных производителей от условий производства, не изменяет их экономического положения в обществе как носителей товара рабочая сила. Любое увеличение жизненных средств, приобретаемых рабочими на свою заработную плату, означает лишь изменение условий продажи ими своей рабочей силы. Присвоение представителями господствующих классов огромных масс прибавочной стоимости обуславливает резкую дифференциацию потребления, приводящую к паразитическому образу жизни господствующих классов и к лишениям и бедности классов эксплуатируемых. В США, например, 1 % населения владеет 31 % всех богатств страны и 61 % акций, в то же время 34 млн. человек, или 15 % всего населения, живут ниже официального уровня бедности³. Кризисы и периоды застоя приводят к ухудшению структуры и сокращению потребления основной массы населения. Связь производства и потребления здесь опосредована извлечением прибавочной стоимости, она сказывается в конечном счете, ибо в капиталистическом обществе **«потребление идет за производством»**⁴.

Опираясь на познание требований основного экономического закона и сущности цели социалистического производства, Коммунистическая партия направляет усилия на обеспечение планомерного и непрерывного повышения жизненного уровня советского народа. Для этого необходимо прежде всего постоянное увеличение главного источника роста общественного богатства — национального дохода страны, физический объем которого в 1982 году составил 523,4 млрд. рублей и увеличился по сравнению с 1970 годом более чем в 1,7 раза. Национальный доход Белорусской ССР за этот же период увеличился в 2,1 раза, темпы его роста превысили общесоюзный на 37 %. Столь быстрый рост национального дохода стал возможен потому, что достигался он преимущественно путем повышения производительности труда. В 1982 году по сравнению с 1980 производительность общественного труда возросла более чем в полтора раза, за счет ее прироста в десятой пятилетке было получено 84 % прироста промышленной продукции, в девятой пятилетке — 75 %, а за два года одиннадцатой пятилетки — 77 %. Три четверти национального дохода используются на потребление, а с учетом затрат на жилищное и социально-культурное строительство непосредственно на народное благосостояние направляется 4/5 национального дохода⁵. В одиннадцатой пятилетке осуществляются дальнейшие структурные сдвиги в экономике, направленные на повышение доли фонда потребления в национальном доходе: в 1985 году она составит 77,3 %⁶.

В условиях зрелого социализма происходит систематический рост производства предметов потребления. Так, за 1980—1982 годы темпы роста группы «А» по СССР составили 106, а группы «Б» — 107 %. В Белорусской ССР темпы роста составили соответственно 110 и 109 %⁷. В этих цифрах находит выражение политика нашей партии — подчинение развития всех отраслей промышленности интересам наибольшего удовлетворения растущих потребностей советских людей. Апрельский (1984) Пленум ЦК КПСС подчеркнул необходимость повышать ответственность советских органов за более полное удовлетворение запросов трудящихся.

При недостаточной развитости непосредственно-общественного характера труда и существовании двух форм собственности большая часть фонда потребления приобретает товарную форму. Вследствие этого присвоение населением значительной части созданного общественного продукта для удовлетворения растущих потребностей опосредуется распределением и перераспределением доходов. Стабилен и рост реальных доходов трудящихся. За последние 12 лет в расчете на душу населения они возросли более чем в полтора раза, а в Белорусской ССР в 1,6 раза и в 1985 году превысили в 2,7 раза уровень 1960 года, причем каждый процент прироста почти в 4,4 раза весомее, чем в 50-х годах⁸. В практике социалистического строительства рост доходов происходит за счет увеличения зара-

ботной платы рабочих и служащих, роста доходов колхозников, выплат и льгот из общественных фондов потребления. В совокупных доходах всех социальных групп растет удельный вес доходов от общественного хозяйства. Так, за 1979—1982 годы в совокупных доходах рабочих и служащих доходы от личного подсобного хозяйства снизились на 0,6 %, а в совокупных доходах колхозников на 4,6 % при увеличении доходов от общественного хозяйства колхозов на 2,8 %⁹. В зависимости от конкретных задач социалистического строительства и имеющихся ресурсов может преобладать тот или иной путь повышения доходов населения. Долгое время наблюдалось отставание в развитии сельского хозяйства, что сдерживало и рост доходов тружеников села. В результате проведенных мероприятий, направленных на подъем сельскохозяйственного производства, ускоренное повышение оплаты труда сельского населения, прирост реальных доходов колхозников составил за 1970—1982 годы 56 % при росте их у рабочих и служащих на 41 %¹⁰. Политика сближения доходов рабочих и крестьян по мере сближения двух форм собственности, постепенного выравнивания роста производительности труда в этих отраслях народного хозяйства обеспечит создание одинаково благоприятных условий для роста объема потребления этих групп трудящихся.

С ростом общественного производства и уровня доходов не только повышается уровень потребления населения, но и совершенствуется его структура. Значительные прогрессивные изменения происходят в наборе потребляемых продуктов питания. Потребление мяса на душу населения в СССР за 1970—1982 годы увеличилось на 9 кг или 18,8 %, яиц—на 90 штук или 56 %, рыбы—на 3 кг или 19,4 %, в то же время потребление картофеля уменьшилось на 20 кг или 18 %, хлеба—на 12 кг или 8,7 %¹¹. Данные говорят об улучшении структуры питания трудящихся и росте качественного состава их рациона, причем по основным продуктам питания наблюдается тенденция приближения к рациональным нормам, разработанным Институтом питания Академии медицинских наук СССР. Тем не менее продовольственная проблема еще не решена и имеет большую актуальность. В связи с этим партией намечено за 80-е годы увеличить потребление важнейших продовольственных продуктов в расчете на душу населения в следующих размерах: мяса и мясопродуктов—на 21 %, молока и молочных продуктов—на 5—8 %, яиц—9—11, овощей и бахчевых культур на 30—39, фруктов и ягод—на 74—84 %¹². В этих целях разработана обоснованная система мер по дальнейшему развитию сельскохозяйственного производства на основе его интенсификации, обеспечивающая сбалансированное развитие всех отраслей агропромышленного комплекса для качественного и количественного удовлетворения растущих потребностей населения в продуктах питания. За 1970—1982 годы значительно вырос объем потребления непродовольственных товаров текущего спроса и товаров культурно-бытового назначения. Так, потребление тканей увеличилось на 13 %, в том числе шелковых на 34 %, бельевого трикотажа на 22,8 %. Наиболее быстро растет потребление товаров, удовлетворяющих духовные потребности трудящихся, и товаров, облегчающих домашний труд и повышающих его производительность. За рассматриваемый период обеспеченность населения магнитофонами выросла в расчете на 100 семей в 4,2 раза, телевизорами—в 1,8, холодильниками—в 2,7, электропылесосами—в 2,4 раза¹³. По основным товарам данной группы наблюдается сближение в удовлетворении потребностей между жителями города и села. Темпы роста обеспеченности на селе выше, чем в городе,— по холодильникам в 3 раза, стиральным машинам—в 2 раза, электропылесосам почти в 3, телевизорам—в 1,9, магнитофонам—в 5,8 раза. Более высокие темпы роста обеспеченности сельского населения товарами длительного пользования свидетельствуют об интенсивном совершенствовании структуры их потребления и сближении степени удовлетворения потребностей городского и сельского населения.

О прогрессивных сдвигах в сфере потребления говорят и изменения структуры расходов в бюджете семей различных социальных групп трудящихся. За 12 лет расходы на питание в семьях рабочих промышленности снизились на 5 %, в семьях колхозников—на 5,7 и составляют соответственно 30,7 и 34,7 % по отношению к остальным расходам. В то же время увеличились расходы семей на приобретение мебели и товаров культурно-бытового назначения. Удельный вес этих расходов увеличился в семьях промышленных рабочих с 5,8 до 7,8 % или на 2 %, в семьях колхозни-

ков — с 4,9 до 6,6 % или на 1,7 %¹⁴. Такого рода структурные изменения отражают процесс развития и совершенствования удовлетворения потребностей членов социалистического общества. Удельный вес элементарных потребностей снижается при росте доли удовлетворяемых потребностей более высокого порядка.

Успехи в социалистическом строительстве позволяют характеризовать конечные результаты развития экономики не только количественными показателями, важной становится качественная сторона роста жизненного уровня. Наша страна подошла к такому историческому рубежу, когда изменения в материальном благополучии должны происходить в тесной связи с изменением в духовном облике человека. На передний план выдвигаются проблемы социальной ориентированности личного потребления, его активной роли в решении экономических задач, достижении всестороннего гармоничного развития личности. Совершенствование структуры потребления материальных благ в единстве с формированием потребностей в социальной деятельности и превращением труда в первую жизненную потребность обеспечат прогрессивное развитие нашего общества в интересах всех его членов.

¹ Материалы XXVI съезда КПСС.— М., 1981.— С. 49.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 36.— С. 381.

³ См.: Приложение к журналу «Мировая экономика и международные отношения»: Обзор за 1983 г. и начало 1984 г.— С. 94.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 4.— С. 161.

⁵ См.: Народное хозяйство СССР в 1982 году.— М., 1983.— С. 378, 379, 36, 379.

⁶ См.: Материалы XXVI съезда КПСС.— М., 1981.— С. 44.

⁷ Народное хозяйство СССР в 1982 году.— М., 1983.— С. 121.

⁸ Народное хозяйство СССР в 1982 году.— С. 380; Народное хозяйство БССР в 1982 году.— Минск, 1983.— С. 126. Ракитский Б. И. Стратегия благосостояния.— М., 1983.— С. 106.

⁹ Народное хозяйство СССР в 1982 году.— С. 384, 386.

¹⁰ Там же.— С. 380.

¹¹ Там же.— С. 411.

¹² Продовольственная программа СССР на период до 1990 года и меры по ее реализации: Материалы майского Пленума ЦК КПСС 1982 года.— М., 1982.— С. 11.

¹³ Народное хозяйство СССР в 1982 году.— С. 412.

¹⁴ Там же.— С. 413, 385, 386.

В. В. РОВДО

КРИТИКА АМЕРИКАНСКОЙ НЕОКОНСЕРВАТИВНОЙ КОНЦЕПЦИИ АНТИРАЗЯДКИ

На рубеже 70-х—80-х годов в США и ряде западных держав к власти пришли реакционные силы, связанные с военно-промышленным комплексом. Они осуществили крутой поворот во внешней политике. В основу ее был положен курс, направленный на подрыв разрядки международной напряженности и изменение баланса сил в пользу империализма. Обосновать и оправдать возвращение к реакционному внешнеполитическому курсу была призвана буржуазная идеология и, главным образом, ее консервативное направление. В Соединенных Штатах Америки эта «миссия» выпала в основном на долю неоконсерватизма, чрезвычайно влиятельного течения, возникшего в 70-е годы как реакция части интеллигенции на кризис американского либерализма.

Неоконсервативная концепция антиразрядки представляет собой как отрицание политики разрядки, так и определенную доктрину внешнеполитического курса США, взятую на вооружение администрацией Р. Рейгана. Неоконсерваторы, во-первых, отвергают наличие объективных предпосылок политики мирного сосуществования государств с различным общественным строем; во-вторых, пытаются доказать концептуальную противоречивость разрядки, ее моральную ущербность для основных ценностей «свободного мира»; в-третьих, обосновывают негативные последствия разрядки для обороноспособности, политического положения и идеологии Соединенных Штатов.

По мнению неоконсервативных критиков, политика разрядки не имеет под собой прочных основ. Она возникла или как результат недооценки руководителями США «советской угрозы», или как следствие негативной

оценки возможностей Америки соперничать с Советским Союзом. И в том, и в другом случае основной причиной ошибки является утрата самообладания частью внешнеполитической элиты США.

В силу того, что американская внешнеполитическая элита представлена в основном учеными, активно не занимающимися политикой, «не имеющими чувства власти, всецело поглощенными методологией», поиски ею альтернативы скомпрометированной в результате поражения во Вьетнаме политики «сдерживания коммунизма» привели, по мнению неоконсерваторов, к созданию умозрительных, не основанных на объективной оценке соотношения сил двух сторон, проектов отношений с СССР. Как отмечает в книге «Опасное место» один из основоположников современного американского неоконсерватизма сенатор Д. П. Мойнихэн, «коренной провал разрядки заключается в том, что она черпала вдохновение больше из ощущения слабости демократии, нежели силы тоталитаризма»¹. Отсюда, указывает он, логически следует политика уступок Западу социалистическим странам, неминуемо ведущая к краху «свободного мира».

Неоконсерваторы ставят под сомнение обусловленность разрядки необходимостью предотвращения ядерной войны. По их мнению, не разрядка напряженности, а страх взаимного уничтожения является сдерживающим фактором развязывания новой мировой войны. Профессор Джорджтаунского университета Э. Луттвак заявляет, например, что «если бы ядерное оружие не было изобретено, если бы все надежды на ядерное разоружение были целиком осуществлены», то это неизбежно уже давно бы привело «к кровопролитной и чрезвычайно разрушительной войне в Европе в результате советской агрессии»². С этой точкой зрения соглашаются и другие представители современной неоконсервативной идеологии США.

Подобные утверждения, отрицающие объективные предпосылки разрядки, не только не согласуются с реальным положением дел, но и являются внутренне противоречивыми. Утрата самообладания внешнеполитической элитой США, если принять этот термин неоконсерваторов, была вызвана объективными причинами: поражением во Вьетнаме, кризисом доверия к политике американского правительства, которые явились следствием произошедших в мире перемен, изменением соотношения сил в пользу социализма. Именно осознание последнего обстоятельства, а также настоятельная необходимость поддерживать в ядерный век мирные отношения между государствами вынудили американское руководство в начале 70-х годов перейти к более трезвой политике.

Что же касается утраты самообладания, то она, скорее, характерна для самих неоконсерваторов и рейгановской администрации, отказывающихся от реалистической оценки современной международной обстановки. Угрожающей и близорукой позицией является надежда на ядерную бомбу как фактор поддержания мира. Это вынуждены признать и некоторые неоконсерваторы. Так, С. М. Липсет считает, что «бомба является опасной для опоры тростинкой и, если существование сдерживания и предотвратит войну, оно не сможет действовать всегда»³.

Столь же необузданна и концептуальная критика разрядки напряженности. По мнению неоконсерваторов, применение этого термина к отношениям между капиталистическими и социалистическими государствами создает неразрешимые противоречия. «Разрядка, — отмечает Мойнихэн, — есть слово, которое мы используем, чтобы определить подход к нациям нам не дружественным, которым мы не можем полностью доверять, имеющим большую военную силу...» Поэтому она противоречит логике и здравому смыслу⁴. Подобного же мнения придерживаются Е. Фридланд, П. Сибури и А. Вилдавски, называющие разрядку «всего лишь новым синонимом холодной войны»⁵.

Однако международная практика свидетельствует против неоконсерваторов. Лучшим доказательством надуманности и ложности представлений о противостоятельности взаимовыгодного сотрудничества капиталистических и социалистических стран является позитивный опыт разрядки, накопленный в 70-е годы. Между СССР и США было заключено и действовало около 60 соглашений в самых различных областях: политике, экономике, науке и технике, культуре.

Видное место в концептуальной критике разрядки занимает идея ее неадекватного понимания в Соединенных Штатах и Советском Союзе. Такая неадекватность, считает профессор истории Гарвардского университета Р. Пайпс, отражает фундаментальную недооценку природы, намерений и

приоритетов Советского Союза, который ставит перед собой «имперские цели и добивается их с помощью интервенционистской тактики»⁶. Непонимание этого, утверждают неоконсерваторы, привело к непоправимым последствиям для США.

Можно согласиться, что действительно существовало и существует неадекватное понимание политики разрядки в СССР и США. Однако причина неадекватности заключается не в целиком вымышленном гегемонизме Советского Союза, а в попытках Соединенных Штатов навязать свои правила игры. Руководители Америки рассматривали разрядку как своеобразный вариант политики «сдерживания коммунизма». Цель их состояла в том, чтобы, используя разрядку, заставить СССР признать раздел мира на сферы влияния и получить гарантии сохранения социального статуса-кво в странах, оказавшихся в сфере влияния США. Вполне естественно, что такие намерения не встретили поддержки у Советского Союза и были с самого начала обречены на провал.

Неоконсерваторы пытаются обосновать ошибочность и вредность для Америки курса разрядки, истолковать эту политику как вопиющее отступление от основных нравственных ценностей, на которых зиждется западная цивилизация. По их мнению, разрядка практически устранила американскую критику советского режима, в частности, за «нарушение» им прав человека, что является «безответственной жертвой американских гуманных принципов и создает трудности для развития подлинного и длительного сотрудничества».

Согласно логике неоконсервативных критиков, разрядка должна основываться на неотъемлемом праве США вмешиваться во внутренние дела социалистических стран. Только при этом условии с ними возможно длительное сотрудничество. Отказ подчиниться диктату Вашингтона с неизбежностью должен повлечь применение силовых методов по отношению к социалистическим государствам. Именно такая политика провозглашается неоконсерваторами «моральной и отвечающей гуманным ценностям цивилизации». Подобный неоконсервативный «гуманизм» является чрезвычайно опасным и аморальным, поскольку он призывает к эскалации напряженности, оправдывает применение силы в международных отношениях и тем самым ставит под угрозу само существование цивилизации.

Согласно теориям идеологов американской буржуазии, разрядка международной напряженности привела к уязвимости США в военной области, к поражениям американской внешней политики, к кризису буржуазной идеологии. Неоконсерваторы много говорят об отставании оборонного потенциала Соединенных Штатов от потенциала Советского Союза. Мойнихэн, Фридлэнд, Подгорец и другие подчеркивают, что военная разрядка не оправдала возлагавшихся на нее надежд, а процесс переговоров по ОСВ был якобы использован советской стороной для обеспечения себе односторонних преимуществ. Редактор неоконсервативного журнала «Комментарии» Н. Подгорец необходимость отказа от процесса контроля над вооружениями обосновывает тем, что Советский Союз является государством, «заинтересованным в свержении существующей международной системы и замены ее новой, в которой будет гегемоном». Поскольку это так, замечает он, «СССР не заинтересован в ограничении своих вооруженных сил, призванных служить экспансионистской стратегии»⁷.

Подобные рассуждения не оригинальны. Они являются подновленной версией давно дискредитировавшего себя мифа о советском экспансионизме и военной угрозе, версией, полностью противоречащей фактам действительности. Советское государство всегда проводило миролюбивую внешнюю политику. Основы ее были разработаны В. И. Лениным. Осуществление такой политики является принципиальной позицией КПСС, от которой она никогда не отступала. Как отмечалось в выступлении Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева по французскому телевидению 2 октября 1985 года Советский Союз «делает и будет делать все для того, чтобы жить в мире с государствами, принадлежащими к другим системам. Больше того, именно такой принцип лежит в основе нашего подхода к решению международных проблем»⁸.

Известно, что СССР неоднократно выдвигал самые радикальные предложения, направленные на ограничение и сокращение вооружений, а США блокировали их принятие. Что касается гонки вооружений и якобы достигнутого здесь Советским Союзом превосходства, то факты свидетельствуют об обратном. К концу 60-х годов СССР достиг примерного паритета с

США в области межконтинентальных ядерных средств, и этот паритет сохраняется. Причем при наличии приблизительного равенства Соединенные Штаты опережают Советский Союз по количеству ядерных боеголовок и по некоторым другим компонентам стратегических вооружений. Это признает и американская печать.

Неоконсерваторы считают, что разрядка повинна в ослаблении международных позиций США. Действительно, в 70-е годы наблюдалось резкое падение влияния американского империализма в различных районах мира. В эти годы усилилось национально-освободительное движение народов Азии и Африки, активизировалась борьба прогрессивных сил в Латинской Америке. Более самостоятельную политику начали проводить и союзники Соединенных Штатов. Естественно, что этим процессам благоприятствовала разрядка. Однако не ее вина в том, что социальный прогресс в мире оказался в коренном противоречии с имперскими интересами США. Истоки поражений американской внешней политики следует искать не в мифических кознях Кремля в развивающихся странах и не в излишней преданности разрядке западноевропейских государств. Эти истоки кроются в самой сущности американского империализма, в его агрессивности и стремлении к мировой гегемонии.

Последнее справедливо и для буржуазной идеологии. Многие неоконсерваторы считают, что кризис ее был вызван недооценкой влияния коммунистической идеологии, усилившегося в период разрядки и охватившего значительную часть западной либеральной интеллигенции так называемым «комплексом вины». По мнению Р. Такера, этот феномен родился во время «великих интеллектуальных поражений конца 60-х годов»⁹. «Комплекс вины», считают неоконсерваторы, — результат не столько ошибок и недостатков Америки, сколько следствие «развращающего» воздействия на сознание интеллигенции марксистских лозунгов и идей. Согласно Мойнихэну, «вина» выступает в качестве политического оружия коммунизма, «эффективно применяемого им внутри США и против США»¹⁰. Однако очевидно, что «комплекс вины» возник не на пустом месте. Он явился следствием поражений агрессивной политики Соединенных Штатов, которая на протяжении многих десятилетий обосновывалась и оправдывалась буржуазными теоретиками. Именно это обстоятельство привело империалистическую идеологию США к глубокому кризису.

Из всего сказанного следует, что неоконсервативная концепция антиразрядки носит реакционный и опасный характер. Она обращена в прошлое, поскольку отрицает возможность мирного сосуществования и сотрудничества государств с различным общественным строем и оправдывает возврат к «холодной войне». «Антиразрядка» не является предметом абстрактных рассуждений группы реакционно мыслящих интеллектуалов. Основные положения этой концепции взяты на вооружение администрацией Р. Рейгана, являющейся, по оценке XXIII съезда Компартии США, наиболее безумной поджигательницей войны, сторонницей самого отвязленного антикоммунизма.

¹ Moynihan D. P. A Dangerous Place.— Boston, Toronto, 1978.— P. 279.

² Commentary.— 1982, August.— P. 21, 28.

³ Horowitz I. L., Lipset S. M. Dialogues on American Politics.— Oxford, 1978.— P. 192.

⁴ Moynihan D. P. Counting Our Blessings.— Boston, Toronto, 1980.— P. 62.

⁵ Friedland E., Seabury P., Wildavsky A. The Great Detente Disaster: Oil and Decline of American Foreign Policy.— New York, 1975.— P. 24.

⁶ Цит. по: Hulet L. S. Decade of Detente: Shifting Definitions and Denouement.— Washington, 1982.— P. 124.

⁷ Commentary.— 1983, July.— P. 29.

⁸ Правда.— 1985, 2 октября.

⁹ Цит. по: World Politics.— 1978, April.— P. 456.

¹⁰ Moynihan D. P. Counting Our Blessings.— P. 101.

Навуковы камунізм

П. П. ДРОНЬ, В. Ф. ШАЛЬКЕВИЧ

ПРОБЛЕМЫ НАУЧНОГО КОММУНИЗМА В ТРУДАХ Ф. ЭНГЕЛЬСА

Ф. Энгельс — один из основоположников научного коммунизма, выдающийся ученый-энциклопедист. Вместе с К. Марксом он создал научное мировоззрение рабочего класса. Взгляды К. Маркса и Ф. Энгельса отличаются органическим единством и их совместная деятельность представляет неразрывное целое. «Нельзя думать об Энгельсе, — писал Поль Лафарг, — не вспоминая в то же время Маркса, и наоборот: жизни их настолько тесно переплелись, что составляли, так сказать, одну единую жизнь. И тем не менее каждый из них представлял собой ярко выраженную особую индивидуальность; они отличались друг от друга не только по внешнему облику, но и по характеру, по темпераменту, по манере мыслить и чувствовать».

С именем К. Маркса связаны прежде всего создание материалистического понимания истории, теория прибавочной стоимости, открытие важнейших законов капиталистического способа производства, разработка диалектики как метода политической экономии. Заслугой Ф. Энгельса является философское обобщение важнейших достижений современного ему естествознания, развитие диалектико-материалистического понимания природы, разработка философских и политэкономических проблем¹. Значительный вклад внес он в создание и развитие теории научного коммунизма как одной из составных частей марксизма. В творческом содружестве с К. Марксом Ф. Энгельс обосновал историческую неизбежность социалистической революции, главную цель которой видел в переходе политической власти в руки рабочего класса, осуществлении диктатуры пролетариата, который будет распоряжаться средствами производства. Ликвидация капиталистических отношений собственности — одна из главных общих закономерностей пролетарской революции. Без ликвидации капиталистической собственности построить социализм принципиально невозможно. Этот вывод доказан как теорией, так и практикой социалистического строительства.

Освобождение трудящихся, которое должны осуществить рабочий класс и его революционная партия с помощью социалистического государства, Энгельс связывал с решением двух последующих основных задач: «Подать сопротивление класса капиталистов и организовать общество по-новому»².

В связи с этим Энгельс сформулировал чрезвычайно важные для теории научного коммунизма положения о судьбах социалистического государства, тенденции его развития. Он нарисовал в общем плане длительный и сложный исторический процесс, в течение которого государство постепенно изживает себя, отмирает. Вместе с тем Ф. Энгельс обосновал необходимость исторически длительного периода существования пролетарского государства, которое является орудием построения социализма и коммунизма. Он высказал актуальную и сегодня мысль об активной, возрастающей роли политической власти в созидании нового общества, в претворении в жизнь социализма и коммунизма. Выдержать классовую борьбу с империализмом, в настоящее время развернувшуюся во всех областях —

политике, экономике, идеологии, культуре, — социалистическое государство может лишь при условии, что оно будет всесторонне укрепляться.

Идеи Энгельса о закономерности генезиса государства, его социально-классовом назначении и исторически преходящем характере сохранили свою истинность до наших дней. Они являются мощным идейным оружием в борьбе против современного оппортунизма и ревизионизма, которые пытаются отрицать историческую неизбежность диктатуры пролетариата, активную роль политической власти в строительстве социалистического общества.

Энгельс дал развернутую характеристику социалистического общества, проанализировал его основные черты, рассмотрел коренные проблемы организации производства, распределения, управления, планирования, развития личности, воспитания, семьи в новом обществе. Он считал, что материально-техническая основа коммунистического общества создается в результате научно-технического прогресса, одним из важнейших элементов которого является эффективное использование всей совокупности наук о природе и обществе, превращение науки в непосредственную производительную силу. Важная черта развития производительных сил коммунистического общества — планомерный, научно-организованный и управляемый характер.

Планомерное социалистическое производство предполагает организацию всей хозяйственной жизни на подлинно научной основе, включая точное прогнозирование как совокупных потребностей, так и ресурсов. «Общество должно будет рассчитать, что можно произвести при помощи находящихся в его распоряжении средств, и сообразно с отношением этой производительной силы к массе потребителей определить, насколько следует повысить или сократить производство, насколько следует допустить или ограничить роскошь»³.

Высокий уровень производства в новом обществе будет сопровождаться установлением справедливых распределительных отношений, ведущих к улучшению условий жизни всех трудящихся, удовлетворению их потребностей. Здесь всем членам общества будут обеспечены «путем общественного производства не только вполне достаточные и с каждым днем улучшающиеся материальные условия существования, но также полное свободное развитие и применение их физических и духовных способностей...»⁴.

Развитие производительных сил приведет к тому, что отпадет необходимость деления общества на классы. Энгельс указал на необходимость коренного изменения организации труда, уничтожения его старого разделения, что проявлялось в противоположности между городом и деревней, умственным и физическим трудом. Он предвидел, что в обществе, овладевшем средствами производства в целях их общественно-планомерного применения, «производительный труд из тяжелого бремени превратится в наслаждение»⁵.

Ликвидация частной собственности, классов и классовых различий, преодоление антагонистического разделения труда, социального неравенства — все это необходимые предпосылки развития нового, всесторонне развитого свободного человека. Труд станет не только обязанностью, но и основной жизненной потребностью каждого члена общества. Высокая производительность труда позволит сокращать необходимое рабочее время. Свободное время будет целиком использоваться для всестороннего гармонического развития личности, что в свою очередь, явится могучим стимулом развития производительных сил. Коммунистическое общество предоставит каждому человеку «возможность развивать во всех направлениях и действительно проявлять все свои способности, как физические, так и духовные...»⁶

Для новой общественной организации труда необходимо подготовить и нового труженика. Труженик нового общества должен быть, по Энгельсу, широко образованным и разносторонне культурно-технически подготовленным, владеть научными основами разнообразной трудовой деятельности, быть практически подготовленным к выполнению совокупности различных операций, к совмещению, чередованию ряда профессий. Этому будет способствовать и система воспитания в социалистическом обществе, соединение обучения и воспитания с трудом.

Важным вкладом Ф. Энгельса в теорию научного коммунизма является разработка им закономерностей развития брака и семьи, проблемы

эмансипации женщины. Анализируя сущность семейно-брачных отношений при социализме, Энгельс указал на изменения, которые, в силу объективных причин, должны произойти в характере семьи, в отношениях между мужчиной и женщиной в новом обществе. Он отмечал, что для освобождения женщины необходимо достижение не только юридического, но и действительного социального равенства. Основой этого освобождения является развитие материального производства, вовлечение в него женщины. «Освобождение женщины станет возможным только тогда, когда она сможет в крупном, общественном масштабе участвовать в производстве, а работа по дому будет занимать ее лишь в незначительной мере»⁷.

К. Маркс и Ф. Энгельс предвидели, что на смену капитализму грядет «организованное для совместной планомерной работы общество, чтобы обеспечить всем членам общества средства к существованию и свободному развитию их способностей, притом во все возрастающей мере»⁸. Вот как рисовал Энгельс целостный облик этого справедливого, гуманного и свободного общества. «Всеобщая ассоциация всех членов общества в целях совместной и планомерной эксплуатации производительных сил; развитие производства в такой степени, чтобы оно удовлетворяло потребности всех; ликвидация такого положения, когда потребности одних людей удовлетворяются за счет других; полное уничтожение классов и противоположностей между ними; всестороннее развитие способностей всех членов общества путем устранения прежнего разделения труда, путем производственного воспитания, смены родов деятельности, участия всех в пользовании благами, которые производятся всеми же, и, наконец, путем слияния города с деревней...»⁹

Сохранит актуальность также идейное наследие Энгельса по проблемам войны и мира. Энгельс, как и Маркс, был решительным противником войн, развязываемых эксплуататорскими классами, выступал страстным борцом за мир и разоружение, за мирное будущее народов. Конечным результатом плодотворных и глубоких теоретических размышлений Энгельса по этим исключительно важным для судеб народов вопросам является опубликованная в 1893 году работа «Может ли Европа разоружиться?» Это была первая в истории человеческой мысли, основанная на диалектико-материалистическом анализе общественного развития пролетарская программа борьбы за мир, за ограничение вооружений, за постепенную ликвидацию постоянных армий. Искоренение войн, утверждение вечного мира на земле Энгельс связывал с социалистическим обществом.

Чрезвычайно актуальное значение имеет борьба Энгельса против буржуазного и мелкобуржуазного влияния в рабочем движении, против оппортунизма и ревизионизма, всех враждебных научному коммунизму течений.

Центральное место в трудах К. Маркса и Ф. Энгельса занимает вопрос о революционной партии рабочего класса, без которой пролетариат не может коренным образом перестроить общество, освободить себя и всех трудящихся. «Для того чтобы пролетариат в решающий момент оказался достаточно сильным и мог победить, необходимо — Маркс и я отстаивали эту позицию с 1847 года, — чтобы он образовал особую партию, отдельную от всех других и противостоящую им, сознающую себя как классовая партия»¹⁰. История классовой борьбы пролетариата на всех континентах подтверждает правильность и актуальность этого положения К. Маркса и Ф. Энгельса.

Ф. Энгельс предвидел, что с утверждением социализма «начнет свое летосчисление новая историческая эпоха, в которой сами люди, а вместе с ними все отрасли их деятельности... сделают такие успехи, что это совершенно затмит все сделанное до сих пор»¹¹. Эта новая историческая эпоха начала свое летосчисление с Великой Октябрьской социалистической революции, которую совершил рабочий класс России в союзе с трудовым крестьянством под руководством Коммунистической партии, созданной великим В. И. Лениным — верным продолжателем дела К. Маркса и Ф. Энгельса, всесторонне развившим марксизм применительно к новым историческим условиям.

За годы социалистического строительства в нашем обществе созданы могучие производительные силы, передовая наука и культура, постоянно растет благосостояние народа. На основе сближения всех классов и социальных слоев, юридического и фактического равенства всех наций и народностей, их братского сотрудничества сложилась новая историческая общность людей — советский народ. Всенародная социалистическая демо-

кратия обеспечивает эффективное участие трудящихся в государственной жизни, сочетание реальных прав и свобод граждан с их обязанностями и ответственностью перед обществом. Все это создает благоприятные возможности для формирования гармонически развитой, общественно активной личности. В порядок дня встает задача всемерного и всестороннего совершенствования социалистического общества, более полного и эффективного использования его возможностей и преимуществ. «Всестороннее совершенствование социализма... — отмечается в новой редакции Программы КПСС, — приведет к дальнейшему расцвету нашей социалистической Отчизны и в конечном итоге — к торжеству коммунизма»¹².

Теоретическое наследие К. Маркса и Ф. Энгельса, развитое и В. И. Лениным, братскими марксистскими партиями в соответствии с новейшими историческими условиями, применяемое с учетом конкретной обстановки той или иной страны, является мощным идейным оружием в борьбе за революционное обновление мира на социалистических началах.

¹ См.: Энгельс-теоретик.— М., 1970.— С. 3—4.

² Маркс К. и Энгельс Ф. Соч.— Т. 36.— С. 9.

³ Там же.— Т. 1.— С. 562.

⁴ Там же.— Т. 20.— С. 294.

⁵ Там же.— С. 305.

⁶ Там же.

⁷ Там же.— Т. 21.— С. 162.

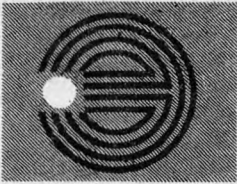
⁸ Там же.— Т. 20.— С. 154.

⁹ Там же.— Т. 4.— С. 336.

¹⁰ Там же.— Т. 37.— С. 275.

¹¹ Там же.— Т. 20.— С. 359.

¹² Программа Коммунистической партии Советского Союза. Новая редакция.— Правда, 1986.—7 марта.

В. Л. КЛЮНЯ

УСИЛЕНИЕ ОБОБЩЕНИЯ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА В УСЛОВИЯХ АПК

В современных условиях изменения в сельскохозяйственном производстве связаны с процессом глубокого и всестороннего его обобщения. Это находит отражение в совершенствовании организационных форм производства: специализации, концентрации, кооперировании, комбинировании. Научно-техническая революция интегрирует сельское хозяйство не только с наукой, но и со всеми сферами народного хозяйства, образующими народнохозяйственный агропромышленный комплекс, что изменяет условия воспроизводства в аграрном секторе, делает его все более общественным, укрепляет связи сфер АПК.

Промышленность из года в год расширяет поставки сельскому хозяйству материально-технических средств. Основные производственные фонды сельского хозяйства страны в 1983 году по сравнению с 1965 годом увеличились более чем в 3 раза. В результате укрепления материально-технической базы сельского хозяйства углубилось разделение труда, усилились связи между различными звеньями экономики на разных структурных уровнях. Только за последние годы возникли такие специализированные отрасли в народном хозяйстве страны, как машиностроение для животноводства и кормопроизводства, сельское строительство, комбикормовая и микробиологическая промышленность, возникли предприятия и организации по промышленной переработке сельскохозяйственного сырья, по снабжению колхозов и совхозов материальными ресурсами, ремонту техники, транспортировке и хранению сельскохозяйственной продукции. В масштабах страны создана единая агрохимическая служба для сельского хозяйства. Это обусловило расширение производственных и экономических связей между сельским хозяйством и другими отраслями народного хозяйства. Так, в настоящее время продукция сельского хозяйства используется более чем в 80 отраслях народного хозяйства. В то же время значительно увеличилось количество отраслей экономики, продукция которых поступает в сельское хозяйство. В 1959 году таких отраслей насчитывалось 28, а в настоящее время — более 90. Сельскохозяйственным предприятиям нашей промышленности поставляется примерно 70 % всего объема производства тракторов, более 29 % грузовых автомобилей, 96 % комбайнов, 80 % минеральных удобрений, почти все производимые химические средства защиты растений¹. В итоге сформировался и развивается народнохозяйственный комплекс.

Развитие производительных сил, углубление процесса специализации и концентрации производства, усложнение производственных связей отраслей агропромышленного комплекса обусловили необходимость улучшения управления сельским хозяйством и связанными с ним отраслями.

В ноябре 1985 года ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли постановление о дальнейшем совершенствовании управления АПК. Чтобы обеспечить планирование, финансирование и управление агропромышленным комплексом как единым целым на всех уровнях, признано необходимым образовать союзно-республиканский Государственный агропромышленный комитет СССР на базе ряда упраздненных министерств и

ведомств. Он становится центральным органом управления АПК страны и наряду с советами министров и агропромышленными комитетами союзных республик несет всю полноту ответственности за производство продовольствия, сельскохозяйственного сырья, их переработку.

Особое значение придается районному звену управления. На уровне административного района сформировано районное агропромышленное объединение (РАПО). В отличие от районных управлений сельского хозяйства РАПО имеют право, в частности, формировать, распределять и расходовать централизованные фонды. Формирование централизованных фондов представляет собой такую систему экономических отношений, которые отражают дальнейшее обобществление производства на селе. Функции этих фондов заключаются в обеспечении совместного хозяйствования, ведущего к формированию единой по своей природе системе отношений воспроизводства на уровне административного района. Поскольку в РАПО входят колхозы, совхозы и другие государственные предприятия и организации, постольку в первую очередь повышается уровень обобществления колхозной собственности. Процесс обобществления выходит за рамки колхозной и открывает дорогу сближению двух форм собственности. Это сближение форм распределения произведенной продукции, форм и методов применения экономических законов социализма.

Процесс повышения уровня обобществления сельскохозяйственного производства охватывает также и личные подсобные хозяйства. Они играют немаловажную роль в продовольственном обеспечении населения, производят более четверти всей продукции сельского хозяйства страны. Учитывая важную роль личных подсобных хозяйств, ЦК КПСС и Совет Министров СССР за последний период дважды (в 1977 и в 1981 годах) принимали постановления, которые направлены на усиление воспроизводственных связей между личными подсобными хозяйствами и общественным хозяйством. Они воздействуют и на характер производства в личных хозяйствах, повышают уровень его обобществления. Речь идет прежде всего о развитии и укреплении договорных отношений между колхозами, совхозами и личными подсобными хозяйствами, своеобразной кооперации и интеграции между ними.

Подъем экономики колхозов и совхозов, индустриализация сельского хозяйства обусловили необходимость межхозяйственного кооперирования и агропромышленного интегрирования. Межхозяйственная кооперация обуславливает усиление обобществления производства прежде всего в пределах самого сельского хозяйства. Это связано с изменением форм организации производства, расширением обмена результатами деятельности между предприятиями и их коллективами, укреплением производственных связей между ними. Это, с одной стороны. С другой же, — как справедливо отмечает В. А. Кулаженко, — «развитие межхозяйственной кооперации в пределах аграрного сектора оказывает воздействие на весь АПК, постепенно поднимает сельское хозяйство до уровня промышленности по степени специализации и концентрации производства, усиливает производственные связи между кооперирующимися предприятиями»².

Большое внимание развитию межхозяйственной кооперации уделяется в стране и в Белорусской ССР. Так, количество межхозяйственных организаций и предприятий выросло с 3,4 тыс. в 1965 году до 9,9 тыс. в 1983 году. Число пайщиков (колхозов, совхозов, других государственных и кооперативных предприятий и организаций) увеличилось за этот период с 47,3 до 163,2 тыс.³ В Белорусской ССР только за последние пять лет (с 1976 по 1983) количество межхозяйственных предприятий и организаций увеличилось более чем в 3 раза (с 15 до 45), а число пайщиков — с 237 до 600⁴.

В условиях научно-технического прогресса процесс кооперирования выходит за рамки аграрного сектора экономики. В результате устанавливается тесная взаимосвязь сельскохозяйственного производства и отраслей, обеспечивающих обслуживание сельского хозяйства, переработку и доведение до потребителя его продукции. Упрочение связей сельского хозяйства со смежными отраслями экономики, слияние сельскохозяйственного и промышленного производства характеризуют собой процесс агропромышленной интеграции. Это связано с рядом объективных взаимообусловленных причин. Во-первых, с тем, что создание крупных специализированных сельскохозяйственных предприятий, рост масштабов производства, увеличение доли товарной продукции в общем ее объеме усиливают потребность

в органическом соединении сельскохозяйственного и промышленного производства. Ибо в противном случае неизбежны большие потери сельскохозяйственной продукции, ухудшение ее качества при доведении до потребителя. Во-вторых, потребность соединения сельского хозяйства с промышленностью обусловлена большими изменениями в смежных с сельским хозяйством сферах АПК. Дело в том, что совершенствование материально-технической базы перерабатывающей промышленности, ритмичность и точность производства на ее предприятиях усиливают потребность в создании агропромышленных формирований. Ибо их образование позволяет улучшить снабжение перерабатывающих предприятий сырьем, повышает эффективность их работы.

В настоящее время аграрно-промышленное кооперирование основывается на развитии производственных связей между аграрным сектором и третьей сферой АПК. В 1983 году в стране насчитывалось 475 производственных агропромышленных, сельскохозяйственных и научно-производственных объединений⁵. Агропромышленное кооперирование получило наибольшее распространение в Молдавии, Закавказье, на юге Российской Федерации и Украине. Для этих регионов характерна специализация на производстве такой продукции, как овощи, виноград, фрукты. В Белорусской ССР агропромышленная интеграция представлена спиртовыми, крахмальными и консервными предприятиями.

Развитие агропромышленной интеграции представляет собой многосторонний и длительный процесс. В современных условиях такая интеграция выступает в двух, наиболее распространенных формах — агропромышленные предприятия и агропромышленные объединения. В первом случае, как показывает опыт, происходит объединение крупного экономически сильного сельскохозяйственного предприятия с перерабатывающим заводом или цехом. Такая форма интеграции представлена колхозами-заводами или совхозами-заводами. При этом, только агропромышленное предприятие в целом обладает правом юридического лица и все его подразделения подчиняются единому органу управления. Вторая форма — агропромышленные объединения. Они представляют собой более сложные организационно-хозяйственные формирования и состоят из нескольких сельскохозяйственных и промышленных предприятий, а в последнее время, и торговых. Предприятия, входящие в такие объединения, сохраняют за собой права юридического лица и хозяйственную самостоятельность. Наряду с этим часть функций централизуется. Развитие этих форм интеграции повышает уровень обобществления сельскохозяйственного производства. Это связано с концентрацией производственных и финансовых ресурсов, совершенствованием управления, улучшением взаимодействия хозяйств.

Агропромышленная интеграция приводит к формированию качественно нового вида труда в сельском хозяйстве, в котором соединяются черты как сельскохозяйственного, так и промышленного труда. С ее развитием изменяется и социально-экономическая природа сельскохозяйственного труда. Он становится все более зрелым, усиливается его непосредственный общественный характер. Преобразование характера сельскохозяйственного труда в условиях агропромышленной интеграции достигается путем совершенствования способа соединения работников с объединенными средствами производства государственной и колхозно-кооперативной собственности. На этой основе усиливается планомерное распределение средств производства и рабочей силы в масштабах всего агропромышленного комплекса, их оптимальное использование независимо от рамок собственности; укрепляются трудовые связи и отношения между работниками промышленных, сельскохозяйственных и других предприятий; возникает коллективная заинтересованность в лучшем использовании общенародных средств производства.

На этапе развитого социализма, с повышением степени обобществления в условиях агропромышленной интеграции, усиливается взаимозависимость в развитии двух секторов экономики. Это выражается в том, что выравниваются материально-технические условия труда в государственных предприятиях и колхозах, происходит унификация форм хозяйствования, сближаются основные результативные показатели функционирования этих двух типов предприятий. Повышение степени обобществления сельскохозяйственного производства и труда и усиление его непосредственно общественного характера проявляется в расширении и углублении взаимосвязей между отраслями аграрно-промышленного комплекса. В предприятиях аграрно-промышленного типа осуществляется непосредственное сочетание аграрно-

го, промышленного и других видов труда посредством производственно-экономического сотрудничества сельского хозяйства с технологически связанными с ним промышленными и другими отраслями материального производства и непроизводственной сферы. Происходит дальнейшее развитие отношений сотрудничества и взаимопомощи производственных коллективов промышленных, сельскохозяйственных предприятий, организаций и учреждений науки, транспорта, торговли, связи и др.

С развитием государственно-колхозных объединений возрастает доля общих средств государства и колхозов, появляются единые источники процесса воспроизводства, финансирования капиталовложений, образования фонда материального поощрения, социально-культурных мероприятий и т. д., что и определяет реализацию совокупного экономического интереса. И далее. Поскольку аграрно-промышленная интеграция обуславливает единый принцип планирования и функционирования хозяйственного механизма межотраслевых связей сельскохозяйственных и промышленных предприятий, сложившихся на основе кооперирования, то это ведет к установлению тесных организационно-экономических отношений и усилению непосредственно общественного характера труда.

Таким образом, совершенствование материальных элементов производства под влиянием научно-технического прогресса в условиях развивающегося народнохозяйственного АПК обуславливает углубление специализации производства, рост его кооперации и концентрации, ведет к появлению более прогрессивных организационных форм сельскохозяйственного производства. На этой основе происходит объединение производственных процессов, слияние их в один обобществленный процесс производства.

В Основных направлениях экономического и социального развития СССР на 1986—1990 годы и на период до 2000 года поставлена задача поднять роль агропромышленных объединений в руководстве хозяйственной деятельностью всех звеньев комплекса, повысить их ответственность за обеспечение населения продовольствием. Ключ к решению этой задачи находится в усилении интеграции в едином агропромышленном комплексе: сельского хозяйства с промышленностью, а сельскохозяйственной науки — с производством.

¹ См.: Место агропромышленного комплекса в экономике страны. // Экономическая газета.— 1982.— № 45.— с. 17.

² Кулаженко В. А. Плановность сельскохозяйственного производства в народнохозяйственном АПК.— Минск, 1983.— С. 31—32.

³ См.: Народное хозяйство СССР в 1983 г.: Стат. ежегодник ЦСУ СССР.— М., 1984.— С. 294.

⁴ См.: Народное хозяйство Белорусской ССР в 1983 г.: Стат. ежегодник ЦСУ БССР.— Минск, 1984.— С. 56.

⁵ Киселев С. Пути обобществления сельскохозяйственного производства. // Политическое самообразование.— 1983.— № 3.— С. 25.

Н. П. ХВЕСЕНЯ

ПРЕИМУЩЕСТВА КРУПНОМАСШТАБНОЙ КООПЕРАЦИИ ТРУДА В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛИЗМА

В практике социалистического хозяйствования сложились три уровня использования преимуществ крупномасштабной кооперации труда: народное хозяйство страны; предприятие (производственное и научно-производственное объединение, комбинат); социалистическая экономическая интеграция.

Народнохозяйственный уровень социалистической кооперации труда является определяющим в формировании всей ее системы. В социалистическом хозяйстве при общественной собственности и подчинении производства интересам и потребностям всего общества экономические процессы развертываются от общих задач к отдельным и единичным. Государство в централизованном порядке с учетом потребностей общества и инициативы на местах распределяет финансовые, материальные и трудовые ресурсы по каждому национальному региону, отрасли, предприятию. «Сочетание инициативы союзных и автономных республик, автономных областей и автономных округов с централизованным управлением в общесоюзном масштабе позволит более рационально использовать ресурсы страны, местные природные и другие особенности»¹, т. е. развивать и регулировать эко-

номические связи между национальными регионами страны с максимальным использованием преимуществ крупномасштабной кооперации труда.

Процессы развития производственно-экономической деятельности осуществляются путем разработки основных направлений развития страны в пятилетних и годовых планах, целевых программах, годовых бюджетах, финансовых планах.

Кооперация на уровне предприятия (ПО, НПО и комбината) представляет собой основное звено ее непосредственного функционирования. Оно является первичной организационной и экономической ячейкой производства, звеном непосредственной реализации каждым членом социалистического общества функций ассоциированного собственника средств производства, вовлечения трудового коллектива в управление социалистическим хозяйством. Как основная хозрасчетная единица предприятия выделяется на самостоятельный финансовый баланс, за ним закрепляются необходимые ресурсы, ему предоставляется статус юридического лица.

Кооперация труда на уровне экономической интеграции социалистических стран обеспечивает использование глобальных элементов ее производительной силы. На этом уровне объединяются для кооперации и совместных действий лишь отдельные, но наиболее важные научно-технические силы и экономические ресурсы. В связи с новым этапом выхода социалистических стран на передовые рубежи науки и техники объединение усилий концентрируется на ключевых направлениях интенсификации производства и ускорения научно-технического прогресса. В Комплексной программе научно-технического прогресса стран—членов СЭВ до 2000 года определены пять приоритетных направлений: электронизация народного хозяйства; комплексная автоматизация; атомная энергетика; новые материалы и технологии их производства и обработки; биотехнология². Этот уровень кооперации обеспечивается через Совет Экономической Взаимопомощи, который координирует важнейшие процессы совместной деятельности четырнадцати стран.

Учитывая место каждого уровня кооперации труда во всей системе, представляется первостепенным раскрытие ее преимуществ на уровне единого народнохозяйственного комплекса страны, который охватывает все звенья общественного производства, распределения и обмена на территории пятнадцати национальных республик. Общей предпосылкой социалистической кооперации труда в нашем государстве является прежде всего обеспечение равных для всех народов условий универсального природопользования.

Каждый национальный регион имеет многое, но не все для успешного развития современного производства. Объединение союзных, автономных республик, национальных округов позволяет обеспечить производство полным комплексом естественных богатств. Белоруссия, например, располагает примерно 1/30 естественных ресурсов, применяемых в производстве. У нас пока не выявлены месторождения металлических руд, благородных и многих редких металлов, имеющих промышленное значение. Эти ресурсы поступают в БССР из других республик. Минскому тракторному заводу имени В. И. Ленина поставляют материалы, детали, узлы более 300 предприятий страны³. Но недра республики богаты калийными и каменными солями, природными строительными материалами, торфом, запасы которых позволяют удовлетворять не только собственные потребности в них, но и обеспечивать ими другие национальные регионы страны. Уникальное месторождение солигорских калийных солей обеспечивает удобрениями восемь республик. БССР играет заметную роль в обеспечении сырьем нефтеперерабатывающих предприятий северо-западных районов страны. По запасам торфа Белоруссия занимает второе место в стране.

На основе совместного труда в Союзе Советских Социалистических республик рождается новая интернациональная производительная сила. Это означает возможность решения таких экономических, технических и научных задач, которые невыполнимы разрозненными действиями или при малых масштабах объединения. И чем крупнее масштабы кооперации труда, тем более сложные и многогранные проблемы поддаются эффективным решениям.

Крупномасштабная кооперация позволяет при решении капиталоемких и сложных задач мобилизовать экономические ресурсы и технические средства, привлечь необходимое количество квалифицированных специалистов.

Создаваемая крупномасштабной кооперацией новая производительная сила позволяет сокращать сроки строительства крупных объектов, быстрее вводить их в строй и получать отдачу от затраченных капиталовложений.

Неоценимое социально-экономическое значение имеет кооперация на базе интернационального единства для развития научно-технического прогресса. Каждая республика может выделить на эти цели ежегодно 5—6 % национального дохода. Объединение выделенных республиками средств позволяет создать в масштабах страны емкие ресурсы для решения самых сложных задач в области науки и техники. Все открытое, разработанное и опробованное в одной республике становится достоянием всех других республик страны. «Как никакая другая страна, — отмечал М. С. Горбачев на совещании в ЦК КПСС по вопросам ускорения научно-технического прогресса, — мы можем мобилизовать имеющиеся огромные резервы, концентрировать средства на генеральных направлениях научно-технического прогресса»⁴.

На базе универсального природопользования и новой производительной силы в Советском Союзе обеспечиваются широкие возможности для повышения производительности труда, которое немислимо без развития научно-технического прогресса.

Одним из важнейших факторов повышения производительности труда является квалификация работников, которая без кооперации труда сегодня вообще не может формироваться. Различные ступени кооперации (на уровне учебного заведения, предприятия, отрасли и народного хозяйства) в обучении и профессиональной подготовке людей обеспечивают различные стороны решения этой проблемы. На общегосударственном уровне обмен результатами исследований проблем обучения и воспитания молодежи, использование передового опыта, теоретической и практической подготовки кадров способствуют взаимному обогащению каждой республики в этой области социального прогресса и, следовательно, повышению производительности труда.

В росте производительности труда велика роль соревнования. Оно неразрывно связано с кооперацией. Эффективность и экономическое значение социалистического соревнования зависят от того, как быстро и в какой степени достижения и опыт передовиков производства находят применение и распространение среди всей массы работающих и используются ими для повышения производительности труда. Соревнование между республиками, городами, предприятиями союзных и автономных республик активизирует творчество трудящихся.

Комплексное использование совокупных природных ресурсов, концентрация финансовых средств, маневрирование материальными, трудовыми резервами, планомерное распределение ученых в крупных научных центрах служат повышению производительности труда и обеспечивают высокие темпы ее роста. А «производительность труда, — писал В. И. Ленин, — это, в последнем счете, самое важное, самое главное для победы нового общественного строя»⁵, для повышения благосостояния народа социалистического общества, социального прогресса.

Используя преимущества крупно-масштабной кооперации труда, наша страна за сравнительно короткое время создала мощный экономический, научно-технический и культурный потенциал. Ныне Советский Союз возглавляет многие направления науки и техники на мировой арене. Из года в год повышается благосостояние народа, создаются условия для всестороннего развития каждого советского гражданина. Могучий оборонный потенциал великой социалистической державы обеспечивает безопасность жизни нынешнего и будущего поколений, сохраняет мир на Земле.

¹ Программа Коммунистической партии Советского Союза. Новая редакция.— Правда, 1986.—7 марта.

² См.: Комплексная программа научно-технического прогресса стран-членов СЭВ до 2000 года. // Правда.— 1985, 19 декабря.

³ См.: Трактор.— 1984, 7 января.

⁴ Горбачев М. С. Коренной вопрос экономической политики партии: Доклад на совещании в ЦК КПСС по вопросам ускорения научно-технического прогресса 11 июня 1985 года.— М., 1985.— С. 9—10.

⁵ Ленин В. И.— Полн. собр. соч.— Т. 39.— С. 21.

К ВОПРОСУ ОБ ОБЩЕСТВЕННОЙ ФОРМЕ ТРУДА

В экономической литературе в последнее время исследованию общественной формы труда уделяется все больше внимания. Это подчеркивает актуальность, назревшую потребность научного решения проблемы, с которой тесно связаны теоретические и практические задачи интенсификации общественного производства, повышения эффективности использования живого труда, выяснения движущих мотивов социалистического производства. Авторы все возрастающего количества статей и монографий, посвященных данному вопросу, справедливо подчеркивают, что без выделения и анализа общественной формы труда нельзя продвинуться вперед в понимании и решении назревших задач. Эта мысль нередко подкрепляется ленинским положением о том, что «определенной политико-экономической категорией является не труд, а лишь общественная форма труда, общественное устройство труда или иначе: отношения между людьми по участию их в общественном труде»¹. Однако, приводя это очень важное указание В. И. Ленина, некоторые наши исследователи не идут дальше — к анализу общественной социализму, специфической для него общественной формы труда.

Объяснить такое затруднение можно, пожалуй, тем, что категории общественного труда при социализме как и любую категорию политической экономии «надо вывести (а не произвольно или механически взять) (не «раскрывая», не «уверяя», а доказывая)..., исходя из простейших, основных»².

Во всякой общественной форме труда можно и нужно видеть прежде всего абстрактные моменты его собственной природы. «Что нас интересует в процессе труда, — писал К. Маркс, — ...так это моменты совершенно общего характера, на которые он распадается и которые присущи ему как процессу труда»³. Одним из таких общих моментов может быть наличие трех стадий в реализации простого процесса труда. Каждая из таких стадий фиксирует особое состояние в естественном бытии труда. Это бытие, как известно, представляет собой органическое единство деятельности сознания, когда человек на основе свойств объектов труда формирует идеальную схему последующего материального процесса, и целесообразной деятельности, в ходе которой поставленная цель реализуется материально-практически, объективируясь в предмете труда, переходя из формы идей в форму деятельности, а из последней — в форму предметности⁴. Три стадии, таким образом, фиксируют идеальное, деятельное и предметное состояние в реализации простого процесса труда.

На этапе перехода труда из деятельной в предметную форму человек — субъект труда «изменяет свою собственную природу» (23, 188) вместе с созданием потребительных стоимостей. Поэтому здесь создается возможность повторения, возобновления и совершенствования процесса труда. Эта возможность осуществляется посредством общественного взаимодействия субъектов труда. Поэтому существование определенной социальной общности является обязательной предпосылкой человеческого труда. В рамках этой общности «люди так или иначе работают друг на друга, их труд получает тем самым общественную форму» (23, 81). Это самое общее, абстрактное определение общественной формы труда. Чтобы охарактеризовать ее более конкретно, необходимо ответить на вопрос, как именно люди работают друг на друга?

Очевидно, что люди могут работать друг на друга, либо совместно участвуя в формировании идеальной схемы будущего производства, либо объединив свои усилия в реализации поставленной цели, либо обмениваясь продуктами своего труда. Кроме того, практически могут существовать различные комбинации этих трех возможностей. В любом случае между индивидами возникают отношения по поводу их участия в общественном труде. На первых этапах развития человеческого общества эти отношения не зависят от общественного разделения труда, так как последнего попросту не существует. Однако в дальнейшем возникновение общественного разделения труда не только становится основным фактором интенсификации подобного рода отношений, но и способствует приданию им иной социальной определенности.

Дело в том, что в системе общественного разделения труда непосредственно «всякий реальный труд есть особый труд, занятие какой-либо особой, отличающейся от других, отраслью труда» (47, 54). Но как всего

лишь звено этой системы он в то же время должен соответствовать по количеству и качеству общественной потребности в нем и значит быть общественным трудом. Возникает, следовательно, проблема способа признания особенного труда в качестве общественного, проблема установления общественной связи между людьми как производителями.

К. Маркс показал, что обособление звеньев единой системы общественного разделения труда, закрепляющееся в отношениях собственности, неизбежно приводит к возникновению такой связи между ними, которая основывается на обмене овеществленным трудом. В этом случае овеществленный труд приобретает форму стоимости и существует как лишенный всяких различий — человеческий труд вообще. Поэтому он «выступает, в сущности, не как труд различных субъектов, а, напротив, различные работающие индивидуумы выступают как простые органы этого труда» (13, 17). Только в форме стоимости труд отдельного лица является всеобщим и потому общественным трудом. Такой «специфический способ, благодаря которому труд, создающий меновую стоимость, стало быть производящий товары, является общественным трудом» (13, 18), К. Маркс назвал абстрактным трудом.

Некоторые экономисты все содержание общественной формы труда сводят к специфически историческому способу общественного признания затрат труда отдельных лиц, утверждая, что «смысл категории общественная форма труда, ее назначение сводится к выражению существования общественного труда как способа включения индивидуального труда в совокупный труд»². Это мотивируется якобы необходимостью представить общественную форму труда как самостоятельное производственное отношение. В действительности же «назначение» общественной формы труда состоит в целостном выражении «социальной определенности труда» (К. Маркс). Ее нельзя сводить к способу общественного признания особенного труда. Этот способ является исходным пунктом, из которого развивается адекватная ему система отношений исторически определенной общественной формы труда.

Как это происходит в действительности, К. Маркс показал на примере развития капиталистического производства. Исторически, писал он, «товарное производство развивается сообразно своим собственным имманентным законам в производство капиталистическое» (23, 601). При этом абстрактный труд как особая форма связи производителей, специфический способ общественного признания особенного труда разлагает общинную собственность, а в последующем и все виды некапиталистической частной собственности. Развиваясь, он приводит к утверждению частнокапиталистической формы собственности. Лишь эта последняя в полной мере соответствует абстрактному труду, так как подчиняет его власти движению всех без исключения продуктов человеческого труда. Теперь уже форму стоимости приобретает труд, овеществленный не только в предметах природы, но и в самой рабочей силе субъекта труда, «а потому его труд принимает форму наемного труда» (23, 181, сноска).

В форме наемного труда естественный процесс опредмечивания (овеществления) труда на деле выступает как процесс отчуждения труда со стороны рабочего или присвоения чужого труда со стороны капитала. К. Маркс особо указывает на это обстоятельство, подчеркивая, что речь идет об отчуждении не только овеществленного труда, т. е. его предметной формы, но и отчуждении целеполагания в труде, т. е. формы идеальной. Отчуждается также деятельная форма труда в виде присвоения капиталом общественных производительных сил труда. Наемный труд, пишет К. Маркс, это «такой живой труд, который и предметные условия своего существования в качестве деятельности, и объективные моменты своего существования в качестве способности к труду производит в виде чуждых сил, противостоящих ему самому, в виде для-себя-сущих, независимых от него стоимостей» (46, ч. II, 452).

Из этого следует, что всякая общественная форма труда выражает наряду с определенным типом социальной связи производителей их отношение к особым функциональным формам собственной производительной деятельности, т. е. социально-экономическую природу непосредственных производителей. Именно это обстоятельство превращает ее в специфически историческую категорию, способную вобрать в себя «все различия между... способами производства» (26, ч. II, 449). Поэтому в полной мере качества общественной формы труда соответствуют такие понятия, как общинный

труд, рабский труд, крепостной труд, наемный труд, действительно свободный коммунистический труд.

Что же касается особых способов общественного признания особенно-го труда, то они могут выражать самый общий сущностный признак исторических общественных форм труда, далеко недостаточный для их полной характеристики. Более того, несмотря на прямое соответствие этих способов вполне определенным историческим формам труда, в неразвитом виде они могут иметь место в самых различных общественно-экономических формациях.

Известно, например, что элементы противоположного абстрактному труду способа общественного признания затрат труда отдельных лиц — непосредственно общественного труда — возникают еще до социализма. Его характерная особенность состоит в том, что здесь «труд отдельного лица с самого начала выступает как общественный труд» (46, ч. I, 116). «С самого начала» означает, что признание особенного труда в качестве общественного осуществляется не после завершения процесса производства, а на этапе формирования идеальной схемы будущего материального процесса. А так как «человек не может передать другому человеку идеальное как таковое, как чистую форму деятельности»⁶, то для этого способа характерно также отсутствие обмена предметных форм труда, роль которого теперь выполняет предварительное и сознательное согласование будущих затрат труда на этапе разработки идеальной схемы всего общественного производства. Непосредственно общественный труд предполагает кроме того максимальное соответствие всего последующего процесса согласованной заранее идеальной форме труда. Без этого он превращается в иллюзорную форму.

Но в полной мере эффективное предварительное согласование идеальных форм труда, и, тем более, обеспечение максимального соответствия содержания функциональных форм невозможно в условиях, когда звенья общественного разделения труда разъединены отношениями собственности. Поэтому целостное развитие элементов непосредственно общественного труда на базе капиталистического производства также невозможно. Их появление не способно изменить господствующую общественную форму труда. Лишь с революционной ликвидацией частной собственности упраздняется «последняя рабская форма, которую принимает человеческая деятельность» (46, ч. II, 264), — наемный труд. В то же время непосредственно общественный труд получает условия для своего развития и для создания такой адекватной себе общественной формы, в рамках которой будет так или иначе ликвидировано любое отчуждение особых состояний труда относительно непосредственных производителей. Свободный от эксплуатации живой труд получит возможность производить все без исключения предметные условия своего существования в качестве деятельности и объективные моменты своего существования — в качестве способности к труду, в виде своих собственных, принадлежащих и непосредственно подвластных ему сил, в виде **для-него-сущих** факторов производства.

Было бы неверным полагать, что эта задача уже полностью решена. Нынешнее положение не исчерпывает всего пути, по которому должен пройти непосредственно общественный труд для того, чтобы превратиться в целостную систему, подчинившую себе все общественное бытие труда. На современном уровне развития социалистического производства он является еще не вполне зрелой формой общественной связи. Сохраняются условия для существования противоположной ему формы — абстрактно-общественного труда⁷. Поэтому в целом социалистическая общественная форма труда представляет собой проявление противоречивого единства двух способов общественного признания особенного труда. Одни и те же затраты труда признаются обществом двояко — как в форме непосредственно общественного труда, так и труда абстрактно-общественного. В этом заключается основа двойственности общественной формы труда при социализме. Непосредственно общественный труд выступает главной определяющей стороной, гарантом планомерного использования стоимостных отношений. Но все конкретное многообразие явлений экономической жизни нельзя считать проявлением только этой стороны. Такая двойственность вполне закономерна и является важнейшей особенностью общественной формы труда на этапе перехода от капитализма к коммунизму.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 7. — С. 45.

² Там же. — Т. 29. — С. 86.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — 2-е изд. — Т. 47. — С. 55. Последующие ссылки

на это издание даются в тексте, в скобках. Первая цифра обозначает том, вторая (после запятой) страницу.

⁴ См.: Товмоян С. С. *Философские проблемы труда и техники.*— М., 1980.— С. 20, 21.

⁵ Колесникова С. С. *Политэкономические аспекты качественного и количественного подходов в анализе общественной формы труда // Соотношение качественного и количественного подходов в политической экономии социализма.*— М., 1980.— С. 31.

⁶ *Философская энциклопедия.*— М., 1962.— Т. 2.— С. 226.

⁷ Здесь понятие «абстрактно-общественный труд» используется в том смысле, который ему придается в работе Янченко С. Е. «Налог с оборота. Теоретический очерк». (Минск, 1983. С. 64—68).

В. В. БЕСМАН

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЭФФЕКТИВНОСТЬ ОБЩЕСТВЕННОГО ВОСПРОИЗВОДСТВА

Эффективность общественного воспроизводства следует рассматривать не только как общеэкономическое понятие. Его конкретно-историческая специфика связана с определением социально-экономической эффективности общественного воспроизводства как категории политической экономии. К сожалению, очень многие определения, встречающиеся в литературе, недостаточно глубоко раскрывают содержание эффективности экономических систем в плоскости предмета политической экономии.

Так, формулировки некоторых авторов (А. С. Толкачев, Т. С. Хачатуров) весьма широки и применимы для определения не только эффективности, но и многих других экономических явлений. Например: «...эффективность общественного производства является экономической категорией, отражающей процессы развития производительных сил в единстве с производственными отношениями»¹. Другие верно, но далеко не полно выражают сущность эффективности, охватывая лишь некоторые ее аспекты. Группа ученых (В. К. Полторыгин, П. Я. Октябрьский и др.) отождествляет категорию эффективности с понятием эффективности. К примеру, В. Полторыгин «качественную характеристику эффективности как важнейшей категории политической экономии социализма» видит в том, что «...экономическая категория «эффективность производства» отражает прежде всего результативность использования оуществленного в средствах производства труда и производственной силы живого труда»². Иногда под содержанием экономической категории социально-экономической эффективности понимают ее критерий. Между тем раскрыть критерий какого-либо процесса или явления можно лишь тогда, когда определено его содержание, а для политико-экономических категорий — когда они четко фиксируют определенные производственные отношения. Вот почему следует признать наиболее удачными попытки выразить категорию социально-экономической эффективности через отражение производственных отношений, осуществленные В. А. Медведевым, Г. М. Сорокиным, В. Баграсовым, А. И. Ноткиным и др. Но в то же время формулировки и этих авторов, в силу их абстрактности, с одинаковым успехом могут быть использованы и как определения содержания других экономических категорий.

Социально-экономическая эффективность общественного воспроизводства как политико-экономическая категория выражает те стороны реально существующих производственных отношений, которые определяют степень фактической реализации интересов собственника средств производства. Категория социально-экономической эффективности общественного воспроизводства объединяет в себе социальную и экономическую эффективность.

Социальная эффективность как категория политической экономии выражает отношения по поводу результатов производства, а экономическая — по поводу его условий. Иначе говоря, социальная эффективность характеризует результативность воспроизводства способа производства в целом, реализацию его социальных целей, а экономическая эффективность отражает процессы непосредственного производства. Для правильного понимания эффективности общественного производства необходимо выделять две ее стороны, но в то же время, нельзя их обособлять. Экономическая эффективность при социализме не существует вне социальной и наоборот.

Полное и всестороннее изучение эффективности общественного воспроизводства как категории политической экономии социализма невозможно без определения ее критерия. Критерий эффективности системы есть сред-

ство сравнительной оценки различных возможных вариантов (альтернатив) ее функционирования и выбора наилучшего. Критерий социально-экономической эффективности общественного воспроизводства — фундаментальное понятие системы оптимального функционирования экономики. Он вытекает из содержания экономической категории социально-экономической эффективности воспроизводства. Критерий придает конкретную определенность социально-экономической эффективности, устанавливает принцип ее количественной оценки. Необходимо отметить, что такое определение критерия предполагает действительную трактовку его сущности и назначения. Во-первых, критерий обозначает нормативное значение какого-либо признака, определенные качественные или количественные требования к этому признаку, в соответствии с которыми производится оценка, определение или классификация. Во-вторых, критерий обозначает непосредственно сам признак, а не какое-нибудь его значение. Важно иметь в виду, что абсолютного, данного на все времена, критерия эффективности экономической системы не существует. Он изменяется в зависимости от способа производства.

Каждый из аспектов социально-экономической эффективности — экономический и социальный — имеет свой критерий. Так, критерием экономической эффективности служит уровень общественной производительности труда, а критерием социальной эффективности — мера, степень реализации основного отношения социализма.

Поскольку всякая экономическая деятельность при социализме имеет единую конечную цель — всемерное повышение благосостояния народа, то это обуславливает и существование единого критерия социально-экономической эффективности общественного воспроизводства, который совпадает с критерием социального аспекта эффективности. То обстоятельство, что на различных уровнях существуют свои интересы и свои цели, не исключает необходимости оценивать эффективность их деятельности с народнохозяйственной точки зрения. Существование единого обобщающего критерия не отрицает возможности исследования функционирования экономической системы при помощи частных критериев эффективности, отражающих определенные ее стороны. Но все частные критерии должны сводиться к общему.

Часто содержание критерия отождествляется с понятием обобщающего показателя эффективности общественного воспроизводства. Но это разные понятия. Критерий представляет собой меру качественного определения данного явления или процесса, принципиальный признак измерения эффективности. Показатель — количественная конкретизация этой меры, измеритель для определения степени эффективности. Конечным итогом решения вопроса разработки обобщающего показателя, окончательным пределом его уточнения является критерий эффективности общественного воспроизводства.

Вопрос о показателях является очень важным в изучении теории эффективности. Эффективность общественного воспроизводства — категория исключительно сложная и многогранная и не может быть измерена каким-либо одним частным показателем, тем более, что на каждом иерархическом уровне имеются свои показатели: для народного хозяйства в целом, для отраслей, для предприятий и объединений.

Эффект общественного воспроизводства — это следствие действия различных факторов: рабочей силы, орудий и предметов труда. В связи с этим для каждого уровня важными показателями являются: производительность труда, фондоотдача, материалоемкость. Но, в данном случае, это частные показатели, и они не дают полного представления об эффективности общественного воспроизводства в целом.

Отсюда возникает необходимость разработки и использования интегрального показателя эффективности, учитывающего влияние всех основных факторов и основывающегося на соизмерении эффекта и затрат (ресурсов).

¹ Толкачев А. С. Теоретические аспекты проблемы эффективности общественного производства. // Проблемы теории и анализа эффективности общественного производства. — М., 1972. — С. 16.

² Полторыгин В. К. Экономические методы расчета эффективности производства. — М., 1968. — С. 4.

А. Е. ВАШКЕВИЧ

СООТНОШЕНИЕ КОНСТИТУЦИИ РСФСР 1918 ГОДА И ПЕРВЫХ КОНСТИТУЦИЙ СОВЕТСКИХ РЕСПУБЛИК (сравнительно-правовой анализ)

Конституция РСФСР 1918 года как Основной Закон первого в мире социалистического государства оказала большое влияние на создание конституций других советских республик. Это предопределялось единством коренных политических и социально-экономических задач, которые приходилось решать, сходством условий, в которых возникли и развивались все республики, тем, что в подготовке Конституции Советской России принимал непосредственное участие В. И. Ленин.

В литературе получил широкое распространение тезис о роли Конституции РСФСР как образца для основных законов других социалистических государств, образовавшихся в 1918—1921 годах¹. Однако, на наш взгляд, этот тезис до настоящего времени раскрыт не полностью. Между тем вопрос о соотношении Конституции РСФСР 1918 года и первых основных законов советских республик заслуживает более подробного рассмотрения. Еще в 20-е годы отдельными учеными и практическими работниками допускалась недооценка творческого характера, своеобразия республиканских конституций². Имеются неточные утверждения и в современной научной литературе. Так, Е. А. Скрипилев и К. Г. Федоров пишут: «В Конституции Социалистической Советской Республики Латвии говорилось: «ССР Латвия принимает без изменений Основной Закон РСФСР»³. В действительности же ст. 2 Конституции Латвии гласила: «Социалистическая Советская Республика Латвии принимает без изменений основные положения Конституции Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (Конституция РСФСР, ст. 9—23). Изменить основы Конституции ССР Латвии может только съезд Советов Латвии»⁴. К подобным неточностям внимательны буржуазные советологи, пытающиеся представить конституционное строительство советских республик как процесс некритического заимствования, механического копирования норм законодательства РСФСР.

Первые конституции советских республик можно подразделить на две группы: а) принятые в 1919 году—Латвии, Белоруссии и Украины, для которых характерен небольшой объем (соответственно 31, 32, 35 статей), сжатые сроки создания, краткая, неполная регламентация вопроса о государственном механизме, избирательной системе; б) принятые в 1921—1922 годах—конституции закавказских республик, которые отличались большим объемом, расширением сферы конституционного регулирования (вопросы внешней политики, организация суда и др.), подробной регламентацией деятельности органов государственной власти и управления, учетом законодательства братских республик.

Все конституции закрепляли власть трудящихся, диктатуру пролетариата, союз рабочего класса и крестьянства, полновластие Советов. Так, в статье 1 Конституции УССР говорилось: «Украинская Социалистическая Советская Республика есть организация диктатуры трудящихся и эксплуатируемых масс пролетариата и беднейшего крестьянства над их вековыми угнетателями—капиталистами и помещиками». В ст. 2 формулировалась задача диктатуры пролетариата: «...осуществление перехода от буржуазного строя к социализму...».

Конституции закрепляли экономический строй государства, причем в зависимости от времени принятия того или иного основного закона изменялся и характер конституционного регулирования. Если в Конституции РСФСР провозглашалась национализация земли, лесов, недр и вод, введение рабочего контроля, подтверждалась национализация банков (ст. 3), то в украинской Конституции говорилось об отмене частной собственности «и на все другие средства производства» (п. «а» ст. 3). В этой формулировке нашла отражение политика военного коммунизма⁵. В Конституции АзССР вообще отсутствовали статьи, регулировавшие экономические отношения, поскольку она создавалась в начале 1921 года, в момент перехода от одной экономической политики к другой. В основных законах Грузии и Армении заметно влияние нэпа. Так, ст. 3 грузинской Конституции закрепляла отмену частной собственности лишь на крупные предприятия и средства производства. В ст. 15 предусматривалось «развитие на твердых основаниях законов товарного обращения путем насаждения кредитных учреждений, бирж, торговых товариществ, обществ для экспорта и импорта, кооперативных объединений разных видов, прилива иностранного капитала в различные области хозяйства».

В определении правового статуса граждан была достигнута высокая степень единства конституционного законодательства братских республик. Во всех конституциях советских республик закреплены принципы советской демократии, впервые зафиксированные в первых декретах советского государства и в Основном Законе РСФСР: классовость, широта и гарантированность демократических прав и свобод, сочетание прав граждан с их обязанностями, интернационализм. Имелись и некоторые различия. Например, если конституции Белоруссии и Азербайджана полностью воспроизвели ст. 13 Конституции РСФСР о свободе совести, то ст. 23 Основного Закона УССР гласила: «...ввиду обеспечения за трудящимися действительной свободы совести, а также пресечения возможности использовать религию и церковь в интересах сохранения классового строя, церковь отделяется от государства, и за всеми гражданами признается право пропаганды религиозных учений, не преследующих никаких социальных и политических целей, а также антирелигиозных учений, по духу своему не противоречащих коммунистическому мировоззрению». В пункте «а» ст. 6 армянской Конституции говорилось: «Церковь отделяется от государства, превращаясь в частную общину верующих, и школа — от церкви. Всем гражданам предоставляется право свободно вести религиозную и антирелигиозную пропаганду. Школа становится органом социалистического воспитания, осуществляя производственный труд как средство обучения». Ст. 9 Конституции Советской Грузии провозглашала: «...церковь отделяется от государства, школа — от церкви, однако свобода религиозной и антирелигиозной пропаганды признается за всеми гражданами при условии отрешения этой пропаганды от политических и социальных задач».

По Конституции РСФСР 1918 года к высшим органам государственной власти и управления относились Всероссийский съезд Советов, Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет и его Президиум, Совет Народных Комиссаров, народные комиссариаты. Система высших органов государственной власти и управления других советских республик в основном сходна с системой, установленной основным Законом Советской России. Однако в республиканских конституциях имелись и отличия. Республиканские съезды Советов созывались по нормам, отличным от устанавливавшихся ст. 25 Конституции РСФСР. Так, согласно ст. 13 Конституции Армении, съезд Советов составляли делегаты, избранные уездными съездами Советов, по норме: 1 представитель от 5 тысяч жителей, однако количественный состав съезда не мог превышать 300 человек. Всегрузинский съезд Советов состоял из представителей уездных съездов Советов, городских и промышленно-поселковых Советов и съездов автономных республик и областей, из расчета: от сельского населения уездных и областных съездов 1 депутат на 10 тыс. жителей, от Советов городов и промышленных поселков — 1 депутат на 2 тыс. избирателей (ст. 18). Съезд Советов в Азербайджане состоял из представителей всех городских Советов (из расчета: 1 депутат на 1 тыс. избирателей) и из представителей всех уездных съездов Советов (из расчета: 1 депутат на 5 тыс. жителей (ст. 16)). В первоначальном тексте конституций Белоруссии и Украины такие нормы вообще не предусматривались.

Если в Конституции РСФСР ВЦИК рассматривался как постоянно дей-

ствующий орган, то некоторые республиканские конституции устанавливали сессионный порядок его работы, причем по-разному определяли периодичность созыва сессий. Различен состав центральных исполнительных комитетов по численности. Лишь Основной Закон АзССР закрепил институт кандидатов в члены ЦИК (ст. 19). По ст. 6 Конституции Латвии на пленарные заседания ЦИК приглашались в качестве полноправных членов председатель либо его заместитель от каждого уездного исполкома. В Конституции Советской России Президиум ВЦИК упоминается лишь в одной статье (45), не определен его правовой статус. В конституциях же закавказских республик имеются целые главы, закрепляющие его компетенцию.

Белорусская Конституция не предусматривала создание СНК. ЦИК образовывал Малый и Большой Президиумы, причем Малый являлся единым для Большого Президиума и ЦИК Белоруссии и по правовому статусу соответствовал Президиуму ВЦИК (в некоторых документах Малый Президиум называли Президиум ЦИК)⁶. Большому Президиуму принадлежало «общее управление делами ССРБ». Он издавал декреты, распоряжения, инструкции и принимал «все меры, необходимые для правильного и быстрого течения государственной жизни» (ст. 29—30), т. е. выполнял функции правительства. Именно поэтому при обсуждении Центральным Бюро Компартии Белоруссии в декабре 1920 года проекта дополнений к конституции в отношении правительства стоял вопрос не о его создании, а лишь о переименовании⁷. Следует подчеркнуть, что в литературе ошибочно относят к актам, принятым II Всебелорусским Съездом Советов, Положение о Президиуме ЦИК Советов Белоруссии, Положение о Совете Народных Комиссаров ССРБ, Положение о членах ЦИК ССРБ и «О связи членов ЦИК и СНК с местами». В действительности же указанные акты были утверждены второй сессией ЦИК ССРБ 11 созыва, а последний из них — на первой сессии⁸.

В Конституции Латвии также не употреблялся термин «СНК», а Советское Правительство Латвии являлось одновременно и Президиумом ЦИК (ст. 9). Важной особенностью Конституции УССР было положение ст. 16 о том, что СНК вправе разрешать собственной властью те или иные вопросы лишь по общему или специальному полномочию Всеукраинского ЦИКа. В противном случае решения СНК должны были представляться на его утверждение. Интересно, что данное положение было воспринято Конституцией СССР 1924 года (ст. 38).

Разным было количество наркоматов в республиках. Имелись некоторые различия в системе местных органов власти. Например, в Конституции Латвии не были предусмотрены такие органы, как уездные и волостные съезды Советов, не создавались и городские Советы. Не было упоминания о местных органах власти в белорусской конституции. Лишь основной закон Азербайджана регулировал правовое положение исполнительных комитетов (ст. 61—76).

В Конституции РСФСР не было упоминания о судебных органах. Лишь основные законы Армении и Грузии регулировали вопросы правосудия. Так, согласно Конституции Грузии, народный суд действовал на территории уездного или городского района в составе одного постоянного судьи и двух или шести очередных заседателей. Для рассмотрения частных и кассационных жалоб на приговоры, решения и действия народных судов и контроля за ними учреждался республиканский совет народных судей. При решении дел суд применял декреты, действовавшие на территории ССРГ, а в случае неполноты или отсутствия таковых руководствовался «общим духом советского законодательства и интересами пролетарской революции, а также тем, что диктуется ему совестью независимого судьи» (ст. 96—101).

Нормы конституций советских республик, регулировавшие вопросы избирательного права, были сходны с аналогичными нормами Основного Закона РСФСР. В них закреплялся принцип всеобщности избирательного права для трудящихся, отсутствие каких бы то ни было цензов и ограничений, кроме возрастного. Специально оговаривалось, что равным правом избирать и быть избранным пользуются граждане обою пола независимо от вероисповедания, национальности, оседлости и т. п. (ст. 64 Конституции РСФСР, ст. 70 Конституции ССРА, ст. 15 Конституции ССРБ, ст. 119 Конституции ССРГ, ст. 79 Конституции АзССР, ст. 20 Конституции УССР). В отличие от других конституций в основном законе Латвии устанавливались одинаковые нормы представительства для рабочих и крестьян

на выборах в Советы. Выборы депутатов уездных Советов и делегатов на съезд Советов были не многостепенными, а прямыми. Только Конституция Армении закрепляла основания отзыва депутатов. Делегаты Советов и съездов Советов, а также члены исполкомов были обязаны посещать собрания и участвовать в заседаниях, работать в комиссиях и секциях, выполнять поручения и решения соответствующих собраний и президиумов, периодически отчитываться о своей деятельности и деятельности того органа, членами которого они являлись. В случае невыполнения этих обязанностей они лишались своих полномочий (ст. 67—69).

РСФСР была создана как федеративная республика. Некоторые советские республики являлись унитарными и не предусматривали в своем составе каких-либо автономных единиц (Армения, Азербайджан, Белоруссия, Латвия, Украина). Своеобразную форму федерации представляла ССР Грузия, в состав которой кроме автономной ССР Аджарии и автономной области Южной Осетии на основе особого союзного договора входила ССР Абхазия (ст. 1 Конституции ССРГ, примечание). Имелись различия и в административно-территориальном устройстве советских республик (например, в Грузии существовала такая административно-территориальная единица, как теми, входившая в состав уезда).

Таким образом, было бы неверным представлять процесс создания республиканских конституций как механическое копирование норм конституционного законодательства РСФСР, что пытаются сделать буржуазные советологи. Основные законы советских республик имеют ряд особенностей, которые вызваны своеобразием политического и экономического развития, одновременностью принятия, влиянием международной обстановки, поиском законодателем наиболее адекватной формы выражения правовой нормы. Создание в советских суверенных республиках конституционного законодательства способствовало подготовке условий к объединению социалистических государств в единое союзное государство — СССР, причем некоторые нормы республиканских конституций были восприняты Конституцией СССР 1924 года.

¹ См., напр., Труды научной сессии, посвященной 40-летию Конституции РСФСР 1918 г. 5—7 июля 1958 г.— М., 1959.— С. 17—18, 40—41; Чистяков О. И. Конституция РСФСР 1918 года.— М., 1984.— С. 187.

² См.: Дурденевский В. Н. Конституционное строительство ССР Белоруссии // Советское право.— 1924.— № 1.— С. 101.

³ Скрипилев Е. А., Федоров К. Г. Использование законодательного опыта РСФСР братскими республиками в первое пятилетие Советской власти. // Проблемы государства и права на современном этапе.— М., 1973.— Вып. 6.— С. 79.

⁴ Здесь и далее ссылки на статьи конституций советских республик (кроме РСФСР) даются по изданию: Съезды Советов Советских Социалистических республик: Сборник документов 1917—1922 гг.— М., 1960.— Том 2. Ссылки на Конституцию РСФСР даются по книге: Чистяков О. И. Конституция РСФСР 1918 г.— М., 1984.— С. 190—204.

⁵ См.: Кукушкин Ю. С., Чистяков О. И. Очерк истории Советской Конституции.— М., 1980.— С. 55.

⁶ ЦГАОР БССР.— Ф. 681, оп. 1, д. 63, л. 72.

⁷ Там же.— Ф. 6, оп. 1, д. 4, л. 6.

⁸ См.: Гуткоўскі М. Афіцыйныя крыніцы заканадаўства БССР. // Савецкае будаўніцтва.— 1927.— № 11—12.— С. 131.

А. В. ЛАПИН

АНАЛИЗ ИСХОДНОЙ ИНФОРМАЦИИ О КВАРТИРНОЙ КРАЖЕ С ЦЕЛЬЮ ОРГАНИЗАЦИИ РОЗЫСКА ПРЕСТУПНИКА

Важнейшей задачей начального этапа расследования квартирной кражи является сбор всевозможной информации о преступнике. Чаще всего данное преступление совершается в условиях неочевидности, что приводит к образованию лишь материально-фиксированных следов-отражений тех или иных особенностей взаимодействующих объектов. В совокупности эти следы свидетельствуют о многообразных свойствах и качествах личности преступника: социально-психологических, физических, специальности и преступном опыте, половозрастных особенностях, отношении к потерпевшему и т. д. При совершении квартирной кражи группой лиц последняя выступает и изучается как единый субъект деятельности.

К следам, характеризующим субъект преступления, относятся следы рук, ног, биологического происхождения и т. д. Об особенностях личности преступника можно судить и по оставленным им орудиям преступления.

Однако информация о преступнике не ограничивается только оставленными им следами. В соответствии со своими свойствами и навыками он выбирает способ совершения кражи, использует или подготавливает условия, избирает время и место совершения преступления. Все это влияет на механизм следообразования, а обобщение подобного рода фактов по большой группе однотипных преступлений может быть использовано и для установления свойств личности, а затем — и для обнаружения преступника¹.

Исходная информация о личности преступника может быть извлечена из познания: механизма совершения квартирной кражи; способа ее совершения; конкретной обстановки совершения кражи; особенностей личности потерпевшего и предмета преступного посягательства.

Под механизмом совершения преступления следует понимать динамическую систему, определяемую воздействием преступника на правоохраняемый объект, а также последовательно развивающийся во времени процесс, вызывающий определенные изменения в обстановке, сложившейся до совершения преступления, от его начала до наступления последствий. Механизм преступления показывает, как функционировала система «ситуация — личность», оставляющая различные следы, и связывает воедино все стадии преступной деятельности субъекта.

Наряду с механизмом надо различать способ совершения преступления. Познание способа совершения квартирной кражи происходит через изучение механизма преступления путем выдвижения версий о соответствии механизма совершения квартирной кражи замыслам преступника. Способ совершения кражи как совокупность избранных им действий наиболее ярко характеризует преступника, так как выбор способа совершения преступления, как и само преступление в целом, является результатом взаимодействия субъективных качеств индивида и определенной объективной обстановки². Способ совершения преступления характеризует преступные действия качественно, в нем отражаются определенные свойства личности преступника, формы вины, мотив и цель преступления, он детерминирован объективными и субъективными факторами³. Анализ способа совершения квартирной кражи способствует своевременному решению вопросов, связанных с установлением особенностей личности преступника, с характером его действий при совершении кражи, определением времени пребывания преступника на месте происшествия. При этом отмечается закономерность связи между способом совершения преступления и следами применения этого способа. К примеру, по следам применения орудий взлома, отмычек можно сделать вывод об умении обращаться с ними. Такая информация помогает выдвинуть необходимые следственные версии, определить пути и методы розыска скрывшегося преступника и изобличающих его доказательства.

Определенная информация о личности преступника заключена в обстановке совершения преступления. Понятие обстановки совершения преступления шире понятия обстановки места происшествия⁴ и представляет собой конкретное положение, сложившееся на определенной территории; выраженное определенной совокупностью объектов с их временными и пространственными связями, определенными качествами и признаками, а также рядом других обстоятельств. Существуют тесная связь и взаимное влияние между обстановкой совершения преступления, способом его совершения и механизмом преступления. Анализ обстановки совершения преступления позволяет учесть ее влияние на поведение преступника, что наряду со способом и механизмом квартирной кражи позволяет наметить наиболее эффективные меры по розыску и задержанию преступника.

Сведения о личности потерпевшего при квартирной краже не имеют такого значения как при посягательствах на жизнь и здоровье граждан, однако информация о личности потерпевшего и предмете преступного посягательства помогает полнее охарактеризовать личность преступника, мотивы совершения преступления, точнее очерчивать круг лиц, среди которых следует искать преступника⁵. При квартирных кражах свойства личности потерпевшего в какой-то мере влияют на своеобразие нанесенного ему ущерба, выбора определенного способа совершения преступления. Информацию о преступнике, иногда очень ценную, несут в себе данные о

предмете преступного посягательства, местах и способах хранения ценностей. Если преступник знал о наличии ценностей и местах, особенностях их хранения—необходимо прежде всего проверить версию о преступнике из знакомых, друзей, родственников потерпевшего.

Объем информации о личности преступника пополняется на протяжении всего расследования, но выявление исходной, максимально возможной информации и ее анализ позволяют уже в самом начале расследования начать целенаправленный розыск преступника.

¹ См.: Ведерников Н. Т. Изучение личности преступника и развитие криминалистики // Актуальные направления развития криминалистической методик и тактики расследования.— М., 1978.— С. 34.

² См.: Куранова Э. Д. Об основных положениях методики расследования отдельных видов преступлений // Вопросы криминалистики.— М., 1962.— Вып. 6—7.— С. 165.

³ См.: Зуйков Г. Г. Криминалистическое учение о способе совершения преступления // Соц. законность.— 1971.— № 11.— С. 16—17.

⁴ См.: Белкин Р. С. Собрание, исследование и проверка доказательств.— М., 1966.— С. 139—140.

⁵ См.: Васильев А. Н., Яблоков Н. П. Предмет, система и теоретические основы криминалистики.— М., 1984.— С. 129—130.

В. М. СИКОРСКИЙ

ПОПЫТКА КОДИФИКАЦИИ МЕСТНОГО ПРАВА БЕЛОРУССИИ И ЛИТВЫ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

В конце XVIII века произошло воссоединение Белоруссии с Россией, что способствовало экономическому и социальному развитию края. Анализируя новые явления в развитии экономики и общественно-политических институтов, местные прогрессивные правоведы пришли к выводу, что необходимо провести кодификационные работы и отменить устаревшие правовые нормы с тем, чтобы «обеспечить дальнейшее законодательное движение»¹.

Предложения прогрессивных юристов были вызваны тем, что в западных губерниях Российской империи вплоть до 1840 года продолжали действовать многочисленные, изданные на разных языках нормативные акты, подчас имеющие дублирующие и взаимоисключающие нормы. Объяснялось это тем, что царское правительство в белорусских, литовских и частично украинских губерниях сохранило действие законодательства Великого княжества Литовского, которое в Речи Посполитой не было систематизировано. В именном императорском указе, данном чиновникам, управляющим западными губерниями, было сказано: «Суд и расправа внутренних тех провинций в личных делах имеют производиться по их законам и обыкновениям и их языком, во всех тех случаях, кои не затрагиваются до власти нашей»². Указ от 11 сентября 1797 года также подтвердил, что все судопроизводство в Минской, Волынской и Подольской губерниях должно вестись «на самых правилах, коими... суды по прежним их правам и привилегиям, в Статуте и конституциях изображенным, прежде руководствовались»³.

Однако административное устройство в белорусских губерниях и большинстве судов были организованы по российскому образцу. На Белоруссию распространялась общероссийская налоговая система и многие нормы уголовного законодательства.

Учитывая многочисленность правовых источников, царское правительство уже в начале XIX века пыталось упорядочить законодательство. С 1804 года была начата работа по составлению свода законов, действовавших на территории Белоруссии и Литвы. Комиссия по составлению свода столкнулась с проблемой розыска основных источников права Великого княжества Литовского. Второй причиной, затруднявшей работу комиссии, являлось отсутствие специалистов, имевших глубокие познания в местном законодательстве. Третье препятствие заключалось в безразличном отношении к кодификации местных органов управления, юстиции и прокуратуры, вершивших повсеместно произвол и беззаконие.

Несмотря на требования царского правительства ускорить кодификацию законодательства Белоруссии, Литвы и Украины, комиссия к 1811 го-

ду сумела разыскать лишь несколько экземпляров опубликованного на польском языке Статута Великого княжества Литовского, перевести его на русский язык и опубликовать оба текста. Анализируя работу комиссии, И. Н. Данилович писал, что издание предназначалось «для удобства русских сенаторов, которым приходилось в С.-Петербурге разрешать польско-литовские процессы»⁴.

Вся дальнейшая деятельность комиссии свелась к разработке планов и общетеоретических вопросов по подготовке проекта свода законов, а практическая работа возлагалась на работников суда и прокуратуры. Главнo-управляющий комиссией князь В. П. Лопухин предписывал военным губернаторам, управляющим западными губерниями, «учредить особые комитеты из сведущих, опытных людей для составления сводов существующих частных законов губерний, особыми правами пользующихся». Объяснял он это тем, что «комиссия не имеет совершенно полных собраний столь разных в оных губерниях действующих местных законов... Одновременно он требовал, чтобы «своды сии принципиальных особенных законов... гораздо удобнее составлены были в том же порядке и по тому же положению, как своды общих законов Российской империи»⁵.

Вскоре комиссия выслала комитетам утвержденный план для составления систематизированного свода законов. В состав комитетов были включены чиновники суда и прокуратуры, которым предписывалось «в свободное время от своих занятий по должностям... заниматься составлением свода законов»⁶. Не имея ни нормативных материалов, ни опыта кодификационных работ, комитеты по сути дела бездействовали. Чиновники, возглавившие комитеты, преследовали только корыстные цели и требовали значительных сумм под предлогом большого объема кодификационных работ. Расходы только на содержание Витебского комитета ежегодно составляли 7 тыс. рублей⁷. Даже Виленский комитет, имевший возможность привлечь к составлению проекта свода местных законов ученых-правоведов университета, не отличался активностью. За время своего существования он сумел переписать в одну книгу указы с 1795 по 1800 годы и на этом прекратил работу.

Предпринимались попытки исправления русского перевода Статута Великого княжества Литовского 1588 года, при подготовке которого не был использован белорусский текст, в связи с чем был допущен ряд погрешностей и ошибок. Специальная комиссия, в состав которой вошли преподаватели правовых дисциплин Виленского университета И. Данилович и Я. Зноско, потратила много сил и энергии, но довести работу до конца не смогла, так как многие члены этой комиссии были репрессированы за участие в студенческих волнениях в Белоруссии и Литве.

Только в 1828 году возобновились работы по кодификации законодательства, которые были поручены II отделению императорской канцелярии. Для подготовки проекта свода было решено привлечь ученых и практических работников судов из Белоруссии, Литвы и Украины. В штат отделения подбирались юристы, зарекомендовавшие себя как лояльные ученые, поддерживающие мероприятия царизма по централизации государственного управления и ограничению самостоятельности местных властей. В январе 1830 года к работе во II отделении был привлечен метрикант Литовской Метрики, бывший филомат Ф. С. Малевский, который в 30-е годы отошел от политической борьбы. Генерал-губернатор князь Н. Н. Хованский рекомендовал М. Сперанскому для составления свода дворянина Вакара, а в помощь ему просил назначить от Витебской губернии М. Рыка и от Могилевской А. Нитославского. Но, кроме преданности государю и его законодательной политике, чиновники отделения должны были основательно знать как действующее законодательство, так и историю государства и права Великого княжества Литовского. Поэтому кандидатуры, предложенные Н. Н. Хованским, были отклонены. 26 февраля 1830 года ко II отделению был прикомандирован профессор И. Н. Данилович.

В период проведения кодификационных работ в Белоруссии и Литве царское правительство стремилось ликвидировать местные законы. 1 января 1831 года был издан указ о введении в Могилевской и Витебской губерниях российского законодательства и запрещении применения в судопроизводстве белорусского и польского языков⁸.

Были введены ограничения на применение местного законодательства и в других белорусских губерниях. Всем органам управления были даны наименования, существовавшие в российских губерниях. Первые департа-

менты главных судов были преобразованы в уголовные палаты, поветовые земские суды были переименованы в уездные, а городские суды ликвидированы.

С отменой местного законодательства в Могилевской и Витебской губерниях еще больше усилилось давление органов юстиции на юристов, занимающихся подготовкой проекта свода. Хотя составителям проекта приходилось считаться с тенденциозным отношением правительства к местному праву, все же в проект были включены многие нормы местного происхождения. Это послужило поводом для принятия самодержавием решения об отклонении проекта. 25 июня 1840 года был издан указ о введении во всех белорусских губерниях российского законодательства. В официальных документах было запрещено упоминать наименования Белоруссия и Литва.

¹ Данилович И. Библиографическое описание всех досель известных экземпляров Литовского Статута (извлечение) // Бершадский С. О наследовании в выморочных имуществах по Литовскому праву.— СПб., 1892.— С. 92.

² Полное собрание законов Российской империи: Собр. 1-е.— СПб., 1830.— Т. 19.— С. 507—508.

³ Там же.— С. 731.

⁴ Данилович И. Библиографическое описание всех досель известных экземпляров Литовского Статута.— С. 92.

⁵ ЦГИА БССР.— Ф. 1416, оп. 4, д. 1154, л. 2.

⁶ Там же.— Л. 5.

⁷ Там же.— Л. 2.

⁸ ЦГИА БССР.— Ф. 1297, оп. 1, д. 5299, л. 40.

Рэцэнзіі

Н. С. Сташкевич. Приговор революции: Крушение антисоветского движения в Белоруссии (1917—1925).— Минск: Изд-во «Университетское», 1985.—304 с.

Истории непролетарских партий посвящена обширная литература. Значительный вклад в ее дальнейшую разработку вносит рецензируемая книга. В ней на примере Белоруссии обобщается исторический опыт борьбы Коммунистической партии за воплощение интернационалистских принципов в революционно-освободительном движении и социалистическом строительстве, раскрыта тактика большевиков по отношению к националистическим партиям и организациям, начиная с кануна Великого Октября и заканчивая идейным, политическим и организационным крахом антисоветского движения в середине 20-х годов.

Исследуя этот комплекс вопросов, автор показывает сложный и извилистый путь зарождения и развития белорусского национально-освободительного движения, процесс поляризации классовых сил в нем, прослеживает генезис, сущность и эволюцию идеологии, политики и тактики националистических партий. В книге раскрыта их органическая связь с другими партиями, в частности с общероссийскими организациями кадетов, меньшевиков, эсеров и еврейскими националистическими партиями, выявлены общие закономерности их политического краха. При этом, сопоставляя теорию и практику большевиков с идеологией и политикой противостоящих им непролетарских партий, автор показывает классовую сущность национализма, его антинародный характер.

Программные и тактические установки проверяются действиями масс. Острейшая классовая борьба, развернувшаяся в ходе социалистической революции, гражданской войны и иностранной военной интервенции, вскрыла подлинную природу всех политических партий и организаций. Белорусский

народ сделал свой выбор. Трудящиеся убедились, что единственной силой, способной привести их к полному социальному и национальному освобождению, является Ленинская коммунистическая партия. Это стало важнейшим фактором политической гибели всех непролетарских партий. Сокрушительное поражение потерпели и белорусские националисты. Продолав путь от мелкобуржуазного националистического революционаризма к контрреволюции и пособничеству худшим врагам своего народа, они разделили участь всего антисоветского движения. Ускорила самоликвидацию националистических партий также идеологическая работа большевистских организаций, которая освободила массы от националистического дурмана, вооружила их несокрушимой верой в правоту марксизма-ленинизма.

Конкретно-исторический материал, содержащийся в рецензируемой книге, опровергает утверждение современных буржуазных советологов о том, что в Белоруссии в годы гражданской войны была осуществлена «экспансия русского большевизма», который военными средствами подавил якобы так называемое «национально-политическое движение». В свете исторического опыта этот фальсификаторский вымысел абсолютно несостоятелен.

Книга Н. С. Сташкевича отличается четкостью классового подхода к освещению вопросов межпартийной борьбы и политического банкротства непролетарских партий. Богатая фактическим материалом, интересная по содержанию, она займет достойное место в советской историографии, посвященной борьбе Коммунистической партии с идеологией и политикой национализма, различными непролетарскими партиями и антисоветским движением в первые годы Советской власти.

**В. В. Герменчук,
П. И. Зелинский,
В. З. Протченко.**

В. В. Рымалов. **Подрыв вековых устоев: Противоречия мировой экономической системы капитализма.** — Мысль, 1984. — 272 с.

Новая книга известного советского экономиста, лауреата государственной премии Виктора Владимировича Рымалова посвящена одной из наиболее актуальных проблем современного капитализма, которая сформулирована кратко и емко — подрыв вековых устоев. Отметив, что в рамках капиталистической системы хозяйства «возникают объективные материальные предпосылки ее гибели» (с. 12), автор на большом фактическом материале анализирует углубление подрыва устоев капитализма в современных условиях. Решению этой задачи подчинена логически стройная структура работы. От предельно краткой характеристики закономерностей и основных этапов формирования мировой экономической системы капитализма (раздел I) автор переходит к раскрытию интенсивного процесса подрыва вековых устоев капитализма после второй мировой войны, в которой понесли военное и морально-политическое поражение наиболее агрессивные силы империализма и реакции.

Распад колониальной системы империализма и образование на ее развалинах десятков политически независимых государств породил новое противоречие между развитыми капиталистическими и развивающимися странами. Во втором разделе книги и подвергаются анализу тенденции и противоречия роста производительных сил в этих двух группах стран. Самое важное здесь в том, что многие освободившиеся от колониального ярма страны видят перспективу своего развития не в капитализме, а в ориентации на социализм, создании экономических и политических предпосылок строительства социализма.

В последующих двух разделах В. В. Рымалов концентрирует внимание на роли современных мировых циклических кризисов, неравномерности развития индустриальной и сырьевой сфер мировой хозяйственной системы капитализма в подрыве устоев последнего.

Читателя несомненно заинтересует убедительная характеристика циклического развития мирового капиталистического хозяйства и особенностей мирового промышленного цикла капитализма 70—80-х годов. Хочется добавить, что высказанный автором в предыдущей работе (См.: Рымалов В. В. Структурные изменения в мировом капиталистическом хозяйстве (послевоенные тенденции). — М.: Мысль, 1978) прогноз о новой кризисной фазе на рубеже 70—80-х годов, которая будет знаменовать собой вступление капитализма в полосу нового мирового экономического цикла, подтвердился. Это усиливает доверие к рецензируемой работе.

Все сложные проблемы освещаются автором доступно, доказательно. Книга В. В. Рымалова «Подрыв вековых устоев» пополняет научный арсенал анализа современного капитализма. Богатый материал для критики политики, идеологии международного империализма найдут в ней пропагандисты, агитаторы.

С. Е. Янченко

Советский гражданский процесс / Под ред. Н. А. Чечиной и Д. М. Чечота. — Л.: издательство Ленинградского университета, 1984. — 424 с.

Рецензируемая работа, допущенная Министерством высшего и среднего специального образования СССР в качестве учебника для студентов юридических вузов, отражает современный уровень развития науки советского гражданского процессуально-права.

Представляется удачной структура книги. Она позволила в систематизированном виде, логически последовательно изложить основные вопросы общей и особенной частей гражданского процессуального права. Несомненным достоинством учебника являются ясность, доступность, а также единый стиль изложения, несмотря на участие в его подготовке большого авторского коллектива. Суждения по дискуссионным вопросам, как правило, хорошо аргументированы. В необходимых случаях дается сравнительный анализ гражданского процессуального законодательства РСФСР и других союзных республик.

В учебнике рассмотрены программные вопросы курса «Советский гражданский процесс». Дано принципиально правильное определение советского гражданского процесса (с. 12—13), верна в целом общая характеристика стадий процесса и его отдельных институтов. Обстоятельно изложен один из самых сложных в теоретическом плане вопросов — о сущности гражданских процессуальных правоотношений. По мнению авторов, это — общественные отношения, урегулированные нормами гражданского процессуально-права, возникающие в период осуществления правосудия по гражданским делам между судом и лицами, участвующими в процессе, закрепляющие их процессуальные права и обязанности (с. 46). В этом определении хорошо показана специфика гражданских процессуальных правоотношений, раскрыт механизм их действия в гражданском процессе.

Правильно, на наш взгляд, рассматривается иск, природа которого может быть раскрыта путем анализа его материально-правовой стороны (притязание истца к ответчику) и процессуально-правовой стороны (обращение к суду с требованием о защите нарушенного субъективного права). Такое понимание иска соответствует

как законодательству, так и судебной практике.

На основе действующего законодательства, а также последних постановлений Пленума Верховного Суда СССР в учебнике достаточно полно и правильно освещаются предмет, система и принципы советского гражданского процессуального права, правовое положение лиц, участвующих в деле, подведомственность и подсудность гражданских дел, производство дел в суде первой, кассационной и надзорной инстанций, неисковые производства, исполнение судебных решений, гражданские процессуальные права иностранных граждан и лиц без гражданства. Большое внимание авторы уделили вопросам государственного арбитража, третейского разбирательства гражданско-правовых споров, товарищеских судов и нотариата.

Вместе с тем изложение некоторых вопросов вызывает замечания или возражения. Так, недостаточно полно освещены основания участия в гражданском процессе органов государственного управления, профсоюзов, учреждений, предприятий, организаций, защищающих права других лиц. В гл. 12 понятие «право на иск» дано вне связи с конституционными поло-

жениями о праве граждан на судебную защиту от различного рода посягательств (ч. II ст. 57 Конституции СССР).

Трудно согласиться с двойственным характером понятия доказательства в гражданском процессе (с. 132). Большинство ученых процессуалистов рассматривает судебное доказательство как единое понятие, в котором фактические данные и средства доказывания взаимосвязаны.

Весьма спорно утверждение о том, что судебный исполнитель не является субъектом гражданских процессуальных правоотношений (с. 334). Дело в том, что данный участник процесса наделен определенными процессуальными правами, несет процессуальные обязанности, его действия могут быть обжалованы в установленном законом порядке. Стало быть, судебный исполнитель должен относиться к числу субъектов гражданских процессуальных правоотношений.

Высказанные замечания не снижают высокой оценки большого труда ленинградских ученых-процессуалистов, одного из лучших в стране учебников по советскому гражданскому процессу.

В. Г. Тихиня

Нашы юбіляры

АНАТОЛИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ГОЛОВКО (К 60-летию со дня рождения)

Исполнилось 60 лет заведующему кафедрой государственного права и советского строительства юридического факультета БГУ имени В. И. Ленина, доктору юридических наук, профессору Анатолию Александровичу Головко.

А. А. Головко родился в семье военнослужащего в г. Алексеевка Белгородской области. В 16 лет добровольцем ушел на фронт. В боях с немецко-фашистскими захватчиками был ранен. Вернулся домой инвалидом Великой Отечественной войны. Мужество, стремление к активной жизни помогли ему преодолеть болезнь и окончить Харьковский юридический институт, аспирантуру и успешно защитить кандидатскую, а позже и докторскую диссертации.

С 1954 года А. А. Головко работает в Белоруссии. Сначала в Институте философии и права АН БССР, а с 1959 года — на юридическом факультете БГУ имени В. И. Ленина. С 1965 года возглавляет кафедру государственного права и советского строительства.

А. А. Головко внес весомый вклад в государственно-правовую науку. Среди многочисленных печатных работ Анатолия Александровича выделяются книги о повышении роли местных Советов народных депутатов в руководстве сельскохозяйственным производством: «Местные Советы БССР — организаторы распространения передового опыта в сельском хозяйстве» (1956), «Местные Советы — организаторы колхозного производства» (1957), «Из опыта работы сельских Советов Белоруссии» (1958), «Местные Советы Белоруссии в борьбе за социалистическое переустройство сельского хозяйства (1929—1935 гг.)» (1962), а также о развитии советской демократии: «Конституция подлинного народовластия» (1979), «Советы народных депутатов» (1979), «Человек, личность, гражданин» (1982). Высокую оценку юристов-правоведов получило учебное пособие «Советское строительство» (1979), основным автором и редактором которого является А. А. Головко. Его статьи публикуются не только в советской прессе, но и в Болгарии, ГДР, Венгрии, Финляндии, а также в журналах «Нидерланды», «Франция — СССР».

Много внимания уделяет А. А. Головко подготовке научных кадров. Им подготовлено 13 кандидатов наук, в том числе два иностранных гражданина.

Кафедра государственного права и советского строительства БГУ имени В. И. Ленина под руководством А. А. Головко активно развивает научные связи с вузами Советского Союза и братских социалистических стран.

А. А. Головко активно участвует в общественной деятельности, являясь заместителем председателя Общества Дружбы «СССР — Ливия», членом государственно-правовой секции НТС Минвуза СССР, председателем секции юридических наук НТС Минвуза БССР, внештатным лектором ЦК КПБ, членом двух научно-методических советов общества «Знание» БССР.

За боевые и трудовые заслуги А. А. Головко награжден тремя орденами, одиннадцатью медалями, Почетной грамотой Верховного Совета БССР, грамотой Верховного Совета БССР, Почетной грамотой Минвуза БССР, Почетной грамотой Белгосуниверситета имени В. И. Ленина.

Свое шестидесятилетие Анатолий Александрович Головко встретил полным жизненной и творческой энергии, активным и деятельным. Желаем ему многих лет творческой жизни, здоровья, счастья.

А. Н. КРАМНИК

ЗМЕСТ

ГІСТОРЫЯ

<i>Меньковский В. И.</i> Деятельность комсомольских организаций республики по обеспечению ударных комсомольских строек рабочими кадрами (1971—1980)	3
<i>Карбалевиц В. И.</i> Руководство КПБ пропагандой достижений сельскохозяйственной науки и передового опыта (1971—1980)	5
<i>Якуш Н. М.</i> Совершенствование подготовки кадров массовых профессий в системе сельских профтехучилищ Белорусской ССР (1976—1983)	8
<i>Орлова Н. Е.</i> Предпосылки формирования государственной системы народного просвещения в Англии в первой трети XIX века	11
<i>Смирнова Е. Д.</i> К истории чешско-русских культурных связей позднего феодализма (XVI—XVIII века)	14
<i>Соколова Е. А.</i> Грабительский характер экономической политики немецко-фашистских захватчиков в Белоруссии	18
<i>Сергеенкова В. В.</i> Министерство народного просвещения после покушения Д. В. Каракозова	21
<i>Гончаров Н. Н.</i> Антиклерикальные выступления в Западной Белоруссии (1921—1939)	23
<i>Игнатенко А. П., Сосно В. А.</i> Причины и основные этапы движения помещичьих крестьян Белоруссии за переход в состав государственных (конец XVIII—первая половина XIX века)	26

ФІЛАСОФІЯ

<i>Драговец Г. В.</i> О специфике научного и художественного познания	29
<i>Гуминский А. П.</i> О взаимосвязях в модальных логиках	32
<i>Лемехова С. В.</i> Специфика эстетической деятельности	34
<i>Новикова Л. Г.</i> О специфической функции современной научной фантастики	36
<i>Попельская Е. О.</i> Принцип скептицизма в гносеологии Джорджа Сантаяны	40
<i>Бондарь Н. Н.</i> Диалектика структуры потребления в условиях совершенствования развитого социализма	43
<i>Ровдо В. В.</i> Критика американской неоконсервативной концепции антиразрядки	46

НАВУКОВЫ КАМУНІЗМ

<i>Дронь П. П., Шалькевич В. Ф.</i> Проблемы научного коммунизма в трудах Ф. Энгельса	50
---	----

ЭКАНОМІКА

<i>Клюня В. Л.</i> Усиление обобществления сельскохозяйственного производства в условиях АПК	54
<i>Хвасеня Н. П.</i> Преимущества крупномасштабной кооперации труда в условиях социализма	57
<i>Курьян В. В.</i> К вопросу об общественной форме труда	60
<i>Бесман В. В.</i> Социально-экономическая эффективность общественного производства	63

ПРАВА

<i>Вашкевич А. Е.</i> Соотношение Конституции РСФСР 1918 года и первых конституций советских республик (сравнительно-правовой анализ)	65
<i>Лапин А. В.</i> Анализ исходной информации о квартирной краже с целью организации розыска преступника	68
<i>Сикорский В. М.</i> Попытка кодификации местного права Белоруссии и Литвы в первой половине XIX века	70

РЭЦЭНЗІІ

<i>Герменчук В. В., Зелинский П. И., Протченко В. З. Н. С. Сташкевич.</i> Приговор революции: Крушение антисоветского движения в Белоруссии (1917—1925)	73
<i>Янченко С. Е. В. В. Рымалов.</i> Подрыв вековых устоев: Противоречия мировой экономической системы капитализма	74
<i>Тихиня В. Г.</i> Советский гражданский процесс / Под ред. Н. А. Чечиной и Д. М. Чечота	74

НАШЫ ЮБІЛЯРЫ

Анатолий Александрович Головка (К 60-летию со дня рождения)	76
---	----

УКАЗАЛЬНИК

**артыкулаў, апублікаваных у «Весніку Беларускага дзяржаўнага
універсітэта імя У. І. Леніна», серыя III (гісторыя, філасофія,
навуковы камунізм, эканоміка, права) у 1985 годзе**

ГІСТОРЫЯ

<i>Бригадина О. В.</i> Совершенствование работы ЛКСМ Белоруссии с пропагандистскими кадрами (1966—1975)	1	13
<i>Вернер Мэгдэфрау, Эрика Лангер.</i> Тюрингско-ганзейские экономические и политические отношения в средние века	2	27
<i>Герман К. К.</i> Всенародная борьба против немецко-фашистских захватчиков в Белоруссии	2	5
<i>Гусарова Г. А.</i> Партийное руководство подготовкой механизаторских кадров для сельского хозяйства Белоруссии (1966—1970)	3	13
<i>Жмуровский Д. П.</i> Всемирно-историческое значение Победы	2	17
<i>Зайцев Н. Я.</i> Бессмертный подвиг советского народа	2	13
<i>Ивановский Ю. В.</i> Деятельность Компартии Белоруссии по совершенствованию работы с письмами трудящихся (1976—1984)	2	29
<i>Климович В. С.</i> Уроки Победы	2	15
<i>Кожушков А. И., Чудаев М. Ф.</i> Все для фронта, все для победы! (Трудовые свершения преподавателей и студентов БГУ в советском тылу в годы Великой Отечественной войны)	2	8
<i>Корзун М. С.</i> Тип хозяйства и политическая позиция Никиты	1	23
<i>Корзун М. С.</i> Афинское посольство по заключению Никитина мира	3	19
<i>Король А. С.</i> Организация РСДРП в Белоруссии: опыт первых боев 1905 года	1	10
<i>Коршук В. К.</i> Руководящая и направляющая сила	2	10
<i>Космач Е. Н.</i> Из истории англо-советских научно-технических связей (1924—1927)	1	21
<i>Котов А. И.</i> Партийное руководство повышением культурно-технического уровня сельских тружеников Белоруссии в условиях развитого социализма (1966—1980)	3	14
<i>Лукина Л. В.</i> Пропаганда печатью Белоруссии движения за коммунистическое отношение к труду в промышленности (1966—1970)	2	19
<i>Мартен М. В.</i> Культурное шефство города над деревней в Белорусской ССР (1966—1975)	3	16
<i>Михайловская Л. Л.</i> Грюнвальдская битва в свете нарративных источников	1	22
<i>Нестерович Я. Ю.</i> Помощь Красной Армии крестьянству БССР в проведении мелиорации земель и их сельскохозяйственном освоении (1920—1932)	3	3
<i>Протченко В. З.</i> Коммунистическая партия — вдохновитель и организатор победы советского народа над фашистской Германией	1	3
<i>Романовский И. Ф.</i> В. И. Ленин о характере и значении революции 1905—1907 годов в России	1	6
<i>Сидорцов В. Н.</i> Социально-политический подъем рабочего класса БССР накануне Великой Отечественной войны	2	3
<i>Сидорцов В. Н.</i> Рост активности рабочего класса БССР в осуществлении внутренних функций социалистического государства	3	6
<i>Хухулындина Л. М.</i> Роль подпольной партийной печати в срыве планов немецко-фашистских захватчиков по заготовке хлеба на оккупированной территории Белоруссии	3	8
<i>Царюк Н. А.</i> Роль сотрудничества ЛКСМБ и ДКСМ в патриотическом и интернациональном воспитании молодежи (1969—1979)	1	18
<i>Чесновский М. Э.</i> Рост активности трудящихся западных областей Белоруссии в борьбе за мир (1945—1950)	3	11
<i>Шарапов А. В.</i> Из опыта работы пленумов партийных комитетов Белоруссии по осуществлению решений XXVI съезда КПСС	1	16
<i>Шатерник Л. В.</i> Воспитание студентов Белоруссии на героических традициях КПСС и советского народа в процессе изучения общественных наук (1965—1970)	2	24
<i>Шишков А. А.</i> Партийное руководство социалистическим соревнованием работников химической и нефтехимической промышленности Белоруссии (1972—1975)	2	22

ФІЛАСОФІЯ

<i>Акулов В. Л.</i> О месте чувственности в структуре познавательного процесса	3	32
<i>Бирало Л. А.</i> Об особенностях первых пространственно-временных представлений	1	26

Добриневский С. Ф. О содержании категории «потребность»	1	34
Жбанков М. Р. Изменение массового сознания как предпосылка становления науки нового времени	2	38
Залыгина Н. А., Поликарпов В. А. Проект тестовой методики «Герой-собеседник»	3	29
Каравкин В. И. Учение Гегеля о прекрасном в природе	2	43
Клевченя А. С., Бройкер Г. Об основных направлениях исследования убеждения в Германской Демократической республике	2	41
Клесов С. К. Динамическое равновесие как условие устойчивости природных систем	2	35
Климов Е. Г. Значение ленинского опыта борьбы за создание марксистской партии в России для теории и практики современного мирового революционного процесса	1	39
Корольков Н. А. Природа как объект эстетического отношения	3	35
Костенич В. А. Предмет науки как методологическая проблема	2	32
Можейко М. А. К проблеме формирования категории «субстанция» в античной натурфилософии	3	40
Потапова Н. М. Формирование коммунистического мировоззрения студентов в условиях художественного образования и эстетического воспитания	1	37
Рябokonь Н. В. Объект и субъект детерминации научного мировоззрения	1	29
Скурагович К. И. Империалистическое духовное манипулирование и его классовая сущность	3	37
Хотяновский Н. В. К вопросу о сущности «реалистической» философии Дж. Э. Мура	1	32
Чеблакова Л. А. Особенности воспитания как общественного явления в условиях развитого социализма	3	26

НАУКОВЫ КАМУНИЗМ

Белякович Н. Н. Черты коммунистической личности	1	41
Бугрова И. И. О содержании понятия «социализация личности»	3	51
Дронь П. П., Пустоход А. М. О единстве патриотического и интернационального воспитания студенческой молодежи	3	44
Жданок Л. Н. Некоторые предпосылки и особенности участия молодежи стран Запада в общедемократическом движении	3	46
Левкович Л. Н. Некоторые аспекты воздействия НТР на развитие культуры	1	43
Потапенко С. В. О соотношении понятий «культурный» и «образовательный» уровни трудящихся	3	49
Стульский В. Ф. Воспитательный потенциал общественного контроля и его реализация в производственном коллективе	2	47
Хацкевич А. А. Ленинская национальная политика КПСС и ее современные буржуазные фальсификаторы	2	49

ЭКАНОМІКА

Базылев Н. И., Мальгина Т. А. К вопросу об использовании рабочей силы как фактора интенсификации общественного производства	3	55
Бон Вольфанг. Критика немецкой буржуазной политэкономии по проблемам сущности экономических законов социализма	3	64
Борисов А. А., Коновалов Г. Я. Анализ влияния размеров производства на технико-экономические показатели предприятий (на примере предприятий Минплодоощущоха БССР)	2	61
Борушко Н. В. Содержание социалистической дисциплины труда	1	49
Гусаревич Т. В. Взаимосвязь буржуазной теории стоимости и цены (На материалах нелиберального направления ФРГ)	3	68
Густав Кернер. Критика буржуазной контрреволюционной эмигрантской мысли по проблемам распределения при социализме	2	56
Дрозд Н. М. Органическое единство отношений соревнования и плановмерности при социализме	3	58
Клюня В. Л. Сближение двух форм собственности и развитие коммунистической собственности в народнохозяйственном АПК	1	52
Лабоцкий Д. А. Обновление основных производственных фондов как закономерность их воспроизводства	1	57
Люкович В. Б. К. Маркс и Ф. Энгельс об экономической функции буржуазного государства	2	54
Нечай А. А. К вопросу о социально-экономическом содержании переходных экономических форм в развивающихся странах	3	60
Олехнович Г. И. Особенности функционирования народнохозяйственной структуры в условиях военного производства	2	52
Семенов А. Ю. Рациональное использование рабочего времени — основное звено реализации закона экономии времени	1	55
Сказецкая И. А. Бригадная форма кооперации труда и оптимальное сочетание коллективных и личных интересов	2	58
Терещенко Г. Н. Содержание категории «перемена труда» и ее взаимосвязь с общественным разделением труда	1	47

ПРАВА

Белова Т. А. Предмет защиты по искам о возмещении вреда, возбужденным страхователем	3	69
Бибило В. Н. Понятие уголовно-процессуального правоотношения	3	71
Броновец В. С. Правореализующая деятельность советского государства по охране окружающей среды	1	62
Данилевич А. А. Этические начала судебных выступлений	2	70
Евдокимов В. П. Соотношение системы права и системы законодательства	2	64
Колядко И. Н. О понятии «вид судопроизводства» в советском гражданском процессе	1	60
Мороз Л. Н. Правовой режим торфяного фонда	1	66
Райдудин А. Т. Значение судебной практики для совершенствования советского законодательства	1	68
Тихиня В. Г., Ракитина Л. Н. О сведущих свидетелях и специалистах в гражданском судопроизводстве	2	67
Чудаков М. Ф. Советское законодательство о социалистическом трудовом коллективе как субъекте политической системы	2	71

ПАДЗЕІ, ФАКТЫ, ГІПОТЭЗЫ

Алпеев А. Н., Мельник Ф. И. К 50-летию VII конгресса Коминтерна	3	74
Загоруйский Э. М. Об одном полоцком сюжете в «Слове о полку Игореве»	3	75

РЭЦЭНЗІІ

Базылев Н. И., Бондарев В. Ф., М. В. Научитель, Н. Е. Титова. Иллюзии «общества благосостояния»	2	75
Ванькевич А. И., Рудак А. А. С. Е. Япченко. Налог с оборота. Теоретический очерк	1	71
Герасименко Г. Г. Формирование классового сознания трудящихся. Из опыта идеологической работы Компартии Белоруссии	1	70
Гусев Ю. А., Дубов Г. В., Ануфриев Г. Г., Позняков В. В. Краткий словарь по эстетике	3	78
Давидюк Г. П. Р. П. Платонов, А. А. Дмитрук. Контрпропаганда — высокую действенность	3	79
Калинин Ю. В., Тишкевич И. С. Ф. М. Решетников. Буржуазное уголовное право — орудие защиты частной собственности	1	73
Карако П. С., Волкова Э. В. Т. А. Абдылдаев, А. К. Бакаев. Соотношение естественного и искусственного в условиях научно-технической революции	2	77
Климович В. С., Романовский И. Ф. А. Д. Лебедев. Политическая работа в массах. Из опыта Компартии Белоруссии (1966—1982)	1	71
Маринович И. И. В. М. Семенов. Суд и правосудие в СССР	2	75
Муравский В. А., Сильченко Н. В., Зарьков В. М. А. Г. Тиковенко. Начальник и подчиненный	2	78
Нечай А. А., Кушин М. А. А. А. Демин. Государственно-монополистический капитализм: проблемы, тенденции, противоречия	1	72
Рудкин В. Г., Сосно В. А., Чудаев М. Ф. Хрестоматия по истории БССР (1917—1983)	2	74
Середа В. В. И. К. Смирнов. Метод исследования экономического закона капитализма в «Капитале» К. Маркса	2	78
Тенчов Э. С. И. С. Тишкевич. Уголовная ответственность за посягательства на социалистическую собственность	2	76
Тиво М. Д. А. М. Байчоров. Неоколониализм: социально-политические цели и методы экспансии	1	72
Трухнов Г. М., Космач Г. А. Л. М. Шнейерсон. На перепутье европейской политики	3	80
Уваров Л. В., Петушкова Е. В. В. А. Геронменко. Активность формы физического знания	3	79

НАШЫ ЮБІЛЯРЫ

Давид Борисович Мельцер (К 60-летию со дня рождения)	1	74
--	---	----